

ISSN 2227-1171 (Print)

ISSN 2542-1247 (Online)

Том 12, № 1. 2021

Vol. 12, No. 1. 2021

Сквозной номер – 43

Continuous issue – 43

ВЕСТНИК
Казанского юридического института МВД России
Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Scientific and Theoretical Journal

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

Выходит с 2010 года ежеквартально

The Journal is being published since 2010 each quarter

Индекс в объединенном каталоге
"Пресса России" – 84683

Index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

The Journal is registered in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук
(12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность)

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-
reviewed journals, in which should be published basic scientific
results of degree dissertations
(12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory
of law and state,
12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law,
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law,
12.00.09 Criminal proceedings,
12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights
and law enforcement activity,
12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический справочник
«Система ГАРАНТ»

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)
The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory
The Journal is included in the electronic periodical "Sistema
GARANT"

Журнал распространяется только по подписке

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, Казанский юридический институт МВД России).
ORCID: 0000-0002-3749-7669

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гишинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Восточная экономика-юридическая гуманитарная академия).
ORCID: 0000-0003-0930-7482

Меязев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Башкирский государственный университет).
ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, профессор **Зинуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе).
ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Зотина Елена Владимировна – врио начальника редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Full Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Elena Vladimirovna Zotina, Editor - in - Chief (ad interim) of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy, Candidate in Laws (Doctor habilitatus), Professor of Criministics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Laws (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	6
....	
<u>ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА</u>	
Гумеров Л.А. Виды индивидуального регулирования правоотношений в научно-технологической сфере.....	8
<u>КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО</u>	
Латыпова Н.С. Особенности правового регулирования организации местного самоуправления во Франции: возможности рецепции.....	15
Корсун К.И. Избрание глав муниципальных образований по конкурсу: ограничение народной власти или совершенствование института муниципального представительства?.....	22
Сафин Д.А. Взаимодействие общественных палат муниципальных образований и общественных палат субъектов Российской Федерации.....	28
<u>ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</u>	
Белов Е.А. Тенденции создания и функционирования муниципальных органов охраны общественного порядка (на примере Республики Татарстан).....	34
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Векленко С.В., Беличенко Р.В. Сравнительно-правовой анализ законодательного понимания и оценки биологического критерия ограниченной вменяемости в России, Англии и Уэльсе	39
Воробьев С.М., Егорова Т.И. Лишение свободы: вопросы правового регулирования и практики применения.....	46
Кобец П.Н. Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами.....	53
Рогова Е.В., Забавко Р.А. Пробелы правового регулирования ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества и лесных насаждений (статья 168, части 1-2 статьи 261 Уголовного кодекса Российской Федерации)	59
Родина Е.А. Киберпространство как криминологическая категория.....	66
Уматкулова Р.Р. Усмотрение в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы как фактор коррупции.....	72
Хабибуллин Л.Р. Повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками.....	76
Шерпеева А.З. Некоторые социально-демографические характеристики преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления.....	81

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА

Алиуллов Р.Р. О внедрении в деятельность правоохранительных органов Республики Казахстан электронного формата расследования уголовных дел.....	86
Амиров Р.Г. Проблемные вопросы расследования причинения тяжкого вреда здоровью медицинскими работниками.....	92
Багаутдинов Ф.Н. Вопросы отвода судьи в практике новых кассационных судов.....	98
Пьянкова Н.В. Проблемы понимания сущности принципа самостоятельности и независимости следователя.....	103
Старостенко Н.И. Социальная инженерия как объект криминалистического изучения.....	109
Терехов А.Ю., Латыпов В.С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголов- ным делам.....	115
Щелконогова И.С. К вопросу о пробелах в нормах главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в отношении адвоката и следователя.....	122
<u>КСВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	126

CONTENTS

STATE LAW

Gumerov L.A.

Types of Individual Regulation of Legal Relations in The Scientific and Technological Sphere..... 8

CONSTITUTIONAL LAW, MUNICIPAL LAW

Latypova N.S.

Features of Legal Regulation of the Organization of Local Self-Government in France: Reception Features..... 15

Korsun K.I.

Election of Heads of Municipalities on a Competitive Basis: Restriction of People's Power or Improvement of the Institution of Municipal Representation?..... 22

Safin D.A.

Interaction between Public Chambers of Municipalities and Public Chambers of Constituent Entities of the Russian Federation..... 28

HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT

Belov E.A.

Trends in the Establishment and Functioning of Municipal Public Protection Bodies (on the Example of the Republic of Tatarstan)..... 34

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Veklenko S.V., Belichenko R.V.

Legislative Comprehension and Assessment of the Biological Criterion of Diminished Responsibility in Russia, England and Wales: Comparative Legal Analysis..... 39

Vorobyev S.M., Egorova T.I.

The Reasonableness of the Penalty of Deprivation of Liberty..... 46

Kobets P.N.

Functioning of the mechanism for compensation for damage caused by a crime in States with different legal systems..... 53

Rogova E.V., Zabavko R.A.

Lacunae in Legal Regulation of Responsibility for Destruction or Damage to Other Property and Forest Plants (Art. 168 and Part 1-2 of Art. 261 of the Criminal Code of Russia) 59

Rodina E.A.

Cyberspace as a Criminological Category..... 66

Umatkulova R.R.

Discretion in the Activities of Penal Institutions as a Factor of Corruption 72

Habibullin L.R.

Improving the Effectiveness of the Criminal Justice Response to Mass Riots..... 76

Sherpeeva A.Z.

Some Social and Demographic Characteristics of Criminals who Commit Traffic Crimes..... 81

CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS

Aliullov R.R.

Activities of Law Enforcement Agencies of the Republic of Kazakhstan Conducting Investigations in Electronic Format..... 86

Amirov R.G.

Infliction of Grievous Bodily Harm Committed by Medical Workers: Issues of Concern..... 92

Bagautdinov F.N.	
Recusal of a Judge in Courts of Cassation.....	98
Pyankova N.V.	
The problem of understanding the essence of the principle of autonomy and independence of the investigator.....	103
Starostenko N.I.	
Social Engineering as an Object of Forensic Study.....	109
Terekhov A.Y., Latypov V.S.	
The Need to Deposit Witness and Victims Evidence in Complex Criminal Cases.....	115
Shchelkonogova I.S.	
Lacunae in Chapter 52 of the Criminal Code of the Russian Federation Against Lawyer and Investigator.....	122
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	126

УДК 340.11

DOI: 10.37973/KUI.2021.95.71.001

Л.А. Гумеров

**ВИДЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ
В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

**TYPES OF INDIVIDUAL REGULATION
OF LEGAL RELATIONS IN THE SCIENTIFIC
AND TECHNOLOGICAL SPHERE**

Введение: статья посвящена исследованию особенностей индивидуального регулирования правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере.

Материалы и методы: материалами исследования послужили правовые акты, результаты судебной практики, научные труды С.С. Алексева, В.В. Ершова, Т.В. Кашаниной, И.А. Минникеса, Ф.Н. Фаткуллина и др. Методологической основой исследования является диалектический метод, в соответствии с которым использованы общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции, а также применены частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и метод толкования права.

Результаты исследования: обращено внимание на особенности индивидуального регулирования правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере. Обоснована специфика индивидуального договорного регулирования, индивидуального судебного регулирования и саморегулирования. Представлена теоретико-правовая характеристика преимуществ указанных видов индивидуального регулирования правоотношений в научно-технологической сфере.

Обсуждение и заключения: предлагается унифицировать нормы права, регламентирующие договорное регулирование правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере. Обосновывается возможность совершенствования саморегулирования в результате принятия Стандарта этики научно-технологической деятельности, а также развития коллективного саморегулирования в научно-технологической сфере в части инновационной деятельности.

Ключевые слова: индивидуальное регулирование, правовое регулирование, правоотношения, научно-технологическая сфера, право и научно-технологическое развитие

Для цитирования: Гумеров Л.А. Виды индивидуального регулирования правоотношений в научно-технологической сфере // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 8-14. DOI: 10.37973/KUI.2021.95.71.001

Introduction: the author studies peculiarities of individual regulation of legal relations in scientific and technological sphere.

Materials and Methods: the materials of the study were legal acts, the results of judicial practice, scientific works of S.S. Alekseev, V.V. Ershov, T.V. Kashanina, I.A. Minnikes, F.N. Fatkullin and others. The methodological basis of the study was the dialectical method, in accordance with which general scientific methods of analysis and synthesis, deduction were used, as well as specific scientific methods were applied: comparative legal, formal legal methods and the method of interpretation of law.

Results: attention is paid to the peculiarities of individual regulation of legal relations in scientific and technological sphere. The specificity of individual contractual regulation, individual judicial regulation and self-regulation has been substantiated. The theoretical and legal characteristics of the advantages of these types of individual regulation are given.

Discussion and Conclusions: it is proposed to unify the norms of law governing the contractual regulation of legal relations in scientific and technological sphere. The possibility of improving self-regulation by adopting the Ethics Standard for scientific and technological activities, as well as the development of collective self-regulation in the scientific and technological sphere in terms of innovation is substantiated.

Keywords: individual regulation, legal regulation, legal relations, scientific and technological sphere, law and scientific and technological development

For citation: Gumerov L.A. Types of Individual Regulation of Legal Relations in the Scientific and Technological Sphere // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 8-14. DOI: 10.37973/KUI.2021.95.71.001

Введение

Регулирование правоотношений в научно-технологической сфере представляет особый интерес для исследования, обусловленный ее фундаментальной ролью в жизнедеятельности общества и государства. Происходящие в мире кардинальные технологические перемены, сопоставимые с эпохами промышленных революций и научных открытий, требуют изменения подходов к организации исследований, управлению технологиями и знаниями, формированию из них важнейшего ресурса развития общества, обеспечения и укрепления суверенитета государства¹.

Реализация правоотношений в научно-технологической сфере невозможна без индивидуального регулирования, которое учитывает специфику конкретных научно-технологических правоотношений, дополняет их упорядочение необходимыми регуляторами, обладает особым значением при преодолении правотворческих ошибок, пробелов и коллизий.

Специфика правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере, связанная с реализацией свободы научного и технического творчества, обуславливает необходимость применения различных индивидуальных регуляторов. В связи с этим вопрос о видах индивидуального регулирования и их применения к соответствующим правоотношениям представляется крайне актуальным для исследования и имеет практическое значение для повышения эффективности регулирования.

Обзор литературы

Индивидуальное регулирование правоотношений достаточно вариативно. Несмотря на продолжающиеся дискуссии, вопрос о видах индивидуального регулирования в целом является достаточно разработанным. В юридической литературе выделяют следующие виды индивидуального регулирования: правоприменительное и автономное (Горшенев В.М.) [1, с. 170-172]; субординационное и координационное (Исаков В.Б.) [2, с. 262-266]; индивидуально-правоприменительное и автономное (Краснояржский С.Г.) [3]; автономное, координационное (договорное), субординационное (Кашанина Т.В.) [4, с. 122-130]; автономное (договорное) и правоприменительное (Дивеева Н.И.) [5]; децентрализованное и централизованное (Минникес И.А.) [6] и др.

По нашему мнению, одна из наиболее полных систематизаций приведена в работах В.В. Ершова, который выделяет несколько классификаций, в том числе проводит дифференциацию по субъектам: саморегулирование, индивидуальное договорное регулирование, индивидуальное медиативное регулирование и индивидуальное регулирование органов, уполномоченных принимать принудительные решения [7, с. 426]. Следует отметить, что все указанные виды характерны для индивидуального регулирования правоотношений в научно-технологической сфере.

Материалы и методы

Научная статья основывается на исследовании научной и специальной литературы, материалах юридической практики. Общей методологической основой работы является диалектический метод научного познания, в сочетании с которым применены общенаучные методы: анализ, синтез, абстрагирование, системный, структурно-функциональный; а также специально-юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, толкования права.

Исследовательские позиции автора сформированы в соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного правопонимания, разрабатываемой научной школой Российского государственного университета правосудия [8].

Результаты исследования

Раскроем в рамках настоящей статьи виды индивидуального регулирования, раскрывающие специфику упорядочения правоотношений в научно-технологической сфере: индивидуальное договорное и индивидуальное судебное регулирование, саморегулирование. Системообразующими для научно-технологической сферы являются правоотношения, связанные с реализацией свободы научного и технического творчества в рамках научно-технологической деятельности, осуществлением научных исследований и технических, технологических разработок. В связи с этим дальнейшее исследование видов индивидуального регулирования будет осуществлено применительно к указанным правоотношениям.

Значительное распространение в научно-технологической сфере получило индивидуальное договорное регулирование, которое осуществ-

¹ См. подробнее: Об актуальных вопросах развития научно-технической политики Российской Федерации: Материалы к заседанию Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, 27.11.2018. URL: <http://science.gov.ru/media/files/file/0X919ocSDUdFyOfnAYal1ACQI3EWEV5t.pdf>, доступ свободный (дата обращения: 11.12.2020).

вляется в рамках гражданско-правового или трудо-правового регулирования. При этом важно отметить, что, помимо норм гражданского и трудового права, индивидуальное договорное регулирование регламентировано нормами права, имеющими межотраслевое значение, содержащимися, например, в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Федеральный закон «О науке...»)¹.

Законодатель исходит из того, что договор является «основной правовой формой» отношений между научной организацией, заказчиком и иными потребителями научной и научно-технической продукции, в том числе связанных с созданием, передачей и использованием научной и научно-технической продукции, оказанием научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг, с совместной научной и научно-технической деятельностью и др. (Ст. 8 Федерального закона «О науке...»). К сожалению, содержание данной нормы права нельзя признать безупречным по ряду оснований. Во-первых, на наш взгляд, некорректно определено, что индивидуальный договор является правовой формой. Правовой формой отношений между субъектами является правоотношение, поскольку оно, прежде всего, упорядочено принципами и нормами права. При этом индивидуальный (частный) договор ненормативного характера является, безусловно, важной составляющей взаимодействия его участников, но средством индивидуального, а не правового регулирования [7]. Во-вторых, указанная норма права касается исключительно научных организаций и не учитывает иных субъектов научно-технологической деятельности, например, физических лиц.

С указанной нормой взаимосвязана глава 38 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), регламентирующая выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Однако ее содержание значительно уже рассматриваемой нормы права и затрагивает только договорное регулирование проведения научных исследований или разработки образца нового изделия, другими словами, создание научно-технологического результата. Положения статьи 8 Федерального закона «О науке...» предусматривают договорное регулирование не только создания, но и использования научно-технической продукции, которая, в отличие от научно-технологического результата, в соответствии с положениями Федерального закона «О науке...» уже предназначена для реализации.

Как указывалось выше, правоотношения, возникающие в научно-технологической сфере, могут быть реализованы не только в гражданско-правовой, но и в трудо-правовой форме в рамках индивидуального договорного регулирования. Речь идет о договорном регулировании научно-технологической деятельности в связи с выполнением трудовой функции, прежде всего научными работниками организаций, а также профессорско-преподавательским составом образовательных учреждений. Особенностью индивидуального договорного регулирования в трудо-правовой форме, в отличие от гражданско-правовой, является более конкретная регламентация прав и обязанностей участников; соответственно, меньше возможностей для выбора моделей поведения.

Вместе с этим следует отметить, что у указанных отраслевых видов индивидуального договорного регулирования есть общие черты. Речь идет о задании, которое в гражданско-правовой форме реализации называется техническим, в трудовой – служебным заданием, и передается субъекту, осуществляющему научно-технологическую деятельность. Общие черты также заложены принципами и нормами права, регулирующими осуществление научно-технологической деятельности, имеющими межотраслевое значение, например, содержащимися в ст. 2 Федерального закона «О науке...», раскрывающей содержание основных понятий.

Особое значение договорного регулирования правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере, связано с реализацией преимуществ, предоставляемых правовым регулированием, например, когда в нормах права прямо предусмотрено, что необходимо заключить договор для возникновения соответствующего правоотношения. В то же время договорное регулирование обеспечивает в каждом конкретном случае создание максимально эффективных условий для реализации научно-технологической деятельности даже в том случае, когда правовое регулирование не регламентирует непосредственно тот или иной более узкий вопрос. Другими словами, стороны правоотношения лучше, чем правотворческий субъект, понимают специфику каждой конкретной ситуации и могут самостоятельно определить все особенности модели поведения, даже в том случае, если такой договор не предусмотрен нормами права (непоименованные договоры).

Другим видом индивидуального регулирования является индивидуальное судебное регулирование. В юридической литературе не утихают

¹ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ: в ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 399-ФЗ // Рос. газета. 1996. 3 сент.; Рос. газета. 2020. 11 дек.

дискуссии относительно правотворческой роли судебных органов. По нашему мнению, исходя из принципа разделения властей, положений национальных и международных форм права, судебные органы осуществляют правоприменительную деятельность [9]. Соответственно, судебное правоприменение следует отнести к видам индивидуального регулирования.

Материалы судебной практики позволяют утверждать, что в рассматриваемой сфере предметом индивидуального судебного регулирования выступают правоотношения, касающиеся: правового статуса субъектов научно-технологической деятельности¹; подтверждения факта осуществления научно-технологической деятельности²; предоставления льгот и преференций в связи с осуществлением научно-технологической деятельности³; предоставления субсидий и материально-техническое обеспечение субъектов научно-технологической деятельности⁴.

Значение индивидуального судебного регулирования в научно-технологической сфере определяется тем, что государство в лице представительных органов и органов исполнительной власти не всегда имеет реальные возможности своевременного предотвращения негативных последствий научно-технического прогресса, перешедшего в стадию научно-технологического развития. Зачастую этому способствуют пределы правового регулирования, а также несовершенная правовая база, которая формируется вслед за достижениями научно-технического прогресса. Проблема заключается еще и в том, что, несмотря на объективный характер научно-технического прогресса, право способно оказывать на него регулирующее воздействие, которое может иметь негативные последствия, сдерживающие научно-технологическое развитие, либо, наоборот, способствовать развитию, но в ущерб другим законным интересам лиц.

В этих условиях в целях своевременной защиты прав и свобод человека повышается роль индивидуального судебного регулирования, которое является эффективным способом преодоления пробелов и коллизий, существующих

объективно, либо ошибок, допущенных правотворческими субъектами⁵.

Разновидностью индивидуального регулирования, имеющей особенности в научно-технологической сфере, является автономное регулирование или саморегулирование. Саморегулирование представляет собой процесс реализации субъектом права самостоятельно выбранной модели поведения, осуществляемый в рамках, установленных принципами и нормами права. Саморегулирование может быть как связано с реализацией правовых предписаний, т.е. затрагивать интересы общества и порождать последствия, имеющие юридическое значение (например, мотивированный отказ от научных исследований), так и не связано с таковыми, т.е. не создавать юридических последствий (например, самостоятельный выбор методов осуществления исследования). Следует согласиться с мнением, что если конкретное действие субъекта затрагивает интересы общества, то и саморегулирование этого поведения будет общественно значимым [10, с. 482]. Ряд авторов, например Ф.Н. Фаткуллин, Ф.Ф. Фаткуллин, выделяют юридически значимую саморегуляцию [11, с. 37]. Такое разграничение имеет принципиальное значение в индивидуальном регулировании отношений, т.к. не все они объективно подпадают под действие принципов и норм права.

Значение саморегулирования в научно-технологической сфере трудно переоценить, т.к. современные научно-технологические достижения позволяют не только улучшить жизнедеятельность общества, но, к сожалению, способны создать негативные последствия для социума и окружающей среды. Человек, обладающий техническими изобретениями, но не соблюдающий социальные нормы, лишенный нравственности, гуманизма, духовности, представляет угрозу обществу. Поэтому в целях снижения отрицательных факторов все чаще встает вопрос о социальной ответственности субъекта, осуществляющего научно-технологическую деятельность. Отметим, что положения национальных правовых актов содержат нормы, опре-

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.06.2017 № Ф04-1906/17 по делу № А03-15265/2016 // Доступ из СПС «Гарант».

² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2008 № 15АП-5615/2008 // Доступ из СПС «Гарант».

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.03.2015 № Ф08-988/15 по делу № А32-33902/2012 // Доступ из СПС «Гарант».

⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.03.2019 № Ф06-44564/19 по делу № А12-21102/2018 // Доступ из СПС «Гарант».

⁵ В частности, об индивидуальном судебном регулировании предоставления льгот федеральным научно-производственным центрам см. подробнее: постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.06.2008 № А56-14323/2007 // Доступ из СПС «Гарант»; Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 17.11.2011 № 148 // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 1.

деляющие отдельные магистральные направления для саморегулирования в части позитивной ответственности. В частности указывается, что научные работники обязаны осуществлять научную, научно-техническую деятельность и экспериментальные разработки, не нарушая права и свободы человека, не причиняя вреда его жизни и здоровью, а также окружающей среде; объективно осуществлять экспертизы научных и научно-технических программ и проектов, результатов и экспериментальных разработок (п. 7 ст. 4)¹. Впрочем, ввиду абстрактности и декларативности указанных положений их эффективная реализация посредством саморегулирования зависит исключительно от внутренних установок самого научного работника. В связи с этим отметим, что одним из средств достижения указанной цели может стать принятие Стандарта этики научно-технологической деятельности.

Среди преимуществ саморегулирования в научно-технологической сфере следует назвать объективное отражение интересов субъектов права, осуществляющих деятельность, связанную с предметом регулирования, оперативное реагирование на изменение общественных отношений, а также добровольность и диспозитивность. Федеральный закон «О науке...» содержит нормы права, реализация которых возможна исключительно посредством саморегулирования, т.е. совершения односторонних действий, имеющих юридическое значение, например, подачу заявок на участие в научных дискуссиях, конференциях; участие в конкурсе на финансирование научных исследований; участие в международном научном и научно-техническом сотрудничестве и др. (ст. 3, 4).

На основании анализа содержания действующих норм права, а также фактически существующих в научно-технологической сфере правоотношений возможно выделить индивидуальное и коллективное саморегулирование. Индивидуальное саморегулирование связано с самостоятельным выбором субъектом права модели поведения, при этом его решение реализуется вне зависимости от воли другого субъекта. Коллективное саморегулирование связано с самостоятельным определением моделей поведения в рамках определенных групп, сообществ. В качестве примера коллективного саморегулирования можно назвать деятельность саморегулируемых организаций, которые созданы и функционируют в различных сферах жизнедеятельности общества.

Необходимо отметить, что Федеральный закон «О науке...» определяет возможность реализации элементов коллективного саморегулирования. Например, устанавливается, что научные работники вправе создавать на добровольной основе общественные объединения (в том числе научные, научно-технические и научно-просветительские общества, общественные академии наук), которые участвуют в координации научно-технологической деятельности и действуют в соответствии со своими уставами и законодательством Российской Федерации (п. 9 ст. 4). В связи с этим показательная деятельность зарубежных саморегулируемых организаций, в частности, Американской медицинской ассоциации, которая не только способствует осуществлению научных исследований в сфере медицины, ежегодно поощряет ученых, достигших наиболее значимых результатов, но и координирует повышение профессиональной квалификации с учетом инновационных достижений. По нашему мнению, в настоящее время создание саморегулируемых организаций в России целесообразно в части инновационной деятельности.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Специфика индивидуального регулирования в научно-технологической сфере определена особым содержанием возникающих в ней правоотношений и находит отражение в его видах: индивидуальном договорном регулировании, судебном регулировании и саморегулировании.

Наибольшее применение в рассматриваемой сфере получило индивидуальное договорное регулирование, которое опосредует реализацию свободы научного и технического творчества и позволяет создать максимально эффективные условия для реализации научно-технологической деятельности. Регулируемые договорами правоотношения, реализуемые как в гражданско-правовой, так и в форме трудового права, несмотря на разноотраслевой характер, имеют общие черты, обусловленные спецификой осуществления научно-технологической деятельности.

В целях создания единообразного договорного регулирования правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере, требуют унификации нормы права, закрепленные в главе 38 ГК РФ и ст. 8 Федерального закона «О науке...».

Применение индивидуального судебного регулирования правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере, предопределено необходимостью своевременной защиты прав и

¹ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ: в ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 399-ФЗ // Рос. газета. 1996. 3 сент.; Рос. газета. 2020. 11 дек.

свобод человека и предотвращения негативных последствий научно-технического прогресса. Оно также обусловлено несовершенством правовой базы, формируемой вслед за достижениями научно-технического прогресса.

Сложноконтролируемая извне творческая составляющая научно-технологической деятельности, отнесенная к духовному миру человека, пре-

допределяет особое значение саморегулирования в научно-технологической сфере. Одним из вариантов совершенствования саморегулирования может стать принятие Стандарта этики научно-технологической деятельности. Полагаем, что необходимо дальнейшее развитие коллективного саморегулирования в научно-технологической сфере в части инновационной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
2. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 245-267.
3. Краснояружский С.Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1990. 22 с.
4. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 122-130.
5. Дивеева Н.И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2008. 47 с.
6. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: Теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2009. 54 с.
7. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.
8. Ершов В.В. Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020. 563 с.
9. Гумеров Л.А., Краснов А.В., Шарифуллин Р.А. Позиции судебного толкования в правовой системе России // Российское правосудие. 2019. № 12. С.14-22.
10. Дивеева Н.И. Понятие индивидуального правового регулирования трудовых отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 481 – 483.
11. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2003. 351 с.

REFERENCES

1. Gorshenev V.M. Sposoby i organizatsionnyye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obshchestve. M.: Yurid. lit., 1972. 258 s.
2. Isakov V.B. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya // Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnyk / Pod red.: Alekseyeva S.S. M.: Yurid. lit., 1987. S. 245-267.
3. Krasnoyaruzhskiy S.G. Individual'noye pravovoye regulirovaniye v sovetskom obshchestve (voprosy teorii i praktiki): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. M., 1990. 22 s.
4. Kashanina T.V. Individual'noye regulirovaniye v pravovoy sfere // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1992. № 1. S.122-130.
5. Diveyeva N.I. Teoreticheskiye problemy individual'nogo pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy: avtoref. dis...dokt.yurid.nauk: 12.00.01. SPb, 2008. 47 s.
6. Minnikes I.A. Individual'noye pravovoye regulirovaniye: Teoretiko-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.01. Yekaterinburg, 2009. 54 s.
7. Yershov V.V. Pravovoye i individual'noye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy: monografiya M.: RGUP, 2018. 625 s.
8. Yershov V.V. Regulirovaniye pravootnosheniy: monografiya M.: RGUP, 2020. 563 s.
9. Gumerov L.A., Krasnov A.V., Sharifullin R.A. Pozitsii sudebnogo tolkovaniya v pravovoy sisteme Rossii // Rossiyskoye pravosudiye. 2019. № 12. S.14-22.
10. Diveyeva N.I. Ponyatiye individual'nogo pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2008. № 1. S. 481 – 483.
11. Fatkullin F.N., Fatkullin F.F. Problemy teorii gosudarstva i prava. Uchebnoye posobiye. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2003. 351 s.

Об авторе: Гумеров Ленар Асхатович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
e-mail: gumerov_l@mail.ru

About the author: Gumerov Lenar A., Candidate of Law (Research doctorate), Docent, Associate Professor Head of the Department of Theory and History of Law and State of Kazan branch of the Russian State University of Justice
e-mail: gumerov_l@mail.ru

Статья получена: 09.02.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Н.С. Латыпова

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ РЕЦЕПЦИИ**

**FEATURES OF THE LEGAL REGULATION
OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN FRANCE: RECEPTION FEATURES**

Введение: в статье рассматривается французская модель организации местного самоуправления, раскрываются особенности ее правовой регламентации. Предмет анализа – место муниципалитетов Франции в системе органов государственной власти, а также возможность заимствования отдельных элементов правового регулирования их деятельности российской правовой системой.

Материалы и методы: исследование проводилось с помощью комплекса специальных методов, в первую очередь, метода сравнительного правоведения и нормативно-логического. Исследовались нормативные правовые акты Франции, регулирующие деятельность муниципалитетов, российское законодательство и нормативные акты Республики Башкортостан (РБ). Теоретической основой исследования стали диссертационные работы и научные статьи как российских, так и французских ученых – специалистов в области муниципального и конституционного права.

Результаты исследования: отличительной чертой муниципального права Франции в отношении правового регулирования является подробнейшая регламентация деятельности всех уровней местной власти, включающая, помимо общих положений, практически все аспекты ежедневной деятельности. Это позволило реально, а не формально реализовать принцип учета культурных, национальных и религиозных интересов населения различных территорий в процессе местного самоуправления (что законодательно закреплено, но не реализовано в Российской Федерации и может служить примером положительной практики), с другой – является примером излишней регламентации и кодификации.

Обсуждение и заключения: автором предлагается рассмотреть возможность разработки кодексов местного самоуправления в каждом субъекте Российской Федерации. Кодекс местного самоуправления субъекта РФ должен включать (по аналогии с Кодексом Франции № 82-213) разделы, посвященные по порядку всем вопросам местного значения (соответствующий перечень предусмотрен в действующем законе РБ «О местном самоуправлении»). Необходимость кодификации муниципального законодательства представляется очевидной, а реализация предложенной кодификации станет реальным воплощением принципа участия населения в управлении муниципальным образованием, а также позволит осуществлять управление на местах более эффективно с учетом особенностей региона.

Ключевые слова: местное самоуправление, кодекс, муниципальное право Франции, муниципалитеты Франции, муниципальное право зарубежных стран, муниципальное право России, кодекс местного самоуправления

Для цитирования: Латыпова Н.С. Особенности правового регулирования организации местного самоуправления во Франции: возможности рецепции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 15-21. DOI: 10.37973/KUI.2021.13.60.003

Introduction: the author examines the French model of the local self-government, revealing the peculiarities of its legal regulation. The subject of the analysis is the place of municipalities in the system of state authorities, as well as the possibility of borrowing certain elements of legal regulation of their activities by the domestic legal system.

Materials and Methods: the author conducted the study using a set of special methods, primarily the method of comparative law, and legal and logical method.

Results: with regard to legal regulation, a distinctive feature of French municipal law is the detailed regulation of the activities of all levels of local government, which includes, in addition to general provisions: the order of formation and powers, almost all aspects of daily activities. This legislative dominance of codes,

on the one hand, made it possible to actually, rather than formally, implement the principle of taking into account the cultural, national and religious interests of the population of various territories in the process of local self – government (which is legally fixed, but not implemented in the Russian Federation and can serve as an example of positive practice), on the other hand, is an example of excessive regulation and codification.

Discussion and Conclusions: the author proposes to consider the possibility of developing codes of local self-government in each subject of the Russian Federation. The local government code of the Russian Federation subject should include (by analogy with the French Code of No. 82-213) sections of order all questions of local importance (a list is provided in the current Law "On local self-government"). The need for codification of municipal legislation is obvious, and the implementation of the proposed codification will become a real embodiment of the principle of public participation in the management of the municipality, as well as allow for local management more effectively, taking into account the characteristics of the region.

Keywords: local self-government, code, municipal law of France, municipalities of France, municipal law of foreign countries, municipal law of Russia, code of local self-government

For citation: Latypova N.S. Features of Legal Regulation of the Organization of Local Self-Government in France: Reception Features // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 15-21. DOI: 10.37973/KUI.2021.13.60.003

Введение

С целью установления новых векторов развития российской системы местного самоуправления и основных направлений ее реформирования считаем целесообразным рассмотреть одну из основных мировых моделей муниципалитетов – французскую, выявить ее положительные и отрицательные черты и в результате сформировать предложения по реконструкции российской системы местного самоуправления в результате внесения отдельных изменений в муниципальное законодательство, возможно, и коренной его трансформации. Существенным изменениям, на наш взгляд, должен быть подвергнут институт формирования общин, находящийся в современном российском государстве в зачаточном состоянии.

Модель местного самоуправления Франции является одной из наиболее перспективных, показавших свою историческую устойчивость и эффективность, характеризующейся подробной кодификацией муниципального законодательства, а также развитой правовой регламентацией организации французских общин как первичного и чрезвычайно важного уровня публичной власти, решающего в современной Франции политические и социальные вопросы на местном уровне.

Обзор литературы

Вопросам рассмотрения особенностей правового регулирования организации местного самоуправления Франции посвящены отдельные статьи авторов – специалистов в области конституционного и административного права. При этом, как правило, в статьях и монографических исследованиях отсутствует анализ самих нормативных актов Французской Республики, исследователи ограничиваются лишь ссылками на второстепен-

ные источники, которые дают весьма отдаленные сведения об актуальном состоянии французского законодательства.

Однако следует отметить авторов, подробно раскрывающих особенности правовой регламентации деятельности местного самоуправления Франции. В частности, анализу теории и практики муниципального управления посвящены диссертационные работы Е.В. Болотиной, рассматривающей проблемы адаптации французского опыта организации муниципального управления в современной России [1], П.М. Курдюкова, исследующего опыт организации муниципалитетов Франции через призму реализации интересов гражданского общества и сравнительного анализа с организацией местного самоуправления в странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей [2]. Исследование А.А. Выштыкайловой представляется актуальным с точки зрения рассмотрения статуса высшего должностного лица муниципального образования [3], З.Р. Набиева рассматривает социальную общину в качестве эффективного социального, идеологического и экономического института [4].

Особое место занимают работы отечественных исследователей, рассматривающих положительный опыт сельских и национальных общин в рамках социологического подхода. Глубинный потенциал общин в урегулировании социальных конфликтов, решении проблем психологической самоизоляции современного «постиндустриального» человека, демографических проблем анализируется М.Б. Афониним [5], В.Г. Виноградским [6], Н.Е. Лихачевым [7]. Религиозный фактор формирования общин подробно раскрывается в работах К.С. Дивисенко [8]. Положительные историче-

ские примеры существования общины рассмотрены Р.Ф. Набиевым [9]. М.В. Саудаханов дает краткую характеристику исторического аспекта административной децентрализации Франции [10, с. 133].

Сформулированные указанными и другими авторами выводы отражают общий исследовательский интерес к возможности заимствования отдельных эффективных инструментов организации местного самоуправления Франции российской правовой системой. При этом большинство из них отмечают необходимость избирательного подхода к рецепции в связи с особенностями и различиями муниципального права России и Франции.

Материалы и методы

Во Франции существуют три основных источника муниципального права: закон Французской Республики № 82-213 от 2 марта 1982 г. «О правах и свободах муниципалитетов, департаментов и регионов»¹ (далее – закон Франции № 82-213), Кодекс местного самоуправления (последняя консолидированная версия от 17 июня 2019 года) и Кодекс коммун².

Методологическую основу исследования составляют общенаучный метод и вытекающие из него частнонаучные методы познания: нормативно-логический, структурно-функциональный, историко-юридический, метод сравнительного правоведения и др. Анализ системы местного самоуправления, раскрытие элементов и установление взаимосвязей проводилось с помощью специальных методов, в первую очередь метода сравнительного правоведения и нормативно-логического.

Результаты исследования

Согласно закону Франции № 82-213 система местного самоуправления Франции предполагает разделение полномочий между четырьмя уровнями государственной власти – коммуна-ми (общинами), департаментами, регионами и центральной властью. Коммуны, департаменты и регионы свободно управляются через выборные советы. Именно в такой последовательности уровни власти указаны в законе с учетом важности и приоритета местного уровня как первичного и наиболее близкого к населению. Фактически данная иерархия публичной власти соответствует по аналогии российской – местному самоуправлению, субъектам РФ и федеральным властям, за исключением отсут-

ствия в российской системе муниципалитетов низшего уровня – общин (коммун). Указанный нормативный акт закрепил административное деление Французской Республики на регионы, департаменты и коммуны, установил права и свободы каждого уровня власти, их финансовую самостоятельность.

Большинство статей в законе Франции № 82-213 являются недействующими в связи с принятием объемного Кодекса местного самоуправления, однако данный нормативный акт играет значимую роль первоисточника современного французского муниципального права. Среди актуальных норм особый интерес представляет правовое регулирование статуса префекта департамента (по аналогии – главы муниципального района). Префект является представителем центральной власти в департаменте (муниципальном районе) и руководит им совместно с Ведомственным советом (избираемым населением района). Согласно ст. 34 закона Франции № 82-213: «Префект департамента, представитель центральной власти в департаменте, назначается указом Совета министров и является представителем каждого из членов правительства. Он отвечает за национальные интересы, соблюдение законов, общественный порядок и в соответствии с условиями, установленными законом, обеспечивает административный контроль над департаментом, коммуна-ми и их общественными учреждениями, которые находятся в департаменте. Префект также руководит государственными службами в департаменте»¹.

При этом назначенный центральной властью префект заключает с Ведомственным советом района соглашение, согласно которому ему предоставляется перечень полномочий, передаваемых префекту как представителю центральной власти населением района. После назначения префект предоставляется в распоряжение председателя Ведомственного совета для осуществления своих функций под руководством последнего¹. Префект департамента уполномочен связывать центральную власть с коммуна-ми, департаментом или их подразделениями.

Таким образом, управление на местах во Франции осуществляется на принципах двуначалия: сочетания управленца, представителя центральной власти, и Ведомственного совета, избираемого и действующего от имени населения. В

¹ О правах и свободах муниципалитетов, департаментов и регионов: закон Французской Республики от 02.03.1982 № 82-213 (с изменениями от 20.06.2019) // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000880039&dateTexte=19820304> (дата обращения: 28.11.2020).

² Code général des collectivités territoriales (Консолидированная версия от 17 июня 2019 года) // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070633&dateTexte=29990101> (дата обращения: 28.11.2020).

то же время следует отметить, что заключаемое между префектом и Ведомственным советом соглашение говорит лишь о делегировании населением части своих полномочий по местному самоуправлению представителю центральной власти, при этом власть на местном уровне всецело продолжает принадлежать только населению.

Вызывает научный интерес система законодательного регулирования местного самоуправления Франции. Нормативное регулирование системы органов местного самоуправления, как предполагалось в законе Франции № 82-213 1982 года, должно было включать принятие общего Кодекса местного управления, Кодекса регионов, Кодекса департаментов и Кодекса коммун. В конечном итоге кодифицированные акты были приняты лишь в отношении правового регулирования деятельности коммун, а также принят общий Кодекс местного управления.

Правовое регулирование деятельности регионов и департаментов (по аналогии – субъектов РФ и местного самоуправления) подробно регламентировано в Кодексе местного управления¹, который состоит, как и некоторые другие кодексы Франции, из «двух равнообязательных частей – законодательной (*partie législative*) и регламентарной (*partie réglementaire*)» [11, с. 181].

Следует уточнить, что «французские кодексы отличаются существенной спецификой, обусловленной разграничением сфер законодательного регулирования парламента и регламентарной власти правительства» [11, с. 181], что и объясняет наличие в общем Кодексе местного управления двух частей – законодательной и регламентарной.

И в законодательной, и в регламентарной части общего Кодекса местного управления «вначале содержатся общие положения, подлежащие применению на всей территории государства, а за ними следуют отдельные положения, предусматривающие специальное правовое регулирование тех или иных правоотношений в заморских департаментах Франции» [11, с. 181].

Всего Кодекс местного управления состоит из 7 разделов и суммарно 39 книг. Часть 1: Общие положения (8 книг); часть 2: Коммуна (5 книг); часть 3: Департамент (6 книг); часть 4: Регион (4 книги); часть 5: Местное сотрудничество (9 книг); часть 6: Общественные сообщества, управляемые разделом 74 Конституции (5 книг); часть 7: Другие органы, управляемые статьей 73 Конституции (3 книги).

Особые положения для некоторых департаментов, например, Парижа, метрополиса Лиона, О-Де-Сене, заморских территорий.

Таким образом, отличительной чертой французского муниципального права является подробнейшая регламентация деятельности всех уровней местной власти, включающая помимо общих положений, практически все аспекты ежедневной деятельности. При этом эти правила не распространяются едино на все департаменты страны, а отдельно предусмотрены в Кодексе местного управления в разделах, посвященных отдельно каждому департаменту. Несколько департаментов, имеющих схожие условия проживания, культурные, религиозные особенности, могут быть объединены в рамках одного раздела. Например, Париж, Лион и Марсель, как мегаполисы страны, одинаково регулируют многие местные вопросы. В то же время нормы, касающиеся заморских территорий (колоний Франции), всегда располагаются в отдельных разделах во всех книгах, так как данные регионы не могут иметь то же правовое регулирование, что и, например, Париж. Сельскохозяйственные департаменты Франции также имеют свои разделы в каждой книге и особенное правовое регулирование местных вопросов.

Данные кодексы, с одной стороны, позволили реально, а не формально, реализовать принцип учета культурных, национальных и религиозных интересов населения различных территорий в процессе местного самоуправления (что законодательно закреплено, но не реализовано в Российской Федерации и может служить примером положительной практики), с другой – являются примерами излишней регламентации и кодификации, поскольку незначительные вопросы местного значения более рационально решать на уровне коммун без включения их в общий кодифицированный акт, что приводит к необходимости иногда ежемесячно вносить поправки в кодекс.

Р. Дегрон полагает, что причины нормативной инфляции Франции, понимаемой как избыточность, требуют фундаментального пересмотра правового порядка и территориальной организации, и исключительно сокращением количества издаваемых нормативных правовых актов данная проблема решена быть не может [12].

П. Стоффель-Манк также отмечает, что кодификация всегда должна преследовать цели упрощения, рационализации и ясности и быть направлена на упорядочение действующих законодательных и регламентарных актов, а не на их

¹ Code général des collectivités territoriales (Консолидированная версия от 17.06.2019). // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070633&dateTexte=29990101> (дата обращения: 28.11.2020).

усложнение [13].

Официальная позиция Конституционного совета Франции оправдывает данную чрезмерную регламентацию: «Кодификация, которая позволяет последовательно сгруппировать существующие правовые нормы, относящиеся к определенной отрасли права, способствует созданию более понятного и доступного права. Устраняя недостатки, связанные с рассогласованием, раздробленностью и чрезмерным увеличением количества правовых норм, она [кодификация] становится бесценным показателем правовой защищенности и «реапроприации» закона от граждан, в отношении которых принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» не мог быть применен, если бы не существовало инструментов, упрощающих ознакомление их с законами» [14].

Обсуждение и заключения

Полагаем, что подобная регламентация и кодификация в России была бы неэффективна и чрезмерна, однако законодателям следует рассмотреть возможность принятия кодексов местного самоуправления в каждом субъекте РФ. В Республике Башкортостан, например, существует закон РБ «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан»¹ от 18 марта 2005 года № 162-з. Однако он регламентирует лишь общие принципы организации местного самоуправления в Республике Башкортостан: полномочия, порядок формирования органов местного самоуправления, формы участия населения в управлении муниципальным районом. В то же время в данном акте не предусмотрены разделы относительно вопросов местного значения: порядка землепользования, вывоза мусора и системы муниципального здравоохранения и образования.

Таким образом, в указанном законе совершенно не учтены культурные, национальные и религиозные особенности территорий, на которых находятся множество национальных деревень, отличающихся укладом жизни и местными традициями, существуют одновременно города с миллионным населением и деревни, состоящие из 10-15 дворов. При этом, как отмечает З.Р. Набиева, «современная община, как многофункциональный социальный институт, может выступать активным инструментом эффективной социальной политики, направленным на решение многих острых общественных проблем» [4, с. 64].

Очевидно, что данные территории не могут иметь идентичное правовое регулирование большинства вопросов местного значения, в том чис-

ле касающихся состава и порядка формирования (избрания населением или Советом) муниципальных органов власти, срока их полномочий. Кодекс местного самоуправления субъекта РФ должен включать (по аналогии с Кодексом Франции № 82-213) разделы, посвященные по порядку всем вопросам местного значения (соответствующий перечень предусмотрен в действующем законе РБ «О местном самоуправлении»).

В указанных разделах все муниципалитеты (многие из которых, обладая общими особенностями, например, городские округа городов Уфы и Стерлитамака, могут быть объединены) должны предусмотреть собственное правовое регулирование местных вопросов, не противоречащее законодательству РФ, но учитывающее местные национальные, религиозные и культурные особенности.

Предложенные для включения в Кодекс местного самоуправления субъекта РФ разделы должны быть представлены для голосования в каждом муниципалитете (с использованием интернет-площадок) с возможностью выбора вариантов правового регулирования каждого местного вопроса среди альтернативных (для недопущения превращения данного вида прямого народовластия в формальность).

Кодификация муниципального законодательства позволит упростить доступ населения к нормам права, регламентирующим основные вопросы местного значения, «разбросанные» в настоящее время во множестве нормативных актов муниципалитета, доступ к которым с использованием интернет-ресурсов или вовсе невозможен, или имеющиеся в открытом доступе нормативные акты являются устаревшими. Следует констатировать, что интернет-сайты крупных муниципалитетов часто имеют раздел с нормативными правовыми актами, однако поиск в них, как в общей базе, невозможен, а нормы права, относящиеся к одному и тому же вопросу, могут содержаться одновременно в нескольких нормативных актах.

Например, вопрос о льготах на уплату коммунальных платежей для ветеранов труда г. Уфы требует от гражданина поиска и исследования следующих нормативных актов: закона РБ «О ветеранах войны, труда и вооруженных сил» (предусматривает компенсацию 50% платежей на капитальный ремонт многоквартирного дома исходя из максимальной учитываемой площади при предоставлении данной льготы и устанавливаемой в муниципальном образовании стоимости капитально-

¹ О местном самоуправлении в Республике Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 18.03.2005 № 162-з // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2020).

го ремонта в расчёте на 1 кв.м площади жилого помещения). Для получения этой информации следует обратиться к нормативному акту, устанавливающему максимальную площадь жилого помещения, учитываемому при предоставлении льготы, далее – к муниципальному нормативному акту, устанавливающему стоимость капитального ремонта в расчёте на 1 кв.м в г. Уфе.

В результате подобной «разбросанности» норм права ни один из 52 опрошенных пенсионеров в рамках реализации образовательного курса «Правовая грамотность» среди пенсионеров Октябрьского района г. Уфы (2018) не обладал информацией по этому вопросу и не был осведомлен,

в каких источниках ее можно найти, интересуясь наличием в регионе единого нормативного акта по всем подобным вопросам. Таким образом, необходимость подобной кодификации муниципального законодательства представляется очевидной, а ее реализация станет реальным воплощением принципа участия населения в управлении муниципальным образованием, снизит социальную напряженность, увеличит осведомленность граждан о порядке регулирования большинства вопросов местного значения, а также позволит осуществлять управление на местах более эффективно с учетом особенностей региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотина Е.В. Муниципальное управление: теория и практика французской государственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. СПб, 2006. 336 с.
2. Курдюк П.М. Местное самоуправление как правовая форма выражения и реализации интересов гражданского общества в странах Запада: сравнительно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб, 2001. 480 с.
3. Выштыкайлова А.А. Трансформация статуса высшего должностного лица муниципального образования в России и Франции: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2013. 245 с.
4. Набиева З.Р. Современная община как социальный инструмент преобразования российского общества // *Siberian socium*. 2020. № 1 (11). С. 59-68.
5. Афонин М. В. Соседские общины как институт местного самоуправления // *Социальные и гуманитарные знания*. 2015. № 4. С. 260-265.
6. Виноградский В. Г. Сельские миры: опыт социологической реконструкции // *Социологические исследования*. 2019. Том 45. № 5. С. 3-13.
7. Лихачёв Н. Е. Потенциал сельской общинности: социологический анализ // *Социология*. 2015. № 5. С. 121-129.
8. Дивисенко К. С. Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. С. 91-110.
9. Набиев Р.Ф. К вопросу о некоторых особенностях административно-территориального деления Империи Джучидов («Золотой орды») // *Золотая Орда: история и культурное наследие: сб. научн. материалов / отв. ред. А.К. Кушкумбаев*. Астана: ИП BG-print, 2015. С. 173-182.
10. Саудаханов М.В. Местное самоуправление во Франции // *Вестник Московского университета МВД России*. 2012. № 7. С. 132-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-vo-frantsii> (дата обращения: 21.12.2020).
11. Калиш Д.Б. Юридико-технические требования к законодательным актам во Франции // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. № 3. С. 181-207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridiko-tehnicheskie-trebovaniya-k-zakonodatelnym-aktam-vo-frantsii> (дата обращения: 21.11.2020).
12. Degron R. L'inflation normative et ses consequences financieres en France: Maladie benigne ou symptome d'une pathologie systemique de l'Etat? // *Gestion et finances publiques*. Vol. 1. 2014. P. 4-15.
13. Stoffel-Munck P. Les resultats de la codification. 2005 // *Institut international de Droit d'Expression et d'inspiration Francaises*. URL: <http://www.institut-idef.org/Lesresultats-de-la-codification.html> (дата обращения: 31.11.2020).
14. Codification, simplification et Constitution. 2005 // *Conseil Constitutionnel*. URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/pdf/Conseil/simplification.pdf (дата обращения: 12.11.2020).

REFERENCES

1. Bolotina E.V. Municipal'noe upravlenie: teoriya i praktika francuzskoj gosudarstvennosti: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.02. SPb, 2006. 336 s.

2. Kurdyuk P.M. Mestnoe samoupravlenie kak pravovaya forma vyrazheniya i realizacii interesov grazhdanskogo obshchestva v stranah Zapada: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. SPb, 2001. 480 s.
3. Vyshtykajlova A.A. Transformaciya statusa vysshego dolzhnostnogo lica municipal'nogo obrazovaniya v Rossii i Francii: sravnitel'no-pravovoj analiz: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.02. M., 2013. 245 s.
4. Nabieva Z.R. Sovremennaya obshchina kak social'nyj instrument preobrazovaniya rossijskogo obshchestva // Siberian socium. 2020. № 1 (11). S. 59-68.
5. Afonin M. V. Sosedskie obshchiny kak institut mestnogo samoupravleniya // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2015. № 4. S. 260-265.
6. Vinogradskij V. G. Sel'skie miry: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. Tom 45. № 5. S. 3-13.
7. Lihachyov N. E. Potencial sel'skoj obshchinnosti: sociologicheskij analiz // Sociologiya. 2015. № 5. S. 121-129.
8. Divisenko K. S. Social'noe izmerenie religioznosti: opyt empiricheskogo issledovaniya // Peterburgskaya sociologiya segodnya. 2017. № 8. S. 91-110.
9. Nabiev R.F. K voprosu o nekotoryh osobennostyah administrativno-territorial'nogo deleniya Imperii Dzhuchidov («Zolotoj ordy») // Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie: sb. nauchn. materialov / otv. red. A.K. Kushkumbaev. Astana: IP BG-print, 2015. S. 173-182.
10. Saudahanov M.V. Mestnoe samoupravlenie vo Francii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. №7. S. 132-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-vo-frantsii> (data obrashcheniya: 21.12.2020).
11. Kalish D.B. YUridiko-tekhnicheskie trebovaniya k zakonodatel'nym aktam vo Francii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. №3. S. 181-207 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridiko-tehnicheskie-trebovaniya-k-zakonodatelnym-aktam-vo-frantsii> (data obrashcheniya: 21.11.2020).
12. Degron R. L'inflation normative et ses consequences financieres en France: Maladie benigne ou symptome d'une pathologie systemique de l'Etat? // Gestion et finances publiques. Vol. 1. 2014. P. 4-15.
13. Stoffel-Munck P. Les resultats de la codification. 2005 // Institut international de Droit d'Expression et d'inspiration Francaises. URL: <http://www.institut-idef.org/Lesresultats-de-la-codification.html> (дата обращения: 31.11.2020).
14. Codification, simplification et Constitution. 2005 // Conseil Constitutionnel. URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/pdf/Conseil/simplification.pdf (дата обращения: 12.11.2020).

Об авторе: Латыпова Наталия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета
e-mail: marchrose@yandex.ru

© Латыпова Н.С., 2020

About the author:

Latypova N.S. Candidate of Law (Research Doctorate), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Bashkir State University
e-mail: marchrose@yandex.ru

Статья получена: 21.12.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

УДК 342.5

DOI: 10.37973/KUI.2021.83.16.004

К.И. Корсун

**ИЗБРАНИЕ ГЛАВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
ПО КОНКУРСУ: ОГРАНИЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ
ИЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА
МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА?**

**ELECTION OF HEADS OF MUNICIPALITIES ON A COMPETITIVE
BASIS: RESTRICTION OF PEOPLE'S POWER OR IMPROVEMENT
OF THE INSTITUTION OF MUNICIPAL REPRESENTATION?**

Введение: в статье исследуется институт народного представительства в части избрания глав муниципальных образований с использованием конкурсной модели. Автор последовательно анализирует положительные и отрицательные аспекты избрания глав муниципальных образований по конкурсу.

Материалы и методы: приоритетным методологическим принципом является системный подход, в основе которого лежит диалектическое единство общего, особенного и единичного. Среди всеобщих методов познания особое место отводится диалектическому, герменевтическому и синергетическому методам. Общенаучные методы исследования представлены контент-анализом и теоретико-правовым моделированием. Широкое применение получили специальные юридические методы, такие как формально-юридический, специально-юридический, технико-юридический. Материалом исследования послужило законодательство Республик Башкортостан и Татарстан, Белгородской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного округа, в которых главы муниципальных образований верхнего уровня выбираются не на прямых выборах. Автор рассматривает подобную практику как противоречащую принципам народного представительства.

Обзор литературы: включает в себя нормативные правовые акты федерального, регионального и местного уровня, научную литературу, а также материалы периодических изданий и средств массовой информации.

Результаты исследования: на основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что конкурсная модель избрания глав муниципальных образований существует в современной правоприменительной практике, однако требует существенных корректировок в части способа формирования конкурсных комиссий для отбора кандидатов на должность глав муниципальных образований.

Обсуждение и заключения: автор предлагает такую модель формирования конкурсных комиссий для отбора кандидатов на должность глав муниципальных образований, в ходе реализации которой половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом муниципального образования, а половина – населением муниципального образования. Автор статьи полагает, что рассматриваемая тема требует дальнейшего научного изучения в целях моделирования конкретных законодательных предложений для совершенствования института народного представительства.

Ключевые слова: представительная власть, местное самоуправление, глава муниципального образования, муниципальные выборы, конкурсная комиссия.

Для цитирования: Корсун К.И. Избрание глав муниципальных образований по конкурсу: ограничение народной власти или совершенствование института муниципального представительства? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 22-27. DOI: 10.37973/KUI.2021.83.16.004

Introduction: the article examines the institute of people's representation in terms of electing heads of municipalities using a competitive model. The author consistently analyzes the positive and negative aspects of the election of heads of municipalities by "competition".

Materials and methods: the priority methodological principle is a systematic approach, which is based on the dialectical unity of the general, special and individual. Among the universal methods of cognition, a special place is given to dialectical, hermeneutical and synergetic methods. General scientific research methods are

represented by content analysis and legal-theoretical modeling. Special legal methods are widely used, such as: formal legal, special legal, technical legal.

Literature review: includes normative legal acts of the federal, regional and local levels, scientific literature, as well as materials of periodicals and mass media.

Results of the study: based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the "competitive" model of election of heads of municipalities takes place in modern law enforcement practice, but requires significant adjustments in terms of the method of forming competitive commissions for the selection of candidates for the post of heads of municipalities.

Discussions and conclusions: the presented topic has been discussed more than once with representatives of the scientific community, including at all-Russian conferences and round tables. The topic is recognized as relevant, requiring further scientific study in order to model specific legislative proposals for improving the institution of people's representation.

Keywords: representative power, local self-government, head of the municipality, municipal elections, competition Commission.

For citation: Korsun K.I. Election of Heads of Municipalities on a Competitive Basis: Restriction of People's Power or Improvement of the Institution of Municipal Representation? // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 22-27. DOI: 10.37973/KUI.2021.83.16.004

Введение

Демократический политический режим неотделим от института народного представительства, сформировавшегося в России в советский период. Советы народных депутатов представляли интересы всего населения и решали важнейшие вопросы жизни государства. Для работы по отдельным направлениям избирались постоянные комиссии, которые занимались, в том числе, вопросами организации жизнедеятельности населения на местах. После принятия в 1993 году Конституции РФ данные полномочия были отнесены к компетенции органов местного самоуправления, а вопросы жизнедеятельности населения стали именоваться вопросами местного значения.

Одну из центральных фигур в институте местного самоуправления занял глава муниципального образования как основной представитель интересов местного сообщества.

Обзор литературы

Институт главы муниципального образования берет свое начало с 1995 года, когда Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 154-ФЗ) закрепил возможность создания в муниципальных образованиях должности главы муниципального образования – выборного должностного лица, возглавляющего деятельность по осуществлению местного самоуправления на территории муниципального образо-

вания. Учреждение данной должности было в ведении муниципалитетов и не являлось обязательным.

До принятия указанного закона в российской правовой системе использовались схожие понятия: «глава местной администрации»², «глава местного самоуправления»³. Однако они не имели формального юридического закрепления и в некоторых нормативных правовых актах могли использоваться как тождественные⁴.

Материалы и методы

В настоящее время глава муниципального образования как институт народного представительства претерпевает значительный правовой кризис, связанный с закреплением в законодательствах субъектов РФ способа наделения глав муниципальных образований полномочиями «через конкурс» минуя мнение населения. Анализ подобной практики отдельных субъектов РФ (Республик Башкортостан и Татарстан, Белгородской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного округа) дает основания утверждать, что с 2014 года местное сообщество в данных регионах не раз выступало с инициативой о возвращении прямых выборов мэров городов, однако их голоса так и не были услышаны. Полагаем, что данная правовая проблема требует нового научного осмысления и изложения анализируемых юридических категорий. При систематизации и обобщении практики применения «конкурсного»

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 35. Ст. 3506.

² Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 33. Ст. 3406.

³ О некоторых вопросах досрочного прекращения полномочий главы местного самоуправления: указ Президента Российской Федерации от 21.11.1994 № 2093 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 31. Ст. 3249.

⁴ О реформе местного самоуправления в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 26.10.1993 № 1760 // Российские вести. 1993. № 210.

способа замещения должности главы муниципального образования применялись методы контент-анализа и теоретико-правового моделирования, а также специальные юридические методы.

Результаты исследования

Говоря о содержании данных понятий, отметим, что они имеют принципиальные различия. Так, по мнению Н. В. Джагарян, «"глава местной администрации" обозначает лицо, возглавляющее структуру административных (исполнительно-распорядительных) органов муниципального образования, ... в свою очередь "глава местного самоуправления" не является юридически корректным, поскольку у местного самоуправления как формы осуществления публичной власти ... не может быть главы» [1, с. 69]. Полностью поддерживаем данную точку зрения и считаем некорректным отождествление понятий «глава муниципального образования» и «глава местной администрации», так как, во-первых, круг полномочий главы муниципального образования значительно шире, нежели круг полномочий главы местной администрации (даже в тех случаях, когда глава муниципального образования возглавляет местную администрацию); во-вторых, должность главы муниципального образования предполагает выборность в различных ее формах, тогда как должность главы местной администрации является назначаемой. Что касается понятия «глава местного самоуправления», то оно неверно, так как у местного самоуправления как формы организации народом своей власти главы быть не может.

Пришедший на смену Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) изъял из ведения муниципалитетов вопрос учреждения должности главы муниципального образования и закрепил обязательность таковой в структуре органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 34). По-иному изложил законодатель и само понятие «глава муниципального образования», заменив его с «выборного должностного лица» на «высшее должностное лицо». Для начала определимся, кто такой глава муниципального образования и какие функции на него возложены.

По мнению Н. В. Джагарян [1, с. 69], «глава муниципального образования характеризует одну из ключевых фигур во всей системе органов местного самоуправления, олицетворяет собой муниципальное образование в целом и выражает социально-целевое единство всей муниципальной публичной власти в пределах конкретной территории осуществления местного самоуправления».

А. Н. Кокотов [2, с. 402] отмечает, что «должность главы муниципального образования – одна из ключевых в системе местного самоуправления. Авторитетный руководитель, ... способный решать проблемы населения, ... нужен обществу». Аналогичного мнения придерживается С. Г. Соловьев [3, с. 157], характеризуя главу муниципального образования как «занимающего ключевую позицию в системе местного самоуправления, не просто возглавляя деятельность по осуществлению местного самоуправления, а олицетворяя власть на местном уровне».

Названные авторы сходятся во мнении, что глава муниципального образования является ключевой фигурой в системе органов местного самоуправления. Наличие у него представительских полномочий и права без доверенности действовать от имени муниципального образования (ч. 4 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ) свидетельствует о значимости главы муниципального образования в институте народного представительства и отвечающем демократическим ценностям способе выражения воли населения муниципального образования в решении вопросов местного значения.

Если глава муниципального образования выражает волю населения соответствующей территории и представляет интересы муниципального образования в различного рода отношениях, то логичным является выборный способ замещения должности. Как отмечают А. В. Москалев и Л. И. Бусыгин [4, с. 34], «муниципальные выборы – форма непосредственной демократии, которая ... позволяет главе муниципального образования приобрести высшую легитимность и доверие населения».

До 2014 года главы муниципальных образований избирались либо на муниципальных выборах (сходе граждан), либо представительным органом из своего состава. Избрание последним способом не исключает участия местного сообщества в формировании органов местного самоуправления, поскольку народных депутатов население выбирает напрямую, следовательно, они правонаделены населением муниципального образования на осуществление власти от его имени. Однако в 2014 году законодатель ввел альтернативный способ замещения должности главы муниципального образования посредством избрания представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, дав повод для начала научных дискуссий [5, 6, 7] относительно легитимности такого избрания.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003 № 40. Ст. 3822.

В.В. Наумкина [7, с. 263] выделяет три аспекта избрания главы муниципального образования посредством конкурса: организационный, функциональный и профессиональный.

К первому из вышеуказанных аспектов относится организация наделения кандидата полномочиями главы муниципального образования. Здесь важно отметить, что если местное самоуправление является формой организации народной власти, то и участие населения муниципального образования в формировании его органов, несомненно, имеет существенное значение. И в связи с этим преимущественным является способ избрания главы муниципального образования на муниципальных выборах. Выборный способ наделения главы муниципального образования полномочиями в большей степени отвечает идеям демократии и выступает важным условием реализации конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления. Тем не менее у данного способа есть недостатки, главными из которых, по мнению В. В. Наумкиной [7, с. 264], являются «психологические факторы, влияющие на волеизъявление населения». К ним можно отнести различные избирательные технологии, мастерство ораторского искусства кандидата на должность главы, его харизматичность, умение вести диалог с избирателями и многое другое. В итоге должность главы муниципального образования вполне может занимать (и такое случалось и случается повсеместно) лицо, не имеющее опыта государственно-муниципального управления и выигравшее предвыборную гонку исключительно умением «красиво говорить». Неспособность населения объективно оценить возможность осуществления (в зависимости от законодательства и общей обстановки в стране) заявленных кандидатом обещаний способствует «некачественному» отбору глав муниципальных образований.

Говоря о функциональном аспекте, стоит отметить, что положение главы муниципального образования в системе органов местного самоуправления зависит не только от способа наделения его полномочиями, но и от модели организации структуры органов местного самоуправления, относящейся (за исключением прямого законодательного указания) к ведению местных сообществ. Так, глава муниципального образования, избранный на муниципальных выборах, либо входит в состав представительного органа муниципального обра-

зования и исполняет полномочия его председателя, либо возглавляет местную администрацию, а в случае избрания представительным органом из своего состава исполняет полномочия его председателя либо возглавляет местную администрацию. Поэтому положение главы муниципального образования зависит не только от выборного или конкурсного способа наделения его полномочиями, но и от закрепленной в уставе модели.

Профессиональному аспекту в наибольшей степени отвечает конкурсная модель замещения должности главы муниципального образования. Именно конкурсный отбор позволяет предъявлять к кандидатам профессиональные требования как условие участия в конкурсе, а также учитывать совокупность профессиональных качеств кандидатов на пост главы муниципального образования.

Однако у конкурсной модели есть немало противников. Так, по мнению Л. Т. Чихладзе [6, с. 28], «данный способ исключает возможность участия населения в выборе главы муниципального образования», что существенно подрывает институт муниципального представительства в целом. Не менее веским аргументом нежелательности конкурсного отбора является степень участия в нем государственной власти субъекта РФ; половина членов конкурсной комиссии для большинства видов муниципальных образований назначается высшим должностным лицом субъекта РФ и половина представительным органом муниципального образования. То есть отбирать кандидатов на должность главы муниципального образования и проводить среди них конкурс будут лица, половина из которых назначена главами субъектов. В таком случае велика вероятность, что муниципальное образование будет возглавлять лицо, «удобное» субъекту РФ и совершенно не одобряемое населением. Насколько такой вариант приемлем для института местного самоуправления – вопрос весьма дискуссионный.

Участие органов государственной власти субъекта РФ в формировании органов местного самоуправления было предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ¹ в части предоставления субъектам РФ избыточных прав при решении данного вопроса. Однако Конституционный Суд РФ подтвердил конституционность регулирования законом субъекта РФ способа замещения главы муниципального образования (местной администрации), пояснив, что применительно к

¹ По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 50. Ст. 7226.

верхнему территориальному уровню может устанавливаться невыборный (в том числе единственный) способ наделения полномочиями, тогда как для низового (поселенческого) уровня прямые выборы главы муниципального образования не могут быть исключены и должна быть обеспечена альтернативность при выборе населением модели замещения главы муниципального образования.

Обсуждение и заключения

Полагаем, что конкурсная модель замещения должности главы муниципального образования имеет право на существование ввиду возможности предъявления к кандидатам профессиональных требований, однако необходимо исключить участие органов государственной власти субъектов РФ в формировании конкурсных комиссий. Оптимальной была бы практика, при которой половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом муниципального

образования, а половина – населением муниципального образования, например, из числа почетных граждан. Подобный способ формирования конкурсных комиссий вобрал бы в себя профессиональный аспект при выборе кандидатов на должность главы муниципального образования и позволил бы жителям участвовать, хотя и опосредованно, в его избрании.

В заключение отметим, что участие высших должностных лиц субъектов РФ в подборе кандидатов на должность главы муниципального образования в полной мере отвечает ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ о возможности участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления, однако не в полной мере соответствует идеям муниципально-народного представительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джагарян Н.В. Представительные начала правового статуса главы муниципального образования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 4 (4). С. 69-77.
2. Кокотов А.Н. Муниципальное право России: учебник для академического бакалавриата / под. ред. А.Н. Кокотова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 567 с.
3. Соловьев С.Г. Эволюция механизма муниципально-правовой ответственности глав муниципальных образований // Право и образование. 2005. № 5. С. 157-163.
4. Москалев А.В., Бусыгин Л.И. Некоторые аспекты выборности глав муниципальных образований и роли населения в местном самоуправлении // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 3 (13). С. 30-36.
5. Вискулова В.В. О «конкурсном» порядке избрания глав муниципальных образований: некоторые обобщения двухлетней практики // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). С. 26-37.
6. Чихладзе Л.Т. К вопросу о новом способе наделения полномочиями глав муниципальных образований // Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения : сборник трудов конференции. 2019. С. 27-32.
7. Наумкина В.В. Способы избрания главы муниципального образования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 263-264.

REFERENCES

1. Dzhagaryan N.V. Predstavitel'nye nachala pravovogo statusa glavy municipal'nogo obrazovaniya // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2010. № 4 (4). S. 69 – 77.
2. Kokotov A.N. Municipal'noe pravo Rossii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. A.N. Kokotova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: YUrajt, 2016. 567 s.
3. Solov'ev S.G. Evolyuciya mekhanizma municipal'no-pravovoj otvetstvennosti glav municipal'nyh obrazovaniy // Pravo i obrazovanie. 2005. № 5. S. 157 – 163.
4. Moskalev A.V., Busygin L.I. Nekotorye aspekty vybornosti glav municipal'nyh obrazovaniy i roli naseleniya v mestnom samoupravlenii // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2011. № 3 (13). S. 30 – 36.
5. Viskulova V.V. O «konkursnom» poryadke izbraniya glav municipal'nyh obrazovaniy: nekotorye obobshcheniya dvuhletnej praktiki // ZHurnal rossijskogo prava. 2017. № 6 (246). S. 26 – 37.
6. CHihladze L.T. K voprosu o novom sposobe nadeleniya polnomochiyami glav municipal'nyh obrazovaniy // Problema municipalitetov v razreze pravovogo obshchestvovedeniya : sbornik trudov konferencii. 2019. S. 27-32.
7. Naumkina V.V. Sposoby izbraniya glavy municipal'nogo obrazovaniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 1 (181). S. 263 – 264.

Об авторе: Корсун Ксения Ивановна, преподаватель кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России
e-mail: korsunksenia@mail.ru

About the author: Korsun Ksenia I., Lecturer at the Department of Constitutional Law, Ural Law Institute of MIA of Russia
e-mail: korsunksenia@mail.ru

Статья получена: 12.01.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

УДК 342.55:352

DOI: 10.37973/KUI.2021.86.36.005

Д.А. Сафин

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**INTERACTION BETWEEN PUBLIC CHAMBERS
OF MUNICIPALITIES AND PUBLIC CHAMBERS
OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Введение: статья посвящена проблемам взаимодействия общественных палат регионального и муниципального уровня. Исследование взаимодействия общественных палат региона и общественных палат муниципального уровня обусловлено развитием института общественного контроля. В работе представлены результаты комплексного анализа механизмов взаимодействия между общественными палатами субъектов РФ и общественными палатами муниципальных образований.

Материалы и методы: при проведении настоящего исследования были проанализированы сайты общественных палат субъектов РФ на наличие информации о формах взаимодействия общественной палаты региона и общественной палаты муниципального уровня. Основу проведенного эмпирического исследования составили документы, разработанные общественными палатами субъектов РФ по вопросам взаимодействия с общественными палатами муниципальных образований.

Результаты исследования: установлено, что в законодательстве РФ отсутствует детально регламентированный механизм взаимодействия между общественными палатами регионального и муниципального уровня, что создает правовую неопределенность. Выявлено, что пробелы в правовом регулировании общественных отношений по вопросам взаимодействия общественных палат регионального и муниципального уровня устраняются посредством заключения соглашения. Представлен анализ современных практик взаимодействия общественных палат субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, изложены существующие научные представления о таком взаимодействии.

Обсуждение и заключения: предлагается внедрение в законодательство Российской Федерации отдельных нормативных решений, направленных на обеспечение повышения эффективности взаимодействия общественных палат с учетом их функций и роли в организации институтов гражданского общества.

Ключевые слова: местное самоуправление, субъект Российской Федерации, общественная палата, правовое взаимодействие, муниципальное законодательство

Для цитирования: Сафин Д.А. Взаимодействие общественных палат муниципальных образований и общественных палат субъектов Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 28-33. DOI: 10.37973/KUI.2021.86.36.005

Introduction: the article is devoted to the problems of interaction between the public regional and municipal levels. The study of interaction between the public chamber community and public chambers of the municipal level is due to the development of the institution of public control. The paper presents the results of a comprehensive analysis of the mechanisms of interaction between the public chambers of the constituent entities of the Russian Federation and the public chambers of municipalities.

Materials and Methods: the author analyzed the forms of interaction between regional public chamber and municipal public chamber on the web sites of the public chambers of the entities of the Russian Federation. The documents on interaction between public chambers of municipalities worked by public chambers of the Russian entities found the empirical base of the study.

Results: the author found that the legislation of the Russian Federation did not provide a detailed mechanism of interaction between public chambers of the regional and municipal levels, which created legal uncertainty. The study revealed that the lacunae in the legal regulation of public relations on the interaction

of public chambers at the regional and municipal levels were eliminated by concluding an agreement. The article presented an analysis of modern practices of interaction between public chambers of the subjects of the Russian Federation and municipalities, as well as existing scientific ideas about such interaction.

Discussion and Conclusions: the author proposed to introduce into the legislation of the Russian Federation certain regulatory decisions aimed at improving the efficiency of interaction between public chambers, taking into account their functions and role in the organization of civil society institutions.

Key words: local government, subject of the Russian Federation, public chamber, legal interaction, municipal legislation

For citation: Safin D.A. Interaction between Public Chambers of Municipalities and Public Chambers of Constituent Entities of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 28-33. DOI: 10.37973/KUI.2021.86.36.005

Введение

Общественные палаты муниципальных образований, выступая органом общественного контроля, вовлечены в значительное число механизмов государственного и муниципального уровня общественного взаимодействия. Так, на уровне субъекта РФ общественные палаты муниципальных образований выстраивают взаимодействие с общественной палатой субъекта РФ.

Одной из наиболее значимых задач, стоящих перед системой общественных палат в РФ, является институционализация гражданского общества и его структур, доведение до органов публичной власти (как государственных, так и муниципальных) информации о потребностях и проблемах [1] гражданского общества и его институтов.

Как справедливо отмечает Р.В. Евстифеев, «изучение проблем, форм и методов взаимодействия региональных органов власти и институтов гражданского общества только начинается, особенно это касается изучения деятельности региональных общественных палат» [2, с. 89].

В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 15.01.2020 специально отметил: «Мнение людей, наших граждан, народа как носителя суверенитета и главного источника власти должно быть определяющим. Сильную, благополучную, современную Россию мы сможем построить только на основе безусловного уважения к мнению людей, к мнению народа»¹.

В современной системе общественных палат РФ отсутствуют формальные аспекты вертикального взаимодействия палат муниципального и иных уровней.

В определенной мере это вызвано нежеланием государства предписывать муниципальным образованиям обязательное создание общественных палат с учетом местной специфики и финансовых возможностей. Существующая ситуация приводит к девальвации построения системы па-

лат и фактически «зацикливает» каждую палату на тех или иных проблемах вне общесистемного видения. В контексте принятых в 2020 году поправок в Конституцию РФ, предусматривающих реализацию принципа единства власти в РФ через внедрение конструкции «публичная власть», необходимы доработка системы общественных палат, придание общественным палатам муниципальных районов и городских округов обязательного статуса, выстраивание унифицированных механизмов взаимодействия между общественными палатами субъектов РФ и муниципальными общественными палатами.

Обзор литературы

Существенный вклад в исследование вопросов взаимодействия общественных палат региона и общественных палат муниципальных образований внесли исследования Л.Н. Батянова [3], Бойко Н.Н. [4], В.М. Долгова и Ю.Д. Каряпкиной [5], В.А. Щепачёва [6] и других ученых.

Материалы и методы

Нормативно-правовую базу исследования составили Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», закон Астраханской области от 24.10.2013 № 57/2013-ОЗ «Об Общественной палате Астраханской области». Эмпирическую базу исследования составили решение Оренбургского городского Совета Оренбургской области от 07.03.2019 № 666 «Об утверждении Положения «Об Общественной палате муниципального образования «город Оренбург», решение Совета муниципального образования «Ленинградский район» от 27.07.2017 № 62 «Об утверждении положения об общественной палате муниципального образования «Ленинградский район», Соглашение о сотрудничестве между Общественной палатой Вологодской области и органами местного самоуправления города Череповца и Череповецким городским

¹ Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Официальный сайт. Президент России. 15.01.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 09.07.2020).

общественным советом. В качестве основных методов научного исследования были задействованы диалектический материализм и метод формально-юридического анализа. Диалектический материализм выступил магистральным методом исследования, прежде всего, благодаря имеющемуся в его арсенале закону единства и борьбы противоположностей, позволившему определить диалектику взаимосвязи общественных палат различного уровня. В рамках метода формально-юридического анализа исследовались документы, издаваемые общественными палатами различного уровня, проводился формально-юридический анализ действующего законодательства.

Результаты исследования

Проведение анализа действующего законодательства позволило установить, что правовое регулирование общественных отношений, возникающих между общественными палатами региона и общественными палатами муниципальных образований, надлежащим образом не урегулировано.

В правовом регулировании взаимодействия общественных палат регионального и муниципального уровня отсутствуют правовые нормы, определяющие допустимые и обязательные формы взаимодействия общественных палат субъектов РФ и муниципальных образований. В связи с этим на первый план выходит практика организации такого взаимодействия, созданная конкретными общественными палатами.

В положении об Общественной палате г. Оренбурга указано, что одной из задач структуры является взаимодействие с Общественной палатой РФ, Общественной палатой Оренбургской области, а также общественными палатами (советами) муниципальных образований, общественными советами при Законодательном собрании Оренбургской области и исполнительных органах государственной власти Оренбургской области и иными институтами гражданского общества¹. Аналогичная норма установлена в положении об Общественной палате Ленинградского района Краснодарского края².

Таким образом, как следует из содержания указанных положений, на локальном уровне субъекты стремятся установить нормативное регулирование. При определении формата взаимодействия

закрепляется координирующая роль общественной палаты субъекта РФ.

Полагаем, что установление именно такого формата отношений является наиболее приемлемым и корректным, однако законодательство в таком случае либо не регулирует данные отношения, либо ограничивается кратким указанием на наличие права взаимодействия и методологической помощи.

Законом Астраханской области от 24 октября 2013 года № 57/2013-ОЗ «Об Общественной палате Астраханской области»³ (пункт 4 ст. 2) определена одна из форм работы палаты путем взаимодействия с Общественной палатой РФ, общественными палатами субъектов РФ, а также общественными палатами (советами) муниципальных образований, общественными советами при Думе Астраханской области и исполнительных органах государственной власти Астраханской области.

Пунктом же 5 ст. 2 указанного закона устанавливается, что формой работы общественной палаты также является оказание информационной, методической и иной поддержки общественным палатам (советам) муниципальных образований, общественным советам при Думе Астраханской области и исполнительных органах государственной власти Астраханской области, некоммерческим организациям, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Астраханской области. Следует резюмировать, что пример такого правового регулирования вопросов взаимодействия является неполным и чрезмерно абстрактным, что не является благоприятным. Полагаем, в этой части региональное законодательство требует доработки путем более детальной регламентации вопросов взаимодействия. Вместе с этим параметры такой доработки должны быть определены федеральным законодательством.

Анализ практики взаимодействия дает основания утверждать, что чаще всего используется способ фиксации взаимодействия посредством заключения соглашения между общественной палатой субъекта РФ и общественными палатами муниципальных образований этого субъекта РФ. В качестве примера можно назвать соглашение, заключенное между общественной палатой Вологодской области и Череповецким городским общественным советом⁴.

¹ Об утверждении Положения «Об Общественной палате муниципального образования «город Оренбург: решение Оренбургского городского Совета Оренбургской области от 07.03.2019 № 666 // Вечерний Оренбург, 2019. 13 марта.

² Об утверждении положения об общественной палате муниципального образования «Ленинградский район»: решение Совета муниципального образования «Ленинградский район» от 27.07.2017 № 62 // URL: http://www.adminlenkub.ru/obsh_palata/pologenie.php (дата обращения: 16.12.2020).

³ Об Общественной палате Астраханской области: закон Астраханской области от 24.10.2013 № 57/2013-ОЗ // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2013. № 47.

⁴ Соглашение о сотрудничестве между Общественной палатой Вологодской области и органами местного самоуправления города Череповца и Череповецким городским общественным советом // URL: <http://www.op35.ru/o-palate/dokumenty/detail.php?ID=1951> (дата обращения: 16.12.2020).

Предметом данного соглашения являлось сотрудничество сторон с целью выявления, содействия развитию и максимального вовлечения общественных ресурсов для решения экономических и социальных задач населения города Череповца. Соглашением было установлено общее решение об обмене информацией и учете рекомендаций по вопросам, представляющим взаимный интерес. В ходе осуществления сотрудничества необходимо создавать совещательные и экспертные органы, рабочие группы, советы, проводить взаимные консультации, обмениваться методическими рекомендациями, информационно-справочными материалами о результатах деятельности. Заметим, что данное соглашение является одним из немногих, заключаемых между региональной и местной общественной палатой.

Взаимоотношения между общественными палатами разного уровня и одноуровневыми палатами имеют разные форматы взаимодействия. В рамках взаимодействия общественных палат одного уровня, например, общественных палат разных муниципальных районов, допустимо как подписание соглашений о сотрудничестве, так и создание ассоциаций общественных палат. Соглашения позволяют согласовывать общие концепты взаимодействия, общие форматы участия в обсуждении значимых вопросов местного самоуправления. Создание ассоциации позволит представлять интересы таких общественных палат системно и основательно. В условиях взаимодействия общественной палаты регионального уровня и муниципальных общественных палат формат ассоциации вряд ли может быть реализован, однако в случае подключения к взаимодействию общественных советов при органах государственной власти формат ассоциации становится приемлемым и востребованным. В Ростовской области была создана ассоциация общественных советов при органах исполнительной власти и органах местного самоуправления Ростовской области.

Ассоциация общественных советов при органах исполнительной власти и органах местного самоуправления Ростовской области была создана по инициативе Общественной палаты Ростовской области. 2 июня 2016 года Ассоциация была зарегистрирована как некоммерческая организация¹.

Целью создания Ассоциации является установление эффективных взаимосвязей между общественными советами и оказание им поддержки в самореализации, а также консолидации усилий, направленных на развитие гражданского обще-

ства, содействия реализации гражданских инициатив. В состав Ассоциации входят более 50 (пятидесяти) общественных советов области. Такую практику и положительный опыт необходимо внедрять в системы общественных палат в РФ.

Обсуждение и заключения

Полагаем, что в рамках рамочного нормативного регулирования необходимо на федеральном уровне предусмотреть возможность заключения соглашений и установления механизмов координационного взаимодействия между общественными палатами и общественными советами различных уровней.

При этом механизм соглашений должен быть дополнительным, а не основным. Основным должен стать легальный подход, который будет реализован в рамках единой государственной политики развития системы общественного контроля и общественных инициатив.

В первую очередь должен быть установлен унифицированный порядок, согласно которому в каждом городском округе или муниципальном районе должна быть создана общественная палата, состав которой утверждается по схеме, исключающей возможность давления со стороны конкретного органа местного самоуправления или должностного лица муниципального образования.

В связке региональных и муниципальных общественных палат должен быть установлен дуалистичный порядок взаимодействия. Законом должна быть предписана координирующая роль региональной общественной палаты, которая может и должна выработать стандарты и модели документов, задействованные общественными палатами отдельных муниципальных образований. Общественные палаты всех регионов имеют за своей спиной более чем десятилетие продуктивной работы, а такой опыт, полагаем, нуждается в передаче, поэтому именно региональная общественная палата должна осуществить координационное и методологическое содействие местным общественным палатам.

Иными формами взаимодействия между общественными палатами, которые можно предложить в рамках дополнения законодательства РФ об общественных палатах, являются:

1. Проведение регулярных координационных совещаний с руководителями муниципальных общественных палат.

2. Обобщение и передача в органы государственной власти предложений, поступивших из общественных палат муниципальных образований.

¹Ассоциация общественных советов // URL:<http://op-ro.donland.ru/Default.aspx?pageid=144038> (дата обращения: 16.12.2020).

3. Проведение учебных и консультационных мероприятий по вопросам организации общественного контроля и наиболее перспективным практикам такого контроля.

4. Осуществление выездных заседаний, в том числе совместных, общественной палаты субъекта Российской Федерации и общественных палат муниципальных образований по конкретным вопросам в пределах интереса соответствующих общественных палат.

5. Участие членов региональной общественной палаты в заседаниях муниципальных общественных палат по приглашению последних.

В качестве второго подхода к осуществлению межпалатного взаимодействия должен остаться механизм заключения специальных соглашений между соответствующими общественными палатами. Заключение соглашения позволяет дифференцировать объемы взаимодействия между общественными палатами в контексте их потребности в таком взаимодействии. Более того, необходимо придать таким соглашениям большее значение. В частности, предлагаем определять обязательное депозитарное хранение экземпляров всех соглашений, заключённых общественными

палатами муниципальных образований в общественной палате субъекта Российской Федерации.

При этом в рамках практики организации подписания соглашений необходимо придерживаться принципа неукоснительного сохранения самостоятельности общественных палат, объективности в их работе, недопустимости внешнего вмешательства в деятельность общественных палат всех уровней. Этот принцип должен быть доминирующим в организации межпалатного взаимодействия.

Таким образом, целесообразно, чтобы в новой редакции федерального закона об общественном контроле и в законодательстве о системе общественных палат в Российской Федерации были учтены изложенные выше аспекты межпалатного взаимодействия. Общественные палаты на всех уровнях организации власти способны обеспечить контакт между властью и обществом, сформировать базис конструктивных форм взаимодействия, позволяющих как добиться развития институтов гражданского общества, так и существенно улучшить качество работы органов местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кульназарова А.В. Динамика коммуникативного взаимодействия государства и общества в российском сегменте сети Интернет (2000-2016 гг.): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб., 2017. 142 с.
2. Евстифеев Р.В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 87 – 100.
3. Батъянова Л.Н. Особенности взаимодействия общественной палаты Иркутской области и общественными объединениями // DIXI – 2018: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов: выпуск 9 / под науч. ред. д-ра социол. наук А.Ю. Завалишина. Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2019. С. 78 – 88.
4. Бойко Н.Н. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля на примере Республики Башкортостан // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (отв. ред. Е.С. Косых). Уфа. Башкирский государственный университет, 2017. С. 89 – 92.
5. Долгов В.М., Каряпкина Ю.Д. Общественные палаты субъектов РФ в обеспечении представительства интересов населения // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 65 – 72.
6. Щепачёв В.А. О проблемах правового регулирования организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации // Местное право. 2018. № 5. С. 55 – 60.

REFERENCES

1. Kul'nazarova A.V. Dinamika kommunikativnogo vzaimodejstviya gosudarstva i obshchestva v rossijskom segmente seti Internet (2000-2016 gg.): dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. SPb., 2017. 142 s.
2. Evstifeev R.V. Obshchestvennyye palaty sub"ektov Rossijskoj Federacii v sisteme upravleniya regiona: osnovnyye problemy funkcionirovaniya i ocenki effektivnosti raboty // Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie. 2018. T. 4, № 4. S. 87 – 100.
3. Bat'yanova L.N. Osobennosti vzaimodejstviya obshchestvennoj palaty Irkutskoj oblasti i obshchestvennyimi ob"edineniyami // DIXI – 2018: idei, gipotezy, otkrytiya v social'no-gumanitarnyh issledovaniyah: sbornik nauchnyh trudov: vypusk 9 / pod nauch. red. d-ra sociol. nauk A.YU. Zavalishina. Habarovsk: RIC HGUEP. 2019. S. 78 – 88.

4. Bojko N.N. Mesto i rol' obshchestvennyh palat v sisteme obshchestvennogo kontrolya na primere Respubliki Bashkortostan // Pravo i gosudarstvo: istoriya i sovremennost', perspektivy razvitiya: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (otv. red. E.S. Kosyh). UFA. Bashkirskij gosudarstvennyj universitet. 2017. S. 89 – 92.
5. Dolgov V.M., Karyapkina YU.D. Obshchestvennye palaty sub"ektov RF v obespechenii predstavitel'stva interesov naseleniya // Vlast'. 2020. T. 28. № 4. S. 65 – 72.
6. ШЧНерачыов V.A. O problemah pravovogo regulirovaniya organizacii i deyatelnosti obshchestvennyh palat sub"ektov Rossijskoj Federacii // Mestnoe pravo. 2018. № 5. S. 55 – 60.

Об авторе: Сафин Дмитрий Алексеевич, аспирант Иркутского государственного университета
e-mail: safindimal@gmail.com.

About the author: Safin Dmitry A., Postgraduate Student of the Irkutsk State University
e-mail: safindimal@gmail.com.

Статья получена: 24.01.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Е.А. Белов

**ТЕНДЕНЦИИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

**TRENDS IN THE ESTABLISHMENT AND FUNCTIONING
OF MUNICIPAL PUBLIC PROTECTION BODIES
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Введение: в статье формулируется идея целесообразности разработки механизмов совместной деятельности федеральных и муниципальных органов охраны общественного порядка, анализируются современная практика и результаты эксперимента 90-х годов прошлого века по созданию муниципальной милиции, выявляются противоречия в работе муниципальных служащих по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Материалы и методы: в ходе написания статьи применялись сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы исследования с частичным использованием методов функционального анализа, синергетического синтеза и системного подхода.

Результаты исследования: проведен анализ функционирования муниципальной милиции, представлена правовая основа деятельности муниципальной милиции, проанализированы статистические данные результативности муниципальных служащих в сфере охраны правопорядка, обозначены современные проблемы взаимодействия федеральных и муниципальных правоохранительных структур.

Обсуждение и заключения: обосновывается необходимость комплексного подхода к вопросу полномочий и ответственности муниципальных органов охраны общественного порядка, предлагается использовать потенциал Республики Татарстан в качестве экспериментальной площадки для выработки оптимальных форм взаимодействия муниципальной милиции и общественных организаций правоохранительной направленности.

Ключевые слова: муниципальные органы охраны общественного порядка, органы местного самоуправления, народная дружина, муниципальная милиция, массовые мероприятия, правопорядок

Для цитирования: Белов Е.А. Тенденции создания и функционирования муниципальных органов охраны общественного порядка (на примере Республики Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, №1. С. 34-38. DOI: 10.37973/KUI.2021.79.66.006

Introduction: the author formulates the idea of expediency of developing mechanisms for joint activities of federal and municipal bodies of public order protection, analyzes the current practice and results of the experiment of the 90s on the creation of municipal police, identifies contradictions in the work of municipal employees to protect public order and ensure public safety.

Materials and Methods: during the work on the article the author used comparative legal, statistical, and logical research methods with partial usage of the functional analysis method and the system approach method.

Results: the analysis of the formation and functioning of municipal public order protection bodies is carried out, the legal basis of the municipal police activity is presented, statistical data on the performance of municipal employees in the field of law enforcement are proposed, and modern problems of interaction between Federal and municipal law enforcement structures are identified.

Discussion and Conclusions: the author substantiates the need for a comprehensive approach to the issue of the powers and responsibilities of municipal bodies of public order protection. It is proposed to use the Republic of Tatarstan as a platform for developing optimal forms of activity of municipal police and public organizations of law enforcement orientation.

Keywords: municipal bodies of public order protection, local self-government bodies, people's militia, municipal police, mass events, law and order

For citation: Belov E.A. Trends in the Establishment and Functioning of Municipal Public Protection Bodies (on the Example of the Republic of Tatarstan) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 34-38. DOI: 10.37973/KUI.2021.79.66.006

Введение

Республика Татарстан на протяжении двадцати лет остается одним из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации, реализующих крупные социальные, технологические и культурные проекты. В настоящее время в 43 муниципальных районах и 2 городских округах Татарстана проживает 3893,8 тыс. человек. Республика Татарстан занимает восьмое место в России по численности населения. Город Казань (столица Татарстана) в 2009 году на основе регистрации в Роспатенте получил право официально именоваться «третьей столицей России»¹. За счет богатого культурного наследия, развитой инфраструктуры, высокого уровня порядка Татарстан стал регионом, привлекательным для жизни и творчества. В определенной степени это обусловлено социальной стабильностью в республике, что невозможно без эффективной деятельности правоохранительных органов. Безусловно, МВД по Республике Татарстан и иные правоохранительные структуры на высоком уровне выполняют возложенные на них задачи по обеспечению законности и правопорядка на всей территории нашего государства. Однако их деятельность будет весьма затруднительна без тесного взаимодействия и сотрудничества с общественностью. Считаем, что в настоящее время потенциал муниципальных органов охраны общественного порядка и общественных организаций правоохранительной направленности раскрыт не в полной мере.

Обзор литературы

Правовым и организационным вопросам деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка уделяется достаточное внимание. При этом практически отсутствуют фундаментальные работы, позволяющие всесторонне оценить потенциал муниципальной милиции. В качестве документально-публицистического исследования муниципальной милиции следует выделить работу В.Н. Волохова [1]. Проблемы участия граждан в охране общественного порядка достаточно творчески рассмотрены в исследовании И.Г. Бублик, Р.А. Прощальгина, А.А. Старцова [2]. Анализ периодических изданий позволил выделить таких современных авторов, как И.В. Упоров [3], Р.А. Журавлев [4],

Воробьев В.Ф., Хазова В.Е. [5], А.Г. Мусеибов, О.И. Цоколова [6], Г.Г. Загайнова [7], Е.А. Кулеш, Е.Н. Лихолет [8]. Складывается впечатление, что рассматриваемый нами вопрос представляет интерес преимущественно в рамках научного дискурса ученых системы МВД России. Вместе с тем комплексных исследований, раскрывающих формы и методы взаимодействий муниципальных и федеральных органов охраны общественного порядка, не проводилось.

Материалы и методы

Раскрываемые в рамках настоящей работы проблема и характер исследуемых общественных отношений определяют использование таких общенаучных методов, как анализ, синтез и обобщение. Кроме того, в работе применяются сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы исследования с частичным использованием метода функционального анализа и метода системного подхода.

Результаты исследования

В 90-е годы прошлого столетия проводилась активная работа по трансформации имеющегося механизма обеспечения правопорядка на уровне городов, сельских поселений и иных территориальных единиц. Так, указом Президента России от 03.07.1996 № 802² органам местного самоуправления в рекомендательной форме предписывалось создавать организационные, правовые и материальные условия для поэтапного формирования муниципальных органов охраны общественного порядка в соответствии с законодательством Российской Федерации и соответствующего субъекта Российской Федерации, а также предусматривать в уставах муниципальных образований выборность населением руководителей муниципальных органов охраны общественного порядка. Однако данная идея не была реализована в сколь-нибудь ощутимом объеме. С сентября 1998 по июнь 2000 гг. в Российской Федерации проводился эксперимент по передаче на уровне муниципальных образований милицейских функций. По мнению большинства исследователей, из-за несовершенства законодательства, организационных противоречий, проблем финансирования и т.п. идея создания муниципальных милицейских

¹ Официальный Татарстан. URL: <https://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения: 27.07.2020).

² О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка: указ Президента России от 03.06.1996 № 802 // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф (дата обращения: 27.07.2020).

подразделений оказалась нереализованной в полном объеме [1]. Как отмечает Г.Г. Загайнова, хотя эксперимент и указал на несовершенство предложенной формы организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления, он выявил продуктивные ресурсы муниципальной милиции [7].

Следует отметить, что, согласно Федеральному закону № 131-ФЗ¹, в качестве вопросов местного значения выделяют:

- организацию охраны общественного порядка на территории муниципального образования;
- организацию дорожного движения и обеспечение безопасности дорожного движения;
- оказание поддержки гражданам в охране общественного порядка;
- создание условий для деятельности народных дружин;
- осуществление мероприятий по охране жизни и здоровья людей на водных объектах.

В настоящее время муниципалитетами вышеприведенные направления деятельности практически не реализуются. Наиболее серьезно вопрос о целесообразности передачи муниципалитетам ряда правоохранительных задач, реализуемых МВД России, ставился при создании полиции в 2011 году. В 2014 году в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект о создании муниципальных органов охраны общественного порядка². На Общероссийском конгрессе муниципальных образований в 2015 году было предложено возродить муниципальную милицию, которая должна помочь в борьбе с бытовой преступностью и оптимизировать формы охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий³. Однако вышеотмеченные и иные инициативы по созданию муниципальной милиции не были одобрены в Правительстве России.

Не найдя поддержки на федеральном уровне, министр внутренних дел по Республике Татарстан А.В. Хохорин предложил принять закон «О муниципальной милиции» в Татарстане и дать возможность субъекту самому финансировать дополнительное число охранников порядка⁴. В ответ заместитель председателя Комитета Госсовета РТ по законности и правопорядку Р.Г. Нугуманов зая-

вил, что хотя идея создания муниципальной милиции высказывается на различных уровнях, но без решения вопросов разграничения полномочий, ответственности, финансирования и т.п. она является малопродуктивной⁵. Следует обратить внимание на то, что, невзирая на существенные организационно-правовые трудности, в Республике Татарстан опытным путем формируется механизм взаимодействия полиции с общественностью. Так, на этапе подготовки и проведения празднования тысячелетия Казани совместно с общественными организациями были проведены масштабные предупредительно-профилактические мероприятия, которые в конечном итоге позволили надлежащим образом обеспечивать общественный порядок. Формы и методы взаимодействия полиции с общественностью и волонтерскими организациями особенно проявились в период проведения в Республике Татарстан крупных спортивных массовых мероприятий (Универсиада в 2013 г., чемпионат мира по водным видам спорта в 2015 г., Кубок конфедераций в 2017 г., чемпионат мира по футболу в 2018 г.).

Основываясь на принципе взаимной ответственности, руководство Республики Татарстан и МВД по Республике Татарстан стремится максимально использовать инициативность и заинтересованность граждан в обеспечении общественного порядка и безопасности. Внедряются современные информационно-технические средства, которые позволяют создать систему непрерывного контакта полиции с населением. К ним относятся организация прямой горячей линии для населения с комплексным аналитическим сопровождением, разветвленная система видеомониторинга «Безопасный город» с доступом населения к поступающей информации, электронные приемные правоохранительных органов, интегрированные в региональные и муниципальные системы электронного правительства. В РТ на уровне муниципалитетов активно работают народные дружины. Как сообщил начальник управления административных и правоохранительных органов Аппарата Кабинета министров РТ Р.Р. Кадыров, в республике функционирует 1455 дружин с общей численностью более 21 тысяч человек. По итогам 2020 года члены народных дружин способство-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф (дата обращения: 27.07.2020).

² О муниципальной милиции в Российской Федерации: проект Федерального закона № 621910-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.10.2014) // СПС «КонсультантПлюс»: ВерсияПроф (дата обращения: 27.07.2020).

³ Конгресс муниципалов в Казани призвал на помощь милицию // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/145409> (Дата обращения: 27.08.2020).

⁴ «Своя милиция»: первые комментарии. URL: http://www.chelnyltd.ru/obshchestvo/%C2%ABsvoya_militsiya%C2%BB_pervie_komen (Дата обращения: 29.08.2020).

⁵ Быть ли муниципальной полицией? // Газета Республика Татарстан. URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-10125580/> (Дата обращения: 29.08.2020).

вали раскрытию 170 преступлений и выявлению более чем 11 тысяч административных правонарушений¹.

Термин «муниципальная милиция» удовлетворяет историческим и понятийно-терминологическим традициям научного познания. С середины XV века в средневековой Европе милицией назывались отряды ополчения из местного населения, которые созывались преимущественно в период вражеских нападений. В России милицией называлось земское войско, существовавшее в 1806-1807 годах и созданное для помощи регулярной армии. В свою очередь, греческое слово *politeia* (полиция) использовалось для определения государства и государственных дел. Фактически полиция является элементом государства. В России полиция была учреждена Петром Первым в 1718 году как одно из главных орудий государственной власти².

Соответственно, сотрудник муниципальной милиции – это муниципальный служащий, не имеющий специальной подготовки в области применения огнестрельного оружия, знаний оперативно-розыскной деятельности, составления процессуальных документов и т.п., который действует в рамках конкретного поселения. При этом сотрудник полиции – это федеральный государственный служащий, профессионально выполняющий возложенные на него обязанности (имеющий соответствующие его должности знания, умения и навыки) и осуществляющий деятельность в интересах государства. Термин «муниципальная милиция» вполне соотносится с замыслом реформы в органах внутренних дел и вписывается в логику переименования милиции в «полицию».

В настоящее время в Казани реализуется проект по созданию жизнеспособных механизмов функционирования муниципальных органов охраны правопорядка. Муниципальным служащим делегированы некоторые полномочия полиции по привлечению граждан к административной

ответственности. Но они не подкреплены правом проверки документов и личного досмотра, полномочиями по задержанию правонарушителей и т.п. Соответственно, в данных условиях выявившие нарушение муниципальные служащие могут работать только совместно с сотрудниками полиции. В случае сохранения данной модели необходимы нормативная проработка вопроса взаимодействия федеральных и муниципальных органов правопорядка, а также создание условий для качественной подготовки соответствующих муниципальных служащих.

Обсуждение и заключения

Есть основание полагать, что проводимый в Республике Татарстан эксперимент позволит апробировать различные инструменты взаимодействия государственных, муниципальных и общественных структур по созданию эффективной модели охраны общественного порядка. Кроме того, было бы целесообразно выработать рекомендации по охране правопорядка при проведении массовых мероприятий для муниципальных служащих и общественных объединений. Однако складывается впечатление, что на федеральном уровне до сих пор достаточно настороженно относятся к созданию муниципальной милиции. Более того, в новой редакции Конституции РФ (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) из 132 статьи исключили такую функцию органов местного самоуправления, как осуществление охраны общественного порядка, переориентировав тем самым муниципалитеты с охраны общественного порядка на обеспечение доступности медицинской помощи. В то же время большинство экспертов в сфере государственного строительства считают, что создание муниципальной милиции (полиции) является неизбежным. Представляется, что опыт Республики Татарстан позволит раскрыть потенциал муниципальных органов охраны порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волохов В.Н. Муниципальная милиция в Российской Федерации: исторический опыт и перспективы. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. 568 с.
2. Бублик И.Г., Прощалыгин Р.А., Старцов А.А. Проблемы участия граждан в охране общественного порядка и их взаимодействие с органами внутренних дел. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2017. 46 с.
3. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Охрана общественного порядка и муниципальная милиция: проблемы организации и законодательного регулирования (муниципальный аспект) // Общество и право. 2016. № 4. С. 210 – 214.

¹ Народные дружинники способствовали раскрытию 170 преступлений и 11 тысяч административных правонарушений // Новости Казани. URL: <https://kazan.bezformata.com/listnews/79848782/> (дата обращения: 29.08.2020).

² Происхождение названий «полиция» и «милиция» // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20110301/340146365.html> (дата обращения: 03.10.2020).

4. Журавлев Р.А. Правовые аспекты организации муниципальной милиции (к третьему законопроекту о создании муниципальной милиции) // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С 180-185.
5. Воробьев В.Ф., Хазова В.Е. Роль общественных формирований в охране общественного порядка на территории муниципального образования // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 2. С. 43 – 46.
6. Мусейбов А.Г., Цоколова О.И. Проблемы правовой регламентации порядка организации и деятельности муниципальной милиции // Научный портал МВД России. 2018. № 1. С. 97-107.
7. Загайнова Г.Г. Муниципальная милиция (милиция общественной безопасности) – попытка конституционно-правового эксперимента // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С 124-126.
8. Кулеш Е.А., Лихолет Е.Н. К вопросу о перспективах создания и функционирования муниципальных органов охраны общественного порядка // Административное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 37 – 45.

REFERENCES

1. Volohov V.N. Municipal'naya miliciya v Rossijskoj Federacii: istoricheskij opyt i perspektivy. M.: Izdatel'stvo Glavnogo arhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2012. 568 s.
2. Bublik I.G., Proshchalygin R.A., Starcov A.A. Problemy uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka i ih vzaimodejstvie s organami vnutrennih del. Barnaul: BYUI MVD RF, 2017. 46 s.
3. Uporov I.V., Kuzovleva G.V. Ohrana obshchestvennogo poryadka i municipal'naya miliciya: problemy organizacii i zakonodatel'nogo regulirovaniya (municipal'nyj aspekt) // Obshchestvo i pravo. 2016. № 4. S. 210 – 214.
4. Zhuravlev R.A. Pravovye aspekty organizacii municipal'noj milicii (k tret'emu zakonoproektu o sozdanii municipal'noj milicii) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4. S 180 – 185.
5. Vorob'ev V.F., Hazova V.E. Rol' obshchestvennyh formirovanij v ohrane obshchestvennogo poryadka na territorii municipal'nogo obrazovaniya // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2018. № 2. S. 43 – 46.
6. Museibov A.G., Cokolova O.I. Problemy pravovoj reglamentacii poryadka organizacii i deyatel'nosti municipal'noj milicii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2018. № 1. S. 97-107.
7. Zagajnova G.G. Municipal'naya miliciya (miliciya obshchestvennoj bezopasnosti) – popytka konstitucionno-pravovogo eksperimenta // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 4. S 124 – 126.
8. Kulesh E.A., Liholeto E.N. K voprosu o perspektivah sozdaniya i funkcionirovaniya municipal'nyh organov ohrany obshchestvennogo poryadka // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 1. S. 37 – 45.

Об авторе: Белов Евгений Александрович, кандидат социологических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

About the author: Belov Evgeny A., Candidate in Sociology (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: evgeniybelov@inbox.ru

Статья получена: 15.09.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

С.В. Векленко

Р.В. Беличенко

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ
И ОЦЕНКИ БИОЛОГИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ
В РОССИИ, АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ**

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LEGISLATIVE COMPREHENSION
AND ASSESSEMENT OF THE BIOLOGICAL CRITERION
OF DIMINISHED RESPONSIBILITY IN RUSSIA AND ENGLAND AND WALES**

Введение: в статье рассматривается уголовное законодательство России, Англии и Уэльса в части института ограниченной вменяемости.

Материалы и методы: авторами изучены и проанализированы нормативные правовые акты Российской Федерации, Англии и Уэльса, касающиеся института ограниченной вменяемости, а также отечественная и зарубежная (на языке оригинала) научная литература по теме исследования, данные практических органов¹. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания. Применялись общенаучные (логический, системный, анализ, интерпретация, обобщение) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Результаты исследования: сравниваются законодательное понимание и оценка биологического критерия ограниченной вменяемости в двух национальных правовых системах. Кратко приводятся данные практических органов о конкретных примерах заболеваний, рассматриваемых в качестве биологического критерия ограниченной вменяемости.

Обсуждение и заключения: на основании проведенного сравнительно-правового анализа авторы отмечают положительные аспекты законодательной регламентации института ограниченной вменяемости в России, Англии и Уэльсе.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость; уголовная ответственность; биологический критерий ограниченной вменяемости; медицинский критерий ограниченной вменяемости; психическое расстройство, не исключающее вменяемости; аномалия психики; аномалия функционирования психики; прецедентное право.

Для цитирования: Векленко С.В., Беличенко Р.В. Сравнительно-правовой анализ законодательного понимания и оценки биологического критерия ограниченной вменяемости в России, Англии и Уэльсе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 39-45. DOI: 10.37973/KUI.2021.38.88.007

Introduction: the article deals with the criminal legislation of Russia and England and Wales with respect to diminished responsibility.

¹ По России – в тексте настоящей научной статьи в качестве примера приведены данные Орловской областной психиатрической больницы (содержащиеся в интересующей нас отраслевой статистической отчетности), по Англии и Уэльсу – данные судов Короны (содержащиеся в приговорах). Далее по тексту – практические органы.

Materials and Methods: the authors examined and analyzed the legislations of the Russian Federation, England and Wales on diminished responsibility and also domestic and foreign (in the original language) scientific literature on the study topic, data of the practitioners¹. The methodological basis of the study was the dialectical method. General scientific methods (logical, systematic, analysis, interpretation, generalization) and particular scientific methods (formal legal, comparative legal) were used.

Results: legislative comprehension and assessment of the biological criterion of diminished responsibility in two national legal systems were compared. It provided a brief data of the practical bodies of the concrete examples of the diseases which were considered as the biological criterion of diminished responsibility.

Discussion and Conclusions: the authors examine the benefits in specific characteristics of legal regulation of studied aspects of diminished responsibility in both countries on the basis of the comparative analysis.

Key words: *diminished responsibility; criminal liability; biological criterion of diminished responsibility; medical criterion of diminished responsibility; mental disorder which does not exclude the sanity; an abnormality of mind; an abnormality of mental functioning; case law*

For citation: Veklenko S.V., Belichenko R.V. Legislative Comprehension and Assessment of the Biological Criterion of Diminished Responsibility in Russia, England and Wales: Comparative Legal Analysis // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 11, № 1. С. 39-45. DOI: 10.37973/KUI.2021.38.88.007

Введение

Институт ограниченной вменяемости является сравнительно новым для национальных правовых систем, в рамках которых он признается и применяется. Закон об убийстве Англии и Уэльса не содержал положение об ограниченной вменяемости вплоть до 1957 года². В российском законодательстве с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году институт ограниченной вменяемости также стал правовой реальией.

Следует отметить, что вопрос о сущности такого правового явления, как ограниченная вменяемость, необходимости существования данного института в уголовном законодательстве различных стран является дискуссионным на протяжении более чем двух столетий.

Одним из наиболее проблемных вопросов в настоящее время в связи с законодательным закреплением данного института и использованием его в правоприменительной деятельности при определении меры и характера уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, является содержание биологической составляющей ограниченной вменяемости. На ее основе определяется наличие или отсутствие юридического критерия ограниченной вменяемости, который оценивается судом.

Знания о биологической стороне исследуемого явления носят естественнонаучный характер, соответственно, представляются точными. Однако предметом исследования выступает та-

кая чрезвычайно сложная и не до конца изученная система, как психика человека. При этом для разработки и последующего успешного применения формул ограниченной вменяемости возникает необходимость погружения специалистами, исследующими психику человека, в область уголовно-правового знания, а юристами – в область знания о психике человека. В связи с этим фактом процесс разработки эффективного механизма выявления ограниченно вменяемых лиц значительно усложняется.

Ученые и законодатели различных стран по сей день не пришли к единому взгляду на феномен ограниченной вменяемости, в том числе в части биологического критерия, что обусловлено недостаточностью знаний о психике человека и сложностью точной диагностики состояний психики, соответствующих юридическому критерию ограниченной вменяемости, на современном этапе развития науки³ (однако наука в интересующей нас области знаний очень стремительно развивается). Знания о биологической составляющей ограниченной вменяемости носят конвенциональный характер. Не указывая на очевидные недостатки такого подхода, отметим, что в указанных реалиях изучение научного и законодательного опыта различных стран по вопросам ограниченной вменяемости является весьма актуальным.

Обзор литературы

Вопросы влияния биологического критерия ограниченной вменяемости на уголовную

¹ For Russia – in the text of this scientific article, as an example, the data of the Orel regional Psychiatric Hospital (contained in the industry statistical reports of interest to us), for England and Wales – the data of the Crown courts (contained in the sentences) are given. Further in the text – practical bodies.

² Diminished responsibility // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/diminished-responsibility> (дата обращения: 07.02.2021).

³ См., например: Справочник базовой информации ВОЗ по психическому здоровью, правам человека и законодательству. Всемирная организация здравоохранения, 2005. С. 20-22.

ответственность в той или иной мере рассматривают такие отечественные ученые-юристы, психологи и психиатры, как Ю.М. Антонян, В.М. Бехтерев, В.В. Вандыш-Бубко, А.А. Герцензон, Ю.М. Гульдман, Е.К. Краснушкин, И.А. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, И.С. Ной, И.П. Павлов, С.В. Познышев, С.В. Полубинская, В.П. Сербский, О.Д. Ситковская, Б.А. Спасенников, Н.С. Таганцев, А.А. Ткаченко, В.С. Трахтерев, М.Д. Шаргородский, С.Н. Шишков и др.

В период после принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. проблемой влияния ограниченной вменяемости лица на уголовную ответственность в рамках диссертационных исследований занимались такие специалисты в области уголовного права, как Р.А. Алиханов (2004), Ю.П. Бойко (2005), И.И. Брыка (2000), С.В. Долгова (2003), А.Ю. Жамбалова (2007), Н.Г. Иванов (1997), А.Д. Кононов (2019), Ю.А. Куванова (2001), Т.А. Кули-Заде (2011), И.А. Семенцова (1999), Д.В. Сирожидинов (1998), А.Ю. Теунаев (2003), Р.Р. Тугушев (2002).

Институт ограниченной вменяемости в уголовном праве Англии и Уэльса в рамках исследования зарубежного опыта рассматривался Л.С. Аистовой, Д.Ю. Краевым, Н.Е. Крыловой, В.Н. Додоновым и др.

Среди зарубежных исследователей, которые рассмотрели феномен ограниченной вменяемости, можно назвать М. Боландэра, Н. Галаппати, К. Джемва, Е. Грива, Л. Кеннефика, П. Патила, Н. Расквинха, А. Рида и др.

Однако вопросу сравнительно-правового анализа законодательного понимания и оценки биологического критерия ограниченной вменяемости в России и Англии и Уэльсе в изученных нами научных трудах обстоятельного внимания не уделяется, что и стало причиной выбора темы исследования.

Материалы и методы

В рамках данного исследования основное внимание уделено изучению законодательства. Авторы проанализировали российское уголовное законодательство (УК РФ 1996 г.) и уголовное законодательство Англии и Уэльса (закон об убийстве 1957 г., закон «О следователях, расследующих убийства, и правосудии» 2009 года). В рамках исследования феномена ограниченной вменяемости в английском праве пристальное внимание уделено судебным решениям, в которых рассмотрены отдельные интересующие нас

аспекты. Отечественная и зарубежная научная литература и данные практических органов позволили составить более полное представление об исследуемом вопросе.

Диалектико-материалистический метод познания, позволяющий учитывать взаимосвязи и взаимообусловленность социальных явлений, выступил методологической основой исследования. В процессе написания статьи использовались общенаучные методы познания: системный, логический, анализ, интерпретация, обобщение, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Сравнительно-правовой метод занимает центральное место в методологии данного исследования.

Результаты исследования

Прежде чем переходить к сравнительному анализу биологического критерия ограниченной вменяемости в российском законодательстве и законодательстве Англии и Уэльса, отметим, что в Уголовном кодексе РФ 1996 г. исследуемое нами явление терминологически не закреплено. Ст. 21 указанного нормативного правового акта имеет название «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости». Именно положения данной статьи в российском научном сообществе относят к институту ограниченной вменяемости.

В Англии и Уэльсе статья с названием «Ограниченная вменяемость» (*diminished responsibility*) содержится в ст. 2 части 1. закона об убийстве 1957 года¹. Таким образом, в данной стране институт ограниченной вменяемости может быть применен только в случае совершения лицом убийства, в то время как в России – в случае совершения лицом преступления, предусмотренного любой статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Следует отметить, что указанный в названии данной статьи и упоминающийся в тексте биологический (медицинский) критерий ограниченной вменяемости в качестве структурного элемента исследуемого уголовно-правового института выделяется отечественными исследователями в рамках учения об ограниченной (уменьшенной, пограничной, частичной) вменяемости. Однако биологическая составляющая, именуемая в российском уголовном праве биологическим критерием, неизбежно исследуется в учениях об ограниченной вменяемости в уголовном праве других стран, в том числе и в Англии и Уэльсе. На основании изложенного считаем допустимым в целях настоя-

¹ Homicide Act 1957 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/5-6/11/section/2> (дата обращения: 10.02.2021).

щего исследования обозначать биологическую составляющую ограниченной вменяемости биологическим критерием ограниченной вменяемости, который определяет психическое состояние лица, выражающееся в ослаблении его сознательно-волевых способностей.

В соответствии со словарем психиатрических терминов психическое состояние в психиатрии представляет собой «совокупность признаков расстройств психики и характеристики ее сохраненных элементов, обнаруживаемых в определенный момент» [1, с. 1006]¹.

В уголовном законодательстве России, в соответствии со ст. 22 УК РФ, биологическим критерием ограниченной вменяемости признается психическое расстройство.

В уголовном законодательстве сущность психического расстройства не раскрывается. В международной классификации болезней 10-го пересмотра, используемой в России, констатируется, что термин «расстройство» не является точным, однако его использование предполагает «наличие клинически обнаруженных симптомов или поведенческих признаков, которые в большинстве случаев причиняют страдания и препятствуют личностному функционированию. Антиобщественное поведение или конфликт сами по себе, без функциональных нарушений, не должны включаться в группу психических расстройств»².

Установление конкретного психического расстройства, выступающего биологическим критерием ограниченной вменяемости, происходит на основании действующей медицинской классификации болезней [2, с. 219] (далее – МКБ), используемой в мировой медицинской практике и принятой в России (в настоящее время происходит постепенный переход от МКБ 10-го пересмотра к МКБ 11-го пересмотра, запланированный на 2022 год). В рамках указанной классификации болезней речь идет о классе психических расстройств. Так, делаем вывод, что в качестве биологического (медицинского) критерия ограниченной вменяемости, в соответствии с уголовным законодательством России и правоприменительной практикой, принимаются психические расстройства, указанные в действующей медицинской классификации болезней.

Перечень конкретных психических расстройств, образующих биологический критерий ограниченной вменяемости, нормативно не уста-

новлен. В своем диссертационном исследовании А.Д. Кононов приводит в качестве примера данные отраслевой статистической отчетности Орловской областной психиатрической больницы за 2010-2014 гг. по распределению «психических расстройств, приводящих к ограниченной вменяемости: органические расстройства, легкая степень умственной отсталости, расстройства личности и поведения, в т.ч. расстройства сексуального предпочтения, шизофрения в стадии ремиссии и шизотипические расстройства, связанные со стрессом» [3, с. 67].

Юридический критерий ограниченной вменяемости выражается через неспособность «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»³.

Законодатель устанавливает, что ограниченно вменяемое лицо подлежит уголовной ответственности. Указывается, что суд учитывает биологический критерий ограниченной вменяемости при назначении наказания, однако не конкретизируется, каким образом. Лицу, страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ.

В уголовном законодательстве Англии и Уэльса биологическим критерием ограниченной вменяемости является аномалия функционирования психики (an abnormality of mental functioning)⁴. При этом до 2010 года под биологическим критерием ограниченной вменяемости понималась аномалия психики (an abnormality of mind).

Правовая система Англии и Уэльса относится к англосаксонской правовой семье, и, как известно, в качестве источника права здесь признается судебный прецедент. Разъяснения по вопросу о сущности и содержании биологического критерия ограниченной вменяемости мы находим в судебных решениях.

Так, определение аномалии психики дано в деле «Королевы против Берна», вынесенном в 1960 г., где апелляционный суд определил его как «состояние психики, настолько отличное от состояния психики обычных людей, что разумный человек назвал бы его ненормальным» [4, р. 193]. Данное определение продолжает применяться и после появления аномалии функционирования психики в качестве биологического критерия

¹ Крук И.В., Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. С. 1006.

² Справочник базовой информации ВОЗ по психическому здоровью... С. 21.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2020 года) // Режим доступа: СПС «Консультант».

⁴ Coroners and Justice Act 2009 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/5-6/11/section/2> (дата обращения: 10.02.2021).

ограниченной вменяемости.

Сама формулировка биологического критерия ограниченной вменяемости (аномалия психики) и ее определение повсеместно подвергались критике как британскими юристами, так и психиатрами. Рядом авторов указывалось, что термин «аномалия психики» – это, скорее, неудачная юридическая конструкция, чем психиатрический термин [4, р. 197]. Ранее нами отмечено, что данный термин был заменен на более конкретный – аномалия функционирования психики – в 2010 г. Однако смысл данной формулировки в законе не раскрывается, дается лишь пояснение, что аномалия функционирования психики должна возникнуть «в результате установленного заболевания» [4]. Как мы видим, отсутствует указание на психический характер заболевания.

Перечень конкретных заболеваний, образующих биологический критерий ограниченной вменяемости, не установлен на законодательном уровне. За время существования в Англии и Уэльсе законодательно закрепленного феномена ограниченной вменяемости сложилась судебная практика признания ограниченно вменяемыми лиц, совершивших убийство, при установлении присяжными следующих аномалий психики (аномалий функционирования психики): психопатии (по делу Берна (1960)); синдрома Отелло (патологической ревности) (по делу Винагра (1979)); ревности (по делу Миллера (1972)); послеродовой депрессии (по делу Рэйнолдс (1988)); синдрома избитой женщины (по делу Элувалии (1993)); эпилепсии (по делу Кэмпбелл (1997)); предменструального синдрома (по делу Инглиш (1981)); хронической депрессии (по делам Сирса (1984), Гиттенса (1984)); паранойи (по делу Матина (2001)); синдрома Аспергера (по делу Рэйнолдса (2004)); посттравматического стрессового расстройства (по делам Грэя (2003), Брэдли (2007))¹ и др.

Вопрос о признании измененного в связи с употреблением алкоголя состояния психики в качестве аномалии психики (аномалии функционирования психики) является одним из наиболее дискуссионных. В деле Королевы против Фентона 1975 г. было установлено, что добровольное употребление алкоголя не может быть признано аномалией психики. Долгое время суды придерживались позиции, изложенной в деле Королевы про-

тив Тэнди 1989 г. Позиция суда заключалась в том, что для признания психической аномалии, возникшей в результате заболевания алкоголизмом, подсудимый «не должен иметь непосредственного контроля над своей алкогольной зависимостью. Если первый случай употребления алкоголя в день совершения преступления не был добровольным, то и весь другой алкоголь в тот день не был употреблен добровольно», либо в случае добровольного употребления алкоголя «оно должно было привести к повреждению мозга вследствие злоупотребления алкоголем, в результате чего произошло глубокое нарушение суждения и эмоциональных реакций» [4, р. 195].

Судебные решения по делам Королевы против Вуда (2008), Королевы против Стеарта (2009) закрепляют признание судебными органами алкогольной зависимости как отдельного клинического расстройства, влекущего установление ограниченной вменяемости лица, за исключением случаев простого добровольного алкогольного опьянения. Более поздняя позиция суда стала менее категоричной в сравнении с позицией суда в деле Королевы против Тэнди, поскольку повреждение мозга не является обязательно необходимым критерием признания лица ограниченно вменяемым при совершении им преступления в состоянии алкогольного опьянения при добровольном употреблении алкоголя.

Юридический критерий ограниченной вменяемости в Англии и Уэльсе в прежней формулировке выражался в существенном ослаблении психической способности нести ответственность за действия и бездействия при совершении убийства или соучастия в убийстве»².

Юридический критерий ограниченной вменяемости в новой редакции – «значительное ослабление способности осуществлять одно или несколько из следующих действий: понимать природу своего поведения, формировать рациональное суждение или осуществлять самоконтроль»³.

Признание наличия аномалии функционирования психики в момент совершения убийства и ее влияние на вменяемость лица определяется присяжными заседателями. Такое решение было принято в результате рассмотрения дела Мазесон в 1958 г. Присяжные анализируют экспертные заключения, другие документы, данные о поведении обвиняемого. Они могут не учитывать медицинское заключение⁴.

¹ См., например: Diminished responsibility and the criminal law // In brief. URL: <https://www.inbrief.co.uk/court-proceedings/diminished-responsibility-criminal-law/> (дата обращения: 10.02.2021); Voluntary manslaughter: diminished responsibility. Revision Note // Bits of Law, 5 nov, 2011. URL: <http://www.bitsoflaw.org/criminal/offences-against-the-person/revision-note/a-level/voluntary-manslaughter-diminished-responsibility> (дата обращения: 10.02.2021).

² Homicide Act 1957 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/5-6/11/section/2> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Coroners and Justice Act 2009. Ibid.

⁴ См.: Galappatie N., Jethwa K. Ibid.

В случае признания лица ограниченно вменяемым обвинение в убийстве подлежит переквалификации на обвинение в непредумышленном убийстве, что влечет назначение срочного лишения свободы вместо пожизненного. Конкретный срок лишения свободы определяется в зависимости от степени ограниченной вменяемости лица: высокой, средней, низкой. Если лечение доступно и необходимо, то оно назначается. Лечение может быть совмещено с отбыванием лишения свободы либо назначено вместо лишения свободы, если суд придет к выводу об отсутствии необходимости в карательном воздействии¹.

Обсуждение и заключения

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Закрепленный в уголовном законодательстве России в качестве биологического критерия ограниченной вменяемости термин «психическое расстройство» соответствует терминологии, принятой в действующей МКБ. Закрепленный в качестве биологического критерия ограниченной вменяемости, термин «аномалия функционирования психики» в уголовном законодательстве Англии и Уэльса вызывает необходимость прецедентного толкования, так как отсутствует его однозначное психиатрическое понимание. Существующий вариант прецедентного толкования, данный в 1960 г., представляется в высшей степени оценочным.

2. Несмотря на более продолжительное существование института ограниченной вменяемости в Англии и Уэльсе, биологический критерий ограниченной вменяемости, закрепленный на законодательном уровне в России, представляется более точно сформулированным.

3. Перечисление в законодательном акте, регламентирующем институт ограниченной вменяемости, всего спектра состояний психики, соответствующих биологическому критерию ограниченной вменяемости, не только предполагается нецелесообразным, но и вряд ли возможно ввиду их широкого многообразия и существующей значительной разницы в понимании, казалось бы, точных естественнонаучных данных о психике человека, перенесенных в юридическую пло-

скость. Это становится понятно на основании рассмотренных нами примеров заболеваний, признаваемых в России, Англии и Уэльсе основаниями для усмотрения юридического критерия ограниченной вменяемости и, как следствие, признания ограниченно вменяемыми лиц, ими обладающих, во время совершения преступления.

4. Передача права принятия решения о признании лица ограниченно вменяемым присяжным в судах Англии и Уэльса приводит к тому, что, оценивая сведения о состоянии психики подсудимого, диагностированном экспертом-психиатром, люди, которые не являются ни специалистами в области наук, изучающих психику человека, ни специалистами в области права, исходя из своих обыденных жизненных представлений, определяют, является ли это состояние психики отличным от состояния психики обычных людей в мере, достаточной чтобы его можно было назвать ненормальным.

Предполагается, что описанный выше российский алгоритм принятия решения судом о признании лица ограниченно вменяемым оказывается более совершенным по следующей причине: данное решение принимается напрямую профессиональными юристами – судьями, которые, хотя и не должны обладать специальными познаниями в области психиатрии, тем не менее опираются на заключение экспертов-психиатров, при этом обладают устойчивыми представлениями о сущности и содержании юридического критерия ограниченной вменяемости.

5. Российский законодатель предоставляет возможность суду принимать решение о том, каким образом учитывать наличие биологического критерия ограниченной вменяемости в вопросах признания лица, совершившего преступление, ограниченно вменяемым и влияния данного факта на уголовную ответственность. Английское законодательство указывает, как именно необходимо учитывать биологический критерий ограниченной вменяемости при решении вопроса о признании лица, совершившего убийство, ограниченно вменяемым. Считаю такой подход английского законодателя заслуживающим внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крук И.В., Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: МОДЭК, 1995. 1522 с.
2. Сеницын В.Г. К вопросу о невменяемости, недееспособности, ограниченной дееспособности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Том 155, кн. 4. С. 218-226.

¹ См. подробнее: Manslaughter by a reason of diminished responsibility. Sentencing guideline. Crown court. URL: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/offences/crown-court/item/manslaughter-by-reason-of-diminished-responsibility/> (дата обращения: 11.02.2021).

3. Кононов А.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 262 с.
4. Galappatie N., Jethwa K. Diminished responsibility and alcohol // Cambridge University Press, 02 jan, 2018. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/advances-in-psychiatric-treatment/article/diminished-responsibility-and-alcohol/DFD3328A4FBFE8EC95D5DD4CAAF463B1> (дата обращения: 10.02.2021).

REFERENCES

1. Kruk I.V., Blejher V.M. Tolkovyj slovar' psichiatricheskikh terminov. Voronezh: MODEK, 1995. 1522 s.
2. Sinicyн V.G. К вопросу о невменяемости, недееспособности, ограниченной дееспособности // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. Tom 155, kn. 4. S. 218-226.
3. Kononov A.D. Aktual'nye problemy ugolovnoj otvetstvennosti lic s psichicheskim rasstrojstvom, ne isključayushchim vmenyaemosti, i primeneniya k etim licam prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. М., 2018. 262 s.
4. Galappatie N., Jethwa K. Diminished responsibility and alcohol // Cambridge University Press, 02 jan, 2018. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/advances-in-psychiatric-treatment/article/diminished-responsibility-and-alcohol/DFD3328A4FBFE8EC95D5DD4CAAF463B1> (data obrashcheniya: 10.02.2021).

Об авторах: Векленко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: veklenkosv@mail.ru

Беличенко Римма Владимировна, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: bel.ri@mail.ru

© Векленко С.В., 2021

© Беличенко Р.В., 2021

About the authors: Veklenko Sergey V. Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of MIA of Russia
e-mail: veklenkosv@mail.ru

Belichenko Rimma V., Postgraduate, Saint-Petersburg University of MIA of Russia
e-mail: bel.ri@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Векленко Сергей Владимирович – постановка научных задач, доработка текста исследования, окончательное научное редактирование статьи.

Беличенко Римма Владимировна – инициирование исследования, сбор и анализ данных по теме исследования, разработка отдельных положений статьи, оформление текста статьи в соответствии с установленными требованиями.

Статья получена: 15.02.2021

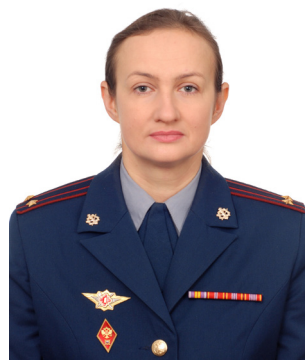
Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript

С.М. Воробьев

Т.И.Егорова

**ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ:
ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ**

THE REASONABLENESS OF THE PENALTY OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Введение: в статье исследована проблема эффективного применения наказания в виде лишения свободы в разумном сочетании справедливости и гуманизма.

Материалы и методы: материалом к проведенному исследованию послужили официальные статистические показатели ФСИН России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. При подготовке статьи применялись сравнительно-правовой и документальный методы.

Результаты исследования: в статье проанализированы предпосылки и состояние соотношения справедливости и гуманизма при законодательном закреплении и применении наказания в виде лишения свободы, намечены приоритетные направления разумной дифференциации правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Обсуждение и заключения: авторы статьи приходят к выводу, что реформы современного уголовного законодательства в недостаточной мере соответствуют потребностям правоприменительной практики, нуждающейся в разумных ограничениях рамок усмотрения и конкретизации содержания дискреционных полномочий суда для соблюдения баланса справедливости и гуманизма в сфере государственного принуждения.

Ключевые слова: лишение свободы, санкции, принципы уголовного права, разумность, справедливость, гуманизм, несовершеннолетние, тюрьма, рецидив преступления.

Для цитирования: Воробьев С.М., Егорова Т.И. Лишение свободы: вопросы правового регулирования и практики применения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 46-52. DOI: 10.37973/KUI.2021.13.40.008

Introduction: the article examines the issue of effective application of punishment in the form of deprivation of liberty in a reasonable combination of justice and humanism.

Materials and Methods: the study was based on official statistical indicators of the Federal Penitentiary Service of Russia of the judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. When preparing the article, comparative legal and documentary methods were used, which allowed analyze and generalize theoretical and empirical issues, formulating conclusions and proposals.

Results: the article analyzed the prerequisites and state of the correlation between justice and humanism in the legislative consolidation and application of punishment in the form of deprivation of liberty, outlines priority areas for reasonable differentiation of legal regulation and application in the field under consideration.

Discussion and Conclusions: despite the fact that modern criminal legislation is being actively reformed in the most relevant areas, these changes do not sufficiently meet the needs of law enforcement practice, which needs reasonable restrictions on the scope of discretion and specification of the content of the court's discretionary powers to maintain a balance of justice and humanity in the field of state coercion.

Keywords: deprivation of liberty, sanctions, principles of criminal law, reasonableness, justice, humanism, minors, prison, relapse of crimes

For citation: Vorobyev S.M., Egorova T.I. The Reasonableness of the Penalty of Deprivation of Liberty // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 46-52. DOI: 10.37973/KUI.2021.13.40.008

Введение

Наказание по содержанию представляет собой весьма сложное явление, в котором отражаются различные смысловые комбинации принудительных элементов. Их составные части затрагивают личные и социально-экономические права и свободы граждан, при воздействии на которые с изменчивой степенью интенсивности достигаются предусмотренные уголовным законом цели. Ценностно-нормативный характер правового принуждения основывается на расширении границ юридического познания, учете искажения социальной действительности, зависимости явлений и процессов. Отражением диалектических связей является использование при применении наказания сочетания различных компонентов принудительного воздействия и их дифференциации. Данное обстоятельство определяет свойство изменчивости характера и степени репрессивного потенциала при применении различных видов наказаний и их некоторой совокупности.

Широкое судебное усмотрение в содержании уголовно-правовых предписаний предполагает наличие у правоприменителя не только глубоких знаний общепризнанных норм и принципов международного права, российского законодательства и правоприменительной практики, но и понимания сущности и предназначения публичных предписаний. Лишь в подобном случае можно рассчитывать на эффективную реализацию уголовной политики. Достижение целей наказания во многом зависит от правильного определения меры уголовно-правового воздействия, необходимой и достаточной для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения преступлений.

Применительно к лишению свободы инструментом конкретизации акта правосудия является определенный срок наказания и вид исправительного учреждения, а также возможность освобождения от наказания в зависимости от наличия формальных и материальных оснований, связанных с характеристикой совершенного преступления и поведением осужденного в пенитенциарном процессе. Кроме того, несмотря на некоторую завуалированность критериев категоризации преступлений, именно наказание в виде лишения свободы и его срок являются основаниями для законодательной классификации преступлений. Таким образом, лишение свободы является для уголовного права «системообразующим» правовым институтом [1, с. 224].

Обзор литературы

Лишение свободы является обычным видом наказания, типичным для преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких посягательств. Оно предусмотрено в качестве альтернативы или в составе кумулятивных санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), сконструированных по типу конкретно неопределенных с обязательным указанием верхнего предела наказания.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в связи с этим является отсутствие в ряде статей Особенной части УК РФ нижнего предела срока наказания в виде лишения свободы. Особенно критичной выглядит данная проблема в санкциях, например, где верхний предел наказания установлен в 15 лет лишения свободы, а нижний не определен. Подобная ситуация характерна для ч. 4 ст. 111, ч. 2 ст. 165 ч. 3 ст. 186 УК РФ. Очевидно, что данные преступления являются совершенно различными по характеру опасности для охраняемых уголовно-правовыми нормами интересов личности, общества и государства. Поэтому приведенный образец не совсем корректно сконструированной санкции, имитирующей возможность применения низшего предела наказания, не позволяет оценивать национальное законодательство с точки зрения соответствия потребностям реализации позитивной и негативной уголовной ответственности [2, с. 57].

В соответствии с требованиями общих начал назначения наказания более строгое наказание назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. На основании законодательной формулировки санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ можно сделать вывод, что при прочих равных условиях (*ceteris paribus*) и отсутствии каких-либо особенностей, позволяющих уникально индивидуализировать наказание, нижний его предел сроком в два месяца является наиболее адекватным отражением характера и степени общественной опасности причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть человека. Конечно, такой законодательный подход не может быть объяснен разумными доводами.

По мнению профессора Л.М. Колодкина, тенденции развития уголовно-исполнительной системы весьма противоречивы: «Некоторые законы не отличаются в позиции здравого смысла достаточной степенью разумности. Их строгое исполнение

влечет за собой только негативные последствия» [3, с. 45]. В действительности некоторая «завышенная степень требовательности» к национальному процессу осуществления государственного управления определяется фаталистической неизбежностью формирования нового демократического и прозрачного правового регулирования, в том числе в сфере реализации лишения свободы.

Складывающаяся судебная практика демонстрирует вполне критический взгляд на иррациональную позицию законодателя, отражая «расхождение фактической и законодательной пенализации» [4, с. 200]. В более чем 90 % случаев совершения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, назначается наказание сроком более 3 лет лишения свободы.

Однако, вопреки приведенному подходу, в абсолютном большинстве вариантов широкое судебное усмотрение в вопросах назначения лишения свободы ограничивается вполне разумными пределами санкций статей Особенной части УК РФ. Так, применительно к верхнему пределу наказания в виде лишения свободы сроком в 15 лет нижний предел обычно составляет 5, 6, 8 или 10 лет.

Рациональное регулирование и разумная дифференциация лишения свободы обеспечивают допустимую меру безопасности и предсказуемости в социально-политической жизни общества. Системное нормативно-правовое регулирование позволяет сформировать необходимую определенность, точность и единообразие правоприменения. Конечно, эти обстоятельства не дают повод считать, что «существуют четко установленные нормы для любой возможной ситуации, и что судья просто должен отыскать соответствующую норму и механически применить ее к делу, которое он в данный момент рассматривает» [5, с. 267]. Более конкретное законодательное предписание позволяет отражать интересы личности, общества и государства в отношении наиболее чувствительных вопросов принуждения.

Результаты исследования

Стремление законодателя ограничить интенсивность карательного воздействия должно иметь необходимую социальную базу, основывающуюся на разумном соотношении справедливости и гуманизма. Подобный фундамент может выражаться в общественном мнении, основанном на поддержке правовых реформ, связанных с сокращением принуждения. В этом смысле требования экономии уголовной репрессии вполне обоснованно распространяются на отдельные преступления, совершенные впервые и обладающие небольшой степенью общественной опасности, а также совершенные несовершеннолет-

ними. Данные положения с различной степенью конкретности закреплены в ч. 1 ст. 56 и ч. 6, 6.1 ст. 88 УК РФ.

Подобная разумная законодательная политика, основанная на гуманизации и либерализации процесса наказания, существенно ограничивает усмотрение судей, способствуя конкретизации правовых предписаний, объективной необходимости сокращения лимита санкционированного государством насилия и обеспечения его социальной поддержки в цивилизованном обществе. Все известные принципы уголовного права, закрепленные в законодательстве и выработанные теорией уголовного права, оказывают влияние на правосознание законодателя, правоприменителя и население, в части формирования представлений о достаточной обоснованности и неизбежности уголовного принуждения. Поэтому в современном глобализующемся мире нравственная оценка принуждения основывается не только на субсидиарных началах, но и на учете международного опыта и цивилизационных достижений межгосударственного сотрудничества в области отправления уголовного правосудия.

Показательным является ограничение возможности назначения и сроков применения лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Данное положение является отражением влияния международно-правовых рекомендаций и вытекает из особенностей имплекационных связей между существующей действительностью и правовыми предписаниями.

В соответствии со ст. 17.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), предъявлены особые требования сведения до минимума применения ограничений свободы к несовершеннолетним, совершившим правонарушение, лишения свободы, за исключением осуждения за серьезное деяние с применением насилия против другого лица или неоднократное совершение других серьезных правонарушений при отсутствии другой соответствующей меры воздействия.

Ограничение наказания несовершеннолетних соответствует степени ответственности общества за обеспечение конституционной защиты детей, реализации предусмотренных законом мер для нормального физического, психического и нравственного здоровья ребенка. В результате исследований У. Гатти, Р.Е. Трамбле и Д. Ларок установлено, что создание условий, в которых преобладают социально-политическая привержен-

ность, солидарность и взаимное доверие, может способствовать социальной интеграции детей и препятствовать развитию преступного поведения. Кроме того, сами правонарушители осознают общественное значение карательных санкций и лишения свободы, однако социальная дисконекция определяет неправильное представление несовершеннолетних об оценке характера и степени опасности совершенных ими преступлений со стороны общественности, что может создать проблему для реинтеграции [6, с. 22].

В социальной действительности вопросы формирования личности предопределяются процессами взросления и становления мировоззренческой позиции, имеют тесную связь с мобилизацией всех возможных общественных ресурсов, включая семью и другие институты социальной жизни общества. Изучение подобных вопросов требует в определенной степени глубоких познаний, тщательных исследований и неоднозначной аргументации, которые не всегда можно ожидать в уголовном процессе. Поэтому разумность закрепления именно в законодательстве исключительно рациональных мер наказания в отношении несовершеннолетних во многом исключит необходимость сложных судебных процедур, а общество получает более действенный механизм обеспечения гуманизма.

Относительно практики национальных судов следует отметить также продолжающуюся либерализацию рассматриваемой сферы, тогда как в некоторых государствах принят более карательный ответ на преступные посягательства несовершеннолетних, что подчеркивают в своих работах Маколи М. и Макдональд К. по результатам проведенного ими исследования [7, с. 2].

Интенсивность и характер изменений национального законодательства в сфере правового регулирования лишения свободы в этом смысле является своеобразным индикатором трансформаций государственной власти. Разумность публичных преобразований имеет существенное значение для формирования правосознания граждан, определяя степень развитости «права и государства, личностной и общественной морали» [8, с. 219].

Интенсивность принуждения в связи с лишением свободы в большинстве случаев позволяет в течение предусмотренных законом сроков достичь целей наказания. В национальной судебной практике, так же как и во многих странах мира, в настоящее время преобладают короткие сроки наказания в виде лишения свободы, которое рассматривается в рамках высшей меры наказания, доступной для широкого применения [9, с. 171], тем

более что «разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны» [10, с. 79].

Однако, несмотря на разумное ограничение масштабов применения лишения свободы, в законодательстве отмечаются некоторые признаки усиления репрессивной реакции государства на совершение преступлений отдельных видов. Анализ отечественных законодательных тенденций в части правового регулирования лишения свободы позволяет сделать вывод, что актуальными проблемами являются вопросы ужесточения и дифференциации наказания за наиболее опасные проявления организованной и международной преступности.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 № 569-ФЗ «О внесении изменений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» была введена новая часть 2.1 статьи 58 УК РФ. В отличие от ранее действующих правовых норм, данное правило распространяется на осужденных, которым назначено наказание в виде лишения свободы на срок менее пяти лет. Законодатель, как и ранее, не определяет конкретные, кроме вида преступления, основания для подобного правоприменительного решения. Данное полномочие остается дискретным, то есть не закреплены случаи, когда суд обязан назначить отбывание части наказания в тюрьме, учитывая, например, кратность преступления и опасность рецидива.

Анализ качественного состава осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, позволяет утверждать, что наиболее значимыми критериями назначения тюрьмы в качестве учреждения для отбывания части срока лишения свободы выступают осуждение за совершение особо тяжкого преступления и наличие особо опасного рецидива в действиях виновного. При этом лица с неснятыми и непогашенными судимостями среди осужденных к тюремному заключению составляют немногим более половины. Таким образом, наличие даже однократного рецидива преступления не является обязательным критерием определения данного вида исправительного учреждения. В указанных случаях для суда решающим является не столько наличие или отсутствие судимости, но и тяжесть, опасность совершенного преступления.

Примечательно, что дихотомичность лишения свободы предполагает определение конкретного тюремного срока, часть которого относительно всего срока наказания не ограничена каким-либо образом законодателем. Судебной практике известны случаи, когда срок назначенного отбывания наказания в тюрьме составляет до 90% от

всего срока лишения свободы. Подобный простор судейского усмотрения определяет особую мобилизацию всего арсенала правовых знаний, жизненного опыта и дара интуиции правоприменителя [11, с. 4], чтобы самостоятельно и в большинстве случаев единолично сформулировать конструкцию меры лишения свободы с отбыванием части наказания в тюрьме.

Содержание в тюрьме ориентировано на максимальную изоляцию с широким использованием возможностей тюремного режима и ограниченным применением иных средств исправления. Подобно пожизненному лишению свободы, такие условия не способствуют какой-либо «значимой социальной адаптации» осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [12, с. 72]. Поэтому применение данного вида наказания, как представляется, имеет стимулирующее назначение, побуждающее осужденного к скорейшему исправлению и переводу в исправительное учреждение иного вида по приговору или по правилам п. «а» ч. 2 ст. 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Полагаем, что, безусловно, неразумно определять отбывание длительного срока наказания в тюрьме и незначительного – в условиях иного режима, лишив, таким образом, осужденного возможности адаптироваться не только к освобождению, но и условиям нового исправительного учреждения.

Обсуждение и заключения

Сами по себе дискреционные полномочия и широкое судебное усмотрение, предоставленные уголовным законодательством, не препятствуют законному, справедливому и обоснованному судебному решению. Однако для применения лишения свободы как наиболее чувствительного и строгого наказания правоприменитель должен обладать не только знанием уголовно-правовых норм, но и достаточно богатым практическим опытом, позволяющим осуществить тщательный

анализ самих норм, их толкование и объяснение в соответствии с принципами логики и семантики.

В правовом регулировании института лишения свободы как принудительной меры воздействия в отношении различных категорий осужденных имеется множество неточностей и правовых неопределенностей. Буквальное следование предписанному правилу или безграничные возможности усмотрения способствуют возникновению у населения чувства утраты справедливости закона и его социальной ценности. В подобных обстоятельствах, как отмечал Л.Н. Толстой, уголовное право превращается в «право одних людей ссылать, заточать, вешать, а для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать не покажется нужным» [13, с. 47].

Требования справедливости и гуманизма ставят перед правосудием ряд серьезных вопросов о влиянии на правоприменение соотношения произвольного усмотрения, дискреционных полномочий и конкретных законодательных предписаний. Оценочность суждений и представлений о справедливости требует от современных законодателя и правоприменителя определения конкретных критериев должного и допустимого соотношения между опасностью преступления и строгостью наказания, обоснования значения и смысла применения конкретной меры именно лишения свободы. Одновременно принцип гуманизма и сохранения за осужденным человеческого достоинства является перманентным стандартом функционирования правопорядка в изменяющихся социально-исторических условиях. Именно экзистенциальная ассоциация справедливости и гуманизма порождает материальные требования естественного права, генерированного человеческим разумом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миняева Т.Ф., Добряков Д.А. Наказание – не панацея от преступности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 222-227.
2. Миняева Т.Ф. Пределы вариантности уголовно-правовых санкций // Евразийская адвокатура. 2014. № 5. С. 56-60.
3. Колодкин Л.М. Режим законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения // Вестник института. 2012. № 2. С. 44-47.
4. Плаксина Т.А. Практика назначения наказания за особо тяжкие преступления против жизни в Российской Федерации: состояние и тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 199-206.
5. Ллойд Д. Идея права / Перевод с английского: М. А. Юмашева, Ю. М. Юмашев; научный редактор Ю. М. Юмашев. М.: КНИГОДЕЛ, 2009. 376 с.
6. Gatti U., Tremblay R.E., Larocque D. Civic community and juvenile delinquency // British Journal of Criminology. 2003. Т. 43. № 1. P. 22

7. McAuley M., Macdonald K.I. Russia and youth crime: a comparative study of attitudes and their implications // *British Journal of Criminology*. 2007. Т. 47. № 1. P. 2.
8. Воробьев С.М., Лещенко О.В. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 4. С. 217-225.
9. Гишинский Я.И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // *Общество и право*. 2013. № 3. С. 170-175.
10. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. 400 с.
11. Головкин А.А. Допустимо ли совместить законность и усмотрение? (некоторые проблемы теории и практики) // *Право и политика*. 2006. № 3. С. 3-6.
12. Ворошук В.Б., Летунев В.Н. Система организации функционирования пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа за рубежом // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 3. С. 172-178.
13. Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве // *Полное собр. соч.* Т. 38. М., 1936. С. 45–65.

REFERENCES

1. Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. Nakazanie – ne panaceya ot prestupnosti // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 425. S. 222-227.
2. Minyazeva T.F. Predely variantnosti ugovolno-pravovyh sankcij // *Evrazijskaya advokatura*. 2014. № 5. S. 56-60.
3. Kolodkin L.M. Rezhim zakonnosti i princip razumnosti v sfere ispolneniya nakazaniy i sposoby ih obespecheniya // *Vestnik instituta*. 2012. № 2. S. 44-47.
4. Plaksina T.A. Praktika naznacheniya nakazaniya za osobo tyazhkie prestupleniya protiv zhizni v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i tendencii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 433. S. 199-206.
5. Llojd D. Ideya prava / Perevod s anglijskogo: M. A. YUmasheva, YU. M. YUmashev; nauchnyj redaktor YU. M. YUmashev. M.: KNIGODEL, 2009. 376 с.
6. Gatti U., Tremblay R.E., Larocque D. Civic community and juvenile delinquency // *British Journal of Criminology*. 2003. Т. 43. № 1. P. 22
7. McAuley M., Macdonald K.I. Russia and youth crime: a comparative study of attitudes and their implications // *British Journal of Criminology*. 2007. Т. 47. № 1. P. 2.
8. Vorob'ev S.M., Leshchenko O.V. Deformaciya pravosoznaniya lichnosti v usloviyah diskreditacii vlasti v Rossijskoj Federacii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 4. S. 217-225.
9. Gilinskij YA.I., Rabosh A.V. Nakazanie v sisteme social'nogo kontrolya nad prestupnost'yu // *Obshchestvo i pravo*. 2013. № 3. S. 170-175.
10. ZHalinskij A.E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyj analiz. M.: Prospekt, 2008. 400 с.
11. Golovko A.A. Dopustimo li sovmestit' zakonnost' i usmotrenie? (nekotorye problemy teorii i praktiki) // *Pravo i politika*. 2006. № 3. S. 3-6.
12. Voroshchuk V.B., Letunov V.N. Sistema organizacii funkcionirovaniya penitenciarnyh uchrezhdenij poluotkrytogo i otkrytogo tipa za rubezhom // *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*. 2014. № 3. S. 172-178.
13. Tolstoj L.N. Pis'mo studentu o prave // *Polnoe sobr. soch.* Т. 38. М., 1936. S. 45–65.

Об авторах: Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
e-mail: madamti62@yandex.ru

Егорова Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
e-mail: madamti62@yandex.ru

About the authors: Vorobyov Sergey M., Doctor of Law (Doctor habilitatus), professor of the Department of theory of state and law, international and European law of the Federal state educational institution higher education «Academy of law and management The Federal service of execution of punishments»
e-mail: madamti62@yandex.ru

Egorova Tatiana I., Candidate of Law (Research Doctorate), doctoral student of the Federal state educational institution higher education «Academy of law and management The Federal service of execution of punishments»
e-mail: madamti62@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Воробьев Сергей Михайлович – структурирование методической части статьи, формулировка выводов и практических рекомендаций; проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; доработка текста исследования.

Егорова Татьяна Игоревна – разработка концептуальных подходов исследования, сбор и анализ данных; подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов и практических рекомендаций.

Статья получена: 20.10.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript

П.Н. Кобец

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ
ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ,
В ГОСУДАРСТВАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ПРАВОВЫМИ СИСТЕМАМИ**

**FUNCTIONING OF THE MECHANISM FOR COMPENSATION
FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME IN STATES
WITH DIFFERENT LEGAL SYSTEMS**

Введение: в настоящей статье представлены результаты исследования функционирования механизмов по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами. Акцент сделан на анализе правовых проблем возмещения вреда жертвам преступлений за рубежом.

Материалы и методы: теоретической основой исследования выступили работы отечественных правоведов, изучающих проблематику возмещения и компенсации преступного вреда. Методологической базой исследования стали методы анализа, синтеза, сравнения, кроме того, ряд англоязычных и отечественных источников был обработан методом контент-анализа. Эмпирическую основу исследования составил анализ зарубежных законодательных норм по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Результаты исследования: в процессе исследования института возмещения преступного вреда жертвам преступлений в отдельных зарубежных странах автор приходит к выводу, что в государствах романо-германской и англосаксонской правовой системы данный институт является одним из наиболее развитых.

Обсуждение и заключения: правовой защите жертв преступлений в Российской Федерации уделяется меньше внимания, чем в зарубежных странах. Положительный зарубежный опыт института прав потерпевших является необходимым фундаментом для его развития в современной российской теории права и законодательства.

Ключевые слова: классификация вреда, преступный ущерб, преступные последствия, правовая система, эволюция правовой ответственности, возмещение вреда, жертва преступления, совершенствование законодательства, охрана законных прав и интересов, институт возмещения вреда, международно-правовые акты.

Для цитирования: Кобец П.Н. Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 53-58. DOI: 10.37973/KUI.2021.64.21.009

Introduction: this article presents the results of a study of the functioning of mechanisms for compensation for damage caused by a crime in states with different legal systems. The emphasis is placed on the analysis of legal problems of compensation for harm to victims of crimes abroad.

Materials and Methods: the theoretical basis of the study was the work of domestic lawyers studying compensation for criminal damage. The methodological basis of the study was the methods of analysis, synthesis, comparison, in addition, a number of English-language and domestic sources were processed by the content analysis method. The empirical basis of the study was the analysis of foreign legal norms on compensation for damage caused by a crime.

Results: in the process of studying the institute of compensation for criminal damage to victims of crime in certain foreign countries, the author came to the conclusion that in the states of the Romano-German and Anglo-Saxon legal system, this institution is one of the most developed.

Discussion and Conclusions: the legal protection of victims of crime in the Russian Federation is paid less attention than in foreign countries. The positive foreign experience of the institute of victims' rights is a necessary foundation for its development in the modern Russian theory of law and legislation.

Keywords: classification of harm, criminal damage, criminal consequences, legal system, evolution of legal liability, compensation for harm, victim of crime, improvement of legislation, protection of legal rights and interests, Institute of compensation for harm, international legal acts

For citation: Kobets P.N. Functioning of the mechanism for compensation for damage caused by a crime in States with different legal systems // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 53-58. DOI: 10.37973/KUI.2021.64.21.009

Введение

Вопросы охраны интересов жертв преступных посягательств в настоящее время являются задачей первостепенной важности для большинства экономически развитых стран мира. Сравнительно-правовые исследования уголовно-процессуального законодательства и уголовного судопроизводства по вопросам возмещения преступного вреда потерпевшим лицам в иностранных государствах также являются убедительным свидетельством актуальности рассматриваемого института и большого интереса к нему у современных ученых и практиков [1, с. 805].

В связи с этим автор счел необходимым провести исследование функционирования института по возмещению преступного вреда в ряде зарубежных государств, относящихся к различным правовым системам, в целях выявления наиболее эффективного механизма данной деятельности для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства по рассматриваемой проблеме.

Обзор литературы

В отечественной юридической литературе отдельные вопросы функционирования института по возмещению преступного вреда рассматривались в работах А.И. Арестова, А.Д. Бойкова, М.М. Бабаева, Л.В. Вавиловой, С.Е. Донцова, В.В. Глянцева, О.В. Голикова, Ю.Н. Зверевой, С.К. Илия, И.М. Ибрагимова, В.Е. Квашиса, П.Н. Кобеца, В.Н. Кудрявцева, Л.В. Кондратюка, М.А. Митина, Е.В. Смирновой, В.Н. Ткачева, Л.В. Франка, А.Н. Федорова, Р.Г. Хасаншиной, П.С. Яни и др.

Материалы и методы

Автор проанализировал законодательное регулирование проблем возмещения преступного вреда жертвам преступлений в зарубежных го-

сударствах, относящихся к различным правовым системам. В связи с этим рассматривались нормы международного права, зарубежного и отечественного законодательства относительно эффективности функционирования института по возмещению преступного вреда. Методологическую базу научной работы помимо комбинирования общенаучных методов, составил метод контент-анализа. Данный метод применялся при анализе юридических составляющих отдельных законодательных актов.

Результаты исследования

Вначале необходимо детально остановиться на анализе международных правовых норм по возмещению преступного вреда. Так, в частности, рассматриваемая проблематика достаточно полно отражается в международных правовых актах, таких как, например, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН) от 29.11.1985¹; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950²; Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (111) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948³; Конвенция против пыток, других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984⁴; «Европейской Конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, принятая 24.11.1983⁵.

Перечисленные международно-правовые нормы предусматривают ряд конкретных форм, связанных с реализацией прав по возмещению ущерба. Анализ международно-правовых норм, связанных с возмещением ущерба, дает основание

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2021).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2021).

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблей ООН 10.12.1948) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2021).

⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2021).

⁵ Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений» (ETS № 116) [рус., англ.] (заключена в г. Страсбурге 24.11.1983) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2021).

утверждать, что данные нормы обязывают возмещать преступный вред лицам, его совершившим, или тем, кто несет всю полноту ответственности за совершенные ими деяния. Еще в конце прошлого столетия требования реформ в интересах жертв преступлений все больше получали общественную поддержку, как на национальном, так и на международном уровне. Декларация ООН об основных принципах прав жертв преступлений и злоупотребления властью, часто называемая декларацией жертв преступлений (принята Генеральной ассамблеей в 1985 г.), является одним из многих примеров этого.

Анализ законодательного регулирования проблем возмещения преступного вреда в ФРГ и Франции свидетельствует, что в этих странах на должном уровне развит институт гражданского иска, предъявляемого в гражданских и уголовных судопроизводствах. При этом ряд зарубежных исследователей отрицают полезность института гражданского иска в уголовном процессе [2, с. 48].

В Российской Федерации, как и во многих странах континентальной Европы, в которых преобладает романо-германская правовая система, достаточно хорошо сформирован и функционирует механизм возмещения преступного вреда, основанный на подаче гражданского иска, урегулированный ст. 42, 43, 44, 160.1, 216, 230, 250, 268, 309 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4, с. 155]. Однако необходимо отметить, что и в настоящее время это исторически дискуссионный инструмент, так как он существует в уголовном процессе за счет созданного так называемого соединительного процессуального порядка [5, с. 38].

Такой механизм может затягивать и усложнять порядок рассмотрения уголовных дел. Он не способствует глубинному исследованию всех обстоятельств по существу дела, которые относятся к гражданско-правовой сфере, в судах уголовной юрисдикции. Но при этом, соединив в один процесс уголовные и гражданские дела, законодатель избавил пострадавших лиц от поэтапного переживания разных процедур [6, с. 72].

Важно также отметить, что, например, законодательство ФРГ позволяет вред потерпевшему возмещать из конфискованных средств

и имущества виновного. В этих целях на основании параграфов 111 в – 111n Уголовно-процессуального кодекса ФРГ обеспечивается сохранность денежных средств и имущества виновного, они должны быть изъяты либо арестованы¹.

В сравнительно-правовом плане большой интерес вызывают законодательные основы по защите прав потерпевших в Австрии. Поэтому далее рассмотрим, каким образом происходит защита имущественных прав потерпевших в Австрии. В соответствии с австрийским уголовным законодательством (параграф 38 «Зачет предварительного задержания» Уголовного кодекса Австрии) сроки административных и судебных заключений засчитываются в срок, связанный с лишением свободы, если виновными в причинении преступного вреда возмещены убытки жертве преступления².

В Королевстве Испания (далее – Испания) возмещение преступного вреда жертве преступных посягательств регламентируют нормы Уголовного кодекса Королевства Испания (далее – УК Испании)³. В соответствии со ст. 113 УК Испании преступный вред компенсируется не только потерпевшему, но и его родственникам и третьим лицам (работодателю).

Например, в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, принадлежащих к группе стран англосаксонской системы права (далее – Великобритания), суды Англии и Уэльса, в соответствии со ст. 130 закона о полномочиях уголовных судов 2000 г., обязаны рассматривать вопросы, связанные с изданием приказов о назначении компенсационных выплат при каждом факте причинения смерти, телесных повреждений, вреда, убытков. В случае издания Судебного приказа о компенсациях (Compensation orders) осужденный обязан оплатить потерпевшему компенсационные выплаты⁴.

Законодательные основы Канады по возмещению вреда жертвам преступных посягательств регламентированы вступившим в силу в 2015 г. «Канадским Биллем о правах жертв» – Canadian Victims Bill of Rights, представляющим собой правовой механизм по защите и восстановлению прав жертв в канадском уголовном правосудии⁵.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии. С изменениями и дополнениями на 1 января 1993 г.: перевод с нем. / пер., предисл.: Б.А. Филимонов М.: Манускрипт, 1994. 204 с.

² Уголовный кодекс Австрии: пер. и предисл. Серебренникова А.В. М.: Зерцало. 2001. 133 с.

³ Уголовный кодекс Испании / МГУ им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. Каф. уголов. права и криминологии; под ред. докторов юрид. наук, профессоров Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова; пер. с исп. В.П. Зыряновой, Л.Г. Шнайдер. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. 213 с.

⁴ Закон о жертвах домашнего насилия и преступлений (Великобритания, 2004 год); Закон о возмещении вреда (Великобритания, 2005 год); закон о правах жертв преступлений и реституции (США, 1990 год); закон о жертвах преступлений (США, 1984 год); закон о защите жертв торговли людьми (США, 2000 год) // СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. С. 64, С. 194.

⁵ Canadian Victims Bill of Rights (S.C. 2015, c. 13, s. 2) URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-23.7/page-1.html> (дата обращения 15.01.2021).

В соответствии с указанным законодательным актом потерпевшие имеют право на то, чтобы суд рассмотрел вопрос о вынесении постановления о возмещении их финансовых потерь, и чтобы любая невыплаченная сумма была взыскана через гражданский иск в суде. Им разрешается при вынесении приговора в процессе судебных слушаний обозначить убытки, понесенные в результате совершенного против них преступления. Жертвы также вправе воспользоваться стандартной формой, которая поможет им заявить о полученном ущербе. Заявленные суммы должны быть легко рассчитаны и основаны на записях о фактических финансовых потерях. Эта сумма может включать только убытки до даты вынесения приговора преступнику (будущие убытки не могут быть включены). Суды должны рассмотреть вопрос о реституции всех преступлений.

Интересен японский законодательный опыт, предусматривающий уголовную ответственность в случае уклонения от возмещения преступного вреда. Так, в случае сокрытия, повреждения, притворного отчуждения, обременения мнимыми долгами имущества в целях уклонения от мер по принудительному взысканию к лицу могут быть применены меры, связанные с лишением свободы на срок до двух лет с принудительным физическим трудом либо денежный штраф [7, с. 18].

Законодательство Королевства Швеция (далее – Швеция), регламентирующее возмещение преступного вреда, представлено законом «О компенсации потерпевшим от преступления», в соответствии с законодательными нормами которого жертве преступных посягательств возмещается не только причиненный материальный вред и вред здоровью, но и моральный ущерб [8, с. 23].

Признанием важности особого внимания к проблемам возмещения преступного вреда жертвам преступлений является создание в 1994 г. в Швеции Управления по выплате компенсаций жертвам преступлений и оказанию им поддержки – Crime Victim Compensation and Support Authority¹. Основная цель этого органа состоит в том, чтобы работать, удовлетворяя потребности и интересы жертв преступлений, с тем чтобы свести к минимуму ущерб, причиненный преступными деяниями. Рассматриваемый орган несет национальную ответственность за следующие три направления. Во-первых, за возмещение вреда, причиненного уголовным преступлением. Возмещение вреда осуществляется в случаях, когда преступник не в состоянии возместить убытки пострадавшим,

а также если у них нет страховки для покрытия ущерба. В таком случае жертва может иметь право на компенсационные выплаты за причиненный преступлением вред со стороны государства. Этот механизм действует также и в случаях, когда преступник неизвестен. Компенсация ущерба по уголовным делам в первую очередь предназначена для возмещения вреда здоровью и нарушения личных прав. Во-вторых, за работу «Фонда жертв преступлений» – Brottsofferfonden, ресурсы которого предоставляются как неправительственным организациям, так и государственным органам, оказывающим помощь жертвам преступлений, а также для проведения исследований в виктимологической сфере. Фонд финансируется главным образом за счет специального сбора в размере 500 шведских крон, который должен заплатить каждый осужденный за преступление, наказуемое тюремным заключением. В-третьих, за деятельность «Центра по компетенциям» – Kunskapscentrum. Указанный орган отвечает за сбор и распространение информации и результаты исследований, проводимых с целью улучшения условий оказания помощи жертвами преступлений. Данная работа проводится путем направления информации властям, неправительственным организациям и жертвам преступлений. Управление также организует курсы, семинары и обучение для различных групп. Кроме того, оно осуществляет ряд программ по совершенствованию работы с жертвами преступлений в Швеции.

Обсуждение и заключения

На основе проведенного анализа международного законодательства по рассматриваемому вопросу можно с полным основанием утверждать, что большинство международных нормативных правовых актов предусматривают ответственность государства, которое не смогло обеспечить достойного уровня обеспечения порядка в стране перед жертвами преступных посягательств. Также следует акцентировать внимание на том, что в международно-правовых актах большинство норм по рассматриваемой проблеме продекларированы и поэтому национальные законодательства имеют возможность адаптации различных международно-правовых норм в своих правовых системах, а также провести их детальную регламентацию в национальных правовых источниках.

По мнению отечественных специалистов, современные законодательные инициативы, связанные с либерализацией уголовной политики [9, с. 128], необходимо компенсировать совершен-

¹ Crime Victim Compensation and Support Authority. URL: <https://www.government.se/government-agencies/crime-victim-compensation-and-support-authority/> (дата обращения 15.01.2021).

ствованием и усилением мер, связанных с гражданско-правовой ответственностью [10, с. 27], иначе в недалеком будущем мы можем прийти к безнаказанности. Можно согласиться с мнением исследователей, что некоторые положения по возмещению вреда теоретизированы [11, с. 27], они не в полном объеме направлены на восстановление социальной справедливости [12, с. 56].

Высказывания отечественных ученых относительно закрепления основополагающих положений по обеспечению и восстановлению процедур защиты прав потерпевших в международно-правовых актах не вызывают возражений. При этом важно отметить, что рассматриваемые международно-правовые стандарты в сфере возмещения преступного вреда в первую очередь стали правовой основой для пострадавших от преступления лиц при получении статуса жертвы преступления вне зависимости от того, установлен правонарушитель или нет, а также обеспечили доступ к правосудию и получению полагаемой компенсации.

Таким образом, проблематика правовых основ по возмещению преступного вреда потерпевшим, который был причинен в процессе совершенных уголовно-наказуемых деяний, на протяжении возникновения, формирования и совершенствования государственных устоев продолжает оставаться одной из важнейших востребованных задач боль-

шинства современных, цивилизованных обществ. Проблематика возмещения преступного вреда широко обсуждается и в начале 2020-х гг. нового тысячелетия. В большинстве государств мира уже сделаны определенные шаги в рассматриваемом направлении. Они предоставляют жертвам преступных посягательств широкие возможности по возмещению преступного вреда.

Историческая подоплека института прав потерпевших, определившая контуры современного понимания прав потерпевших, нашла свое отражение в законодательстве большинства государств романо-германской и англосаксонской правовых систем. Некоторые элементы уголовно-правовой концепции жертв преступлений в странах указанных правовых систем, такие как бесплатная юридическая помощь, определенные элементы компенсации (например, компенсация за физический и моральный ущерб), могут быть реализованы в отечественной теории права и законодательстве. Международные исследования дают основания утверждать, что уровень виктимизации населения европейских стран, который свидетельствует о количестве фактических жертв преступлений, составляет в среднем менее 20% от общей численности населения. В связи с этим возможность рецепции зарубежной правовой доктрины, посвященной защите жертв преступлений, имеет особое значение для российской теории права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобец П.Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 800–813. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.800-813>.
2. Милицин С. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. М.: Юрид. лит., 2001, № 7. С. 46-48.
3. Козубенко Ю.В. Вопросы уголовного судопроизводства КНР // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 3. С. 5-33. С. 11-12.
4. Кобец П.Н. О необходимости комплексного совершенствования российского законодательства, связанного с возмещением преступного вреда // Право и практика. 2020. № 4. С. 154-159. DOI: [10.24412/2411-2275-2020-4-154-159](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2020-4-154-159).
5. Кобец П.Н. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере возмещения преступного вреда, разработанные с учетом анализа международно-правовых стандартов // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы седьмого круглого стола со всероссийским и международным участием. 2020. С. 37-39.
6. Владимирова В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 165 с.
7. Иванов Д.А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, по законодательству Российской Федерации в сравнении с опытом зарубежных государств // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2016. № 5. С. 17-20.
8. Голованова Н.А. Законодательство зарубежных стран. М., 1991. Вып. 4. С. 23.
9. Смирнова Е.В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2014. № 4 (31). С. 126-132.
10. Чорновол Е.П. Возмещение и компенсация вреда, причиненного коррупционными правонарушениями // Юрист. 2015. № 8. С. 31-36.

11. Кабанова И.Е. Гражданско-правовые последствия коррупционного поведения // Юрист. 2014. № 6. С. 25-31.
12. Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук, Казань, 2014. 215 с.

REFERENCES

1. Kobec P.N. Genezis instituta vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: ot karatel'nyh mer k stimuliruyushchim // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2020. T. 14, № 4. S. 800–813. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.800-813>.
2. Milicin S. Uголовное дело i grazhdanskij isk: vmeste ili porozn'? // Rossijskaya yusticiya. M.: YUrid. lit., 2001, № 7. S. 46-48.
3. Kozubenko YU.V. Voprosy uголовного sudoproizvodstva KNR // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2011. № 3. S. 5-33. S. 11-12.
4. Kobec P.N. O neobhodimosti kompleksnogo sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva, svyazannogo s vozmeshcheniem prestupnogo vreda // Pravo i praktika. 2020. № 4. S. 154-159. DOI: 10.24412/2411-2275-2020-4-154-159.
5. Kobec P.N. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya v sfere vozmeshcheniya prestupnogo vreda, razrabotannye s uchetom analiza mezhdunarodno-pravovyh standartov // YUridicheskaya nauka v XXI veke: aktual'nye problemy i perspektivy ih reshenij: sbornik nauchnyh statej po itogam raboty sed'mogo kruglogo stola so vserossijskim i mezhdunarodnym uchastiem. 2020. S. 37-39.
6. Vladimirova V.V. Kompensaciya moral'nogo vreda – mera rehabilitacii poterpevshego v rossijskom uголовnom processe. M.: Volters Kluver, 2007. 165 s.
7. Ivanov D.A. K voprosu o vozmeshchenii vreda, prichinennogo prestupleniem, po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii v sravnenii s opytom zarubezhnyh gosudarstv // Mezhdunar. uголовное pravo i mezhdunar. yusticiya. 2016. № 5. S. 17-20.
8. Golovanova N.A. Zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran. M., 1991. Vyp. 4. S. 23.
9. Smirnova E.V. Problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem, v uголовnom sudoproizvodstve Rossii // Vestn. Volgograd. akad. MVD Rossii. 2014. № 4 (31). S. 126-132.
10. CHornovol E.P. Vozmeshchenie i kompensaciya vreda, prichinennogo korrupcionnymi pravonarusheniyami // YUrist. 2015. № 8. S. 31-36.
11. Kabanova I.E. Grazhdansko-pravovye posledstviya korrupcionnogo povedeniya // YUrist. 2014. № 6. S. 25-31.
12. Hasanshina R.G. Sushchnost' i znachenie vozmeshcheniya vreda poterpevshego pri prinyatii processual'nyh reshenij po uголовnym delam: dis. ... kand. yurid. nauk, Kazan'. 2014. 215 s.

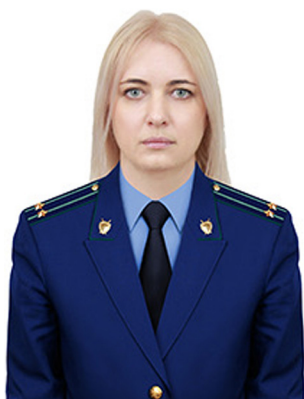

Об авторе: Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела научной информации подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности ВНИИ МВД России, ORCID ID: 0000-0001-6527-3788
e-mail: pkobets37@rambler.ru

About the author: Kobets Piotr N., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Chief Researcher of the Scientific Information Department for Training of Scientific Personnel and Supporting the Activity of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity of the All-Russian Scientific Research Institute of MIA of Russia, ORCID ID: 0000-0001-6527-3788
e-mail: pkobets37@rambler.ru

Статья получена: 14.12.2020
Статья принята к публикации: 29.03.2021
Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Е.В. Рогова

Р.А. Забавко

**ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА
И ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ (СТАТЬЯ 168, ЧАСТИ 1-2 СТАТЬИ 261
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**LACUNAE IN LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR DESTRUCTION OR DAMAGE
TO OTHER PROPERTY AND FOREST PLANTS (ART. 168 AND PART 1-2 OF ART. 261
OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA)**

Введение: статья направлена на выявление и преодоление пробелов правового регулирования уголовной ответственности за уничтожение или повреждение лесных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, при которых погибли дикие животные.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специальные методы познания: диалектический, анализ, синтез, сравнительно-правовой, метод правового моделирования.

Результаты исследования: в статье рассмотрены особенности реализации уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 168 и 261 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Выявлено, что данные составы имеют много схожего – общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, способ совершения, субъективная сторона. Установлено, что они соотносятся как общий и специальный составы, различающиеся по предмету преступления. Сделан вывод, что уголовная ответственность за совершение указанных видов преступлений должна быть основана на аналогичных подходах и осуществляться в равном объеме. Между тем в ст. 261 УК РФ предмет преступления безосновательно сужен – из него исключены дикие животные. Это нарушает принципы справедливости и неотвратимости наказания, влечет за собой нарушение дифференциации уголовной ответственности.

Обсуждение и заключения: в статье обосновывается предложение о проведении уголовно-правовой реформы, которая бы позволила устранить пробел в уголовно-правовом регулировании уголовной ответственности за уничтожение или повреждение лесных насаждений путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, в которых погибли дикие животные. Сформулирован текст изменений и дополнений в текст УК РФ.

Ключевые слова: уничтожение и повреждение, имущество, лесные насаждения, экологические преступления, дикие животные, пробел в праве

Для цитирования: Рогова Е.В., Забавко Р.А. Пробелы правового регулирования ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества и лесных насаждений (статья 168, части 1-2 статьи 261 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 59-65. DOI: 10.37973/KUI.2021.16.35.010

Introduction: the article reveals lacunae in the legal regulation of criminal liability for destruction or damage of forest plantations by careless handling of fire or other sources of increased danger that caused death of wild animals died.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was general scientific and special methods of cognition: dialectical, analysis, synthesis, comparative legal, legal modeling method.

Results: the article analyzes the patterns of criminal liability for crimes under Art. 168 and 261 of the Criminal Code of the Russian Federation. It was revealed that these norms have a lot of the same – a socially dangerous act, socially dangerous consequences, a method of committing, a subjective side. It has been established that they correlate as general and special compositions, differing in the subject of the crime. It is concluded that criminal liability for these crimes should be based on similar approaches and be carried out in an equal volume. Moreover, in Art. 261 of the Criminal Code of the Russian Federation, the subject of the crime is unjustifiably less – wild animals are excluded from it. This is a violation of the principles of justice and inevitability of punishment, entails a violation of the differentiation of criminal liability.

Discussion and Conclusions: this article substantiates a proposal on a criminal law reform that would eliminate a gap in the criminal law regulation of criminal liability for the destruction or damage of forest plantations through careless handling of fire or other sources of increased danger, that caused death of wild animals. The text of amendments and additions to the text of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed.

Keywords: destruction and damage, property, forest plantations, environmental crimes, wild animals, a gap in law

For citation: Rogova E.V., Zabavko R.A. Lacunae in Legal Regulation of Responsibility for Destruction or Damage to Other Property and Forest Plants (Art. 168 and Part 1-2 of Art. 261 of the Criminal Code of Russia) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 59-65. DOI: 10.37973/KUI.2021.16.35.010

Введение

Криминализация деяний, в рамках которой законодатель включает их в перечень преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, должна учитывать все возможные проявления их способности причинить вред охраняемым законом общественным отношениям. Это обеспечивается посредством конструирования уголовно-правовых норм таким образом, чтобы характер и степень общественной опасности были отражены во всех необходимых признаках составов преступлений. В свою очередь, это требует тщательного анализа тех правовых категорий, которые применяются в тексте уголовного закона. В отдельных случаях не вполне корректно сформулированные признаки способны создавать пробелы в уголовно-правовом регулировании, а также в правоприменительной практике при их квалификации. В частности, сравнительно-правовое исследование норм, предусмотренных ст. 167 и ч. 1-2 ст. 261 УК РФ, позволяет выделить пробелы правового регулирования, связанные с отсутствием криминализации причинения вреда объектам животного мира вследствие уничтожения или повреждения лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности.

Обзор литературы

Рассматриваемые аспекты правового регулирования уголовной ответственности за унич-

тожение или повреждение чужого имущества и лесных насаждений путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности ранее в науке уголовного права не рассматривались. Вместе с тем проблемы уголовной ответственности за уничтожение и повреждение чужого имущества по неосторожности ранее освещались в работах П.С. Яни [1], В.И. Тюнина, Ю.И. Степанова, Т.А. Огарь [2], М.А. Джангуразова [3] и др. Вопросы уголовной ответственности за уничтожение и повреждение лесных насаждений исследовались Е.В. Бородулей [4], Е.Н. Бархатовой [5] и др.

Результаты исследования

Одним из примеров пробелов в уголовно-правовом регулировании является законодательное закрепление признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 1-2 ст. 261 УК РФ, в которых криминализовано уничтожение или повреждение лесных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Простой анализ только указанной нормы и практики ее применения не позволяет выделить пробелы и нарушения основ дифференциации уголовной ответственности, однако их можно обнаружить при сравнении рассматриваемого преступления и уничтожения или повреждения имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

Указанные составы преступлений имеют мно-

го идентичных юридически значимых признаков.

Так, общественно опасные деяния и в ст. 168, и в ч. 1-2 ст. 261 УК РФ описаны как уничтожение или повреждение [предмета преступления] в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 14) устанавливает, что неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустранимыми дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.).

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 21) устанавливает, что применительно к ч. 1 ст. 261 УК РФ под неосторожным обращением с огнем или иными источниками повышенной опасности понимается несоблюдение требований правил пожарной безопасности в лесах, повлекшее возникновение пожара (разведение и оставление непотушенных костров, выжигание хвороста, лесной подстилки, сухой травы, оставление горюче-смазочных материалов, бросание горящих спичек, окурков и т.п.).

Говоря о защите имущества и лесных насаждений от сгорания, следует понимать, что общественно опасные последствия возникают ввиду воздействия на предметы открытого огня, которое вызывает воспламенение и сгорание либо существенное изменение под воздействием факторов огня (в случае с простым имуществом это в основном высокая температура, а в случае с живыми организмами – воздействие и иных опасных фак-

торов, являющихся результатом горения), из-за которых происходит стихийное (неуправляемое) распространение огня в населенных пунктах, в лесу или иных местах, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. Оба постановления Пленума ВС РФ в качестве общественно опасного деяния предусматривают не только совершение действий, связанных с использованием открытого огня (возведение костров, сжигание мусора и пр.), но и применение технологий или оборудования, от которых исходит опасность воспламенения этих предметов, эксплуатирование их со специальными устройствами, нейтрализующими или снижающими их пожарную опасность. Следовательно, общественно опасное деяние состоит в данном случае в бездействии относительно исполнения соответствующих правил, чаще всего комбинированного с каким-либо действием (непосредственным использованием этих технологий или устройств).

В общем виде охрана лесов и имущества от пожаров регламентирована ст. 22.1 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»¹, Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»², главой 3 Лесного кодекса РФ (последнее – применительно к лесным насаждениям и не относящимся к ним деревьям, кустарникам и лианам). Кроме того, могут быть введены и иные правила (например, нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов РФ, а также органами местного самоуправления). Особенно важным является решение вопроса о защите лесов от пожаров, в отдельных случаях для этих целей даже вводятся запреты на их посещение (см., например, постановление правительства Иркутской области от 31.03.2020 № 203-пп «Об установлении на территории Иркутской области особого противопожарного режима»³ и т.п.).

Иными источниками повышенной опасности, использование которых может повлечь за собой уничтожение или повреждение имущества или лесных насаждений, являются как устройства, механизмы, так и вещества, контакт которых с окружающей средой опасен и вызывает смерть живых организмов, загрязнение, засорение или иное

¹ О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ: в ред. Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 454-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ: в ред. Федерального закона от 08 декабря 2020 года № 429-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

³ Об установлении на территории Иркутской области особого противопожарного режима: постановление правительства Иркутской области от 31 марта 2020 г. № 203-пп URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3800202004060010>, свободный (дата обращения: 11.01.2021).

ухудшение предметов, значительно ухудшающее их качество или делающее их непригодными для использования. К таким источникам повышенной опасности можно отнести, например, нефть и нефтепродукты, удобрения, лакокрасочные материалы, а также нефтеналивные станции, топливные заправки, инфраструктурные промышленные узлы и иные объекты, транспорт и т.д. Их ненормативное использование, а также нарушение правил их хранения или транспортировки также может уничтожить или повредить имущество и лесные насаждения.

Общественно опасные последствия выражаются в уничтожении и повреждении чужого имущества (ст. 168 УК РФ), лесных и иных насаждений (ст. 261 УК РФ).

Уничтожение имущества традиционно рассматривается в уголовно-правовой науке как «приведение его в такое состояние, когда оно навсегда утрачивает свою хозяйственную ценность и не может быть использовано по своему назначению» [6, с. 229].

Вместе с тем уничтожение лесных и иных насаждений имеет несколько иной смысл: оно состоит «в полном сгорании насаждений или их усыхании в результате воздействия пожара или его опасных факторов, загрязняющих и отравляющих веществ, отходов производства и потребления, отбросов и выбросов» (абз. 1 п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 21). При этом не обязательно, чтобы было уничтожено все лесное насаждение – достаточно, чтобы лес как закрытая экологическая структура существенно изменился (например, перестал быть саморегулируемой системой).

Повреждение имущества включает в себя нанесение такого вреда, который исключает дальнейшее использование предмета по назначению без восстановления или исправления, или же допускает его, однако при существенно сниженном позитивном эффекте. Так, повреждение автомобиля, не выведшее из строя его основные системы при сохранении возможности передвижения, значительно снижает комфорт его использования, ходовые характеристики, грузоподъемность и т.д.

Повреждение лесных и иных насаждений вызывает «в случаях частичного сгорания насаждений деградацию их на определенных участках леса до степени прекращения роста, заражение болезнями или вредными организмами и т.д.» (абз. 2 п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 21).

Составы преступлений, предусмотренные ст. 168 и ч. 1–2 ст. 261 УК РФ, имеют схожую субъективную сторону – вина выражается в неосторожности в виде как легкомыслия, так и небрежности. Как правило, интеллектуальный и волевой эле-

менты психики виновного основаны на несоблюдении (ввиду самонадеянности или неосмотрительности) правил осуществления опасных видов деятельности, эксплуатации опасных механизмов, реализации опасных технологий и обращения с огнем и источниками пожарной опасности.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые составы преступлений принципиально схожи между собой по многим признакам. Их главное различие заключается в предмете преступления.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, выступает «простое» имущество, то есть вещи, принадлежащие гражданам, обществу и государству на праве собственности. Пленум ВС РФ в постановлении ВС РФ № 14 приводит ряд уточнений относительно правового статуса такого имущества, указывая, что оно должно быть чужим, так как уничтожение своего имущества состава рассматриваемого преступления не образует. Уголовно-наказуемым признается только такое уничтожение и повреждение, которое совершено в крупном размере (то есть стоимость имущества в соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ должна превышать двести пятьдесят тысяч рублей). Отличительной особенностью предмета преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, является то, что в его содержание входят животные, принадлежащие гражданам, обществу или государству на праве собственности.

Ученые отмечают, что, несмотря на наличие ряда сложностей в квалификации указанных преступлений, в целом они разрешены сложившейся правоприменительной практикой [1].

Вместе с тем имеются проблемы в содержании предмета преступления, предусмотренного ст. 261 УК РФ. В диспозиции указанной статьи он определен как лесные насаждения и иные насаждения. Пункт 15 постановления Пленума ВС РФ № 21 определяет их как деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, так и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья). Кроме того, предметом преступления признаются деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, если они предназначены для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений. Уничтожение лесных насаждений на приусадебных участках, земельных участках, предназначенных для индивидуального строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопи-

томниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальных, буреломных, сухостойных деревьев квалифицируются по ст. 168 УК РФ.

Вместе с тем, по нашему мнению, понятие лесных насаждений значительно шире указанных выше деревьев, кустарников и лиан, произрастающих на указанных территориях. Данные категории предназначены прежде всего для характеристики предмета преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ. Лес не представляет собой простую совокупность деревьев, кустарников и лиан и включает в себя огромное количество живых организмов (как растительного, так и животного происхождения), которые в совокупности образуют замкнутую экологическую систему.

Особенно остро стоит вопрос об установлении ответственности за гибель животных, прежде всего отнесенных к охотничьим ресурсам, в результате лесных пожаров. Так, в результате масштабных пожаров в Сибири летом 2019 г., по подсчетам Гринпис, пострадало огромное количество животных и птиц – в уничтоженных и поврежденных огнем лесах обитало более 5500 соболей и 300 медведей, а также около 2700 диких северных оленей и 1500 лосей¹. Большая их часть, вероятно, покинула территории бедствия, однако многие погибли. Особый вред, по мнению специалистов, нанесен популяции редких птиц, среди которых глухарь, тетерев и рябчик. Кроме того, пожары 2019 г. нарушили процессы, связанные с выращиванием молодняка².

Вместе с тем ст. 261 УК РФ не предусматривает ответственности за причинение вреда животному миру. Кроме того, виновных нельзя привлечь к ответственности за совершение и иных экологических преступлений. Таким образом, вред, причиненный объектам животного мира в результате уничтожения и повреждения лесных насаждений, полностью исключен.

Законодательно создана ситуация, предполагающая криминализацию уничтожения или повреждения (в виде ранения) домашних животных путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности (в ст. 168 УК РФ), ценность которых по большей части измеряется исключительно их экономической стоимостью. Одновременно с этим не криминализованы

аналогичные деяния, совершенные в отношении диких животных (ч. 1-2 ст. 261 УК РФ), ценность которых несоизмеримо выше и состоит в их стоимости (в данном случае кадастровой) и в выполнении ими экологической функции (так как они являются частью замкнутых экологических систем и всей окружающей среды в целом). Полагаем, это не соответствует принципам справедливости и неотвратимости наказания.

Наиболее вероятным предположением относительно того, почему законодатель не стал криминализовать деяния, связанные с неосторожным причинением смерти диким животным, являются сложности в установлении причинно-следственных связей между общественно опасным деянием и последствиями в виде гибели зверей и птиц. В частности, органы государственной власти пострадавших от пожара территорий неоднократно заявляли о том, что массовой гибели животных не наблюдалось (прежде всего ввиду отсутствия следов – трупов погибших животных)³. Вместе с тем при совершении уничтожения или повреждения лесных насаждений способами, не связанными с пожарами, установление указанных последствий вполне возможно. Впрочем, даже и при пожарах современные достижения науки и техники позволяют обнаружить и идентифицировать останки живых организмов (в частности, соответствующие методики успешно применяются при поиске и опознании трупов людей, пострадавших от воздействия огня [7]). Кроме того, последствия в виде массовой гибели объектов животного мира криминализованы в ст. 246, 247, 249, 250 УК РФ, где законодатель справедливо отнес их к числу последствий, значительно повышающих общественную опасность всего содеянного.

Обсуждение и заключения

Полагаем необоснованным и не соответствующим интересам уголовно-правовой охраны окружающей среды и природных ресурсов нарушением требований дифференциации уголовной ответственности отсутствие уголовной ответственности за уничтожение и повреждение лесных насаждений, в результате которых происходит гибель животных (наиболее ценных их представителей, входящих в перечень особо охраняемых и в число охотничьих ресурсов).

¹ В сгоревших лесах могло обитать примерно 13 000 особей разных видов URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2019/08/07/v-greenpeace-podschitali-skolko-zhivotnyh-moglo-postradat-ot-lesnyh-pozharov-v-sibiri/>, доступ свободный (дата обращения: 11.01.2021).

² После пожаров на десятилетие уничтожена кормовая база для животных URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20190828/animals/>, доступ свободный (дата обращения: 11.01.2021).

³ Минлесхоз Иркутской области опроверг слухи о массовой гибели животных URL: https://www.ogirk.ru/2019/08/26/minleshoz-irkutskoj-oblasti-oproverg-sluhi-o-massovoj-gibeli-zhivotnyh/?fbclid=IwAR2Gf_wDJ3q8m4KJiaAVK4KA2iqPOKzgm9t3ofCUwwopkBNR_LUG5TRi0A, доступ свободный (дата обращения: 11.01.2021).

В связи с этим предлагаем криминализовать совершение указанных деяний, которые повлекли причинение крупного ущерба охотничьим ресурсам либо совершены в отношении особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

Для этого предлагаем внести следующие изменения и дополнения в текст УК РФ:

в ст. 261 УК РФ добавить ч. 2.1 следующего содержания:

«2.1. Деяния, предусмотренные частью первой и второй настоящей статьи, если они причинили крупный ущерб охотничьим ресурсам либо привели к гибели особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации,

наказываются...».

Примечание к ст. 258 УК РФ изложить следующим образом:

«Примечание. Крупным ущербом охотничьим ресурсам в настоящей статье, а также в статье 261 настоящего кодекса, признается ущерб, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий сорок тысяч рублей, особо крупным – сто двадцать тысяч рублей.»

Примечание 3 к ст. 226.1 УК РФ изложить следующим образом:

«3. Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей настоящей статьи и статей 258.1 и 261 настоящего Кодекса утверждается Правительством Российской Федерации.»

Полагаем, такие новеллы устранят образовавшийся пробел в уголовно-правовом регулировании, при котором гибель диких животных в результате уничтожения или повреждения лесных насаждений по неосторожности не криминализована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яни П.С. Вопросы квалификации умышленного уничтожения или повреждения имущества // Законность. 2017. № 7. С. 36–41.
2. Тюнин В.И., Степанов Ю.И., Огарь Т.А. Умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлекшие причинение значительного ущерба потерпевшему (ч. 1 ст. 167 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 3. С. 78–85.
3. Джангуразов М.А. Уничтожение или повреждение имущества как разновидность общественно опасных последствий // Российский следователь. 2014. № 19. С. 31–35.
4. Бородуля Е.В. Природные пожары: некоторые аспекты ответственности за их причинение и отдельные вопросы профилактики // Российский следователь. 2012. № 13. С. 17–20.
5. Бархатова Е.Н. Проблемы регулирования уголовной ответственности за преступления в лесной сфере // Экологическое право. 2018. № 3. С. 12–16.
6. Комментарий к УК РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М.: Юридическая литература, 1984. 528 с.
7. Бакулева М.А., Кухаренок И.И., Смоляницкая А.И. Особенности идентификации жертв техногенных катастроф, связанных с воздействием пламени // Мечниковские чтения – 2020. Материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2020. С. 204–205.

REFERENCES

1. YAni P.S. Voprosy kvalifikacii umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya imushchestva // Zakonnost'. 2017. № 7. S. 36–41.
2. Tyunin V.I., Stepanov YU.I., Ogar' T.A. Umyshlennye unichtozhenie ili povrezhdenie imushchestva, povlekshie prichinenie znachitel'nogo ushcherba poterpevshemu (ch. 1 st. 167 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2016. № 3. S. 78–85.
3. Dzhangurazov M.A. Unichtozhenie ili povrezhdenie imushchestva kak raznovidnost' obshchestvenno opasnykh posledstvij // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 19. S. 31–35.
4. Borodulya E.V. Prirodnye pozhary: nekotorye aspekty otvetstvennosti za ih prichinenie i otdel'nye voprosy profilaktiki // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 13. S. 17–20.
5. Barhatova E.N. Problemy regulirovaniya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v lesnoj sfere // Ekologicheskoe pravo. 2018. № 3. S. 12–16.

6. Kommentarij k UK RSFSR / pod red. YU.D. Severina. M.: YUridicheskaya literatura, 1984. 528 s.

7. Bakuleva M.A., Kuharenok I.I., Smolyanickaya A.I. Osobennosti identifikacii zhertv tekhnogennyh katastrof, svyazannyh s vozdejstviem plameni // Mechnikovskie chteniya – 2020. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj studencheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 2020. S. 204–205.

Об авторах:

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

e-mail: rev-80@yandex.ru

Забавко Роман Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета

email: zra1985@gmail.com

About the authors:

Rogova Evgeniya V., Doctor in Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, e-mail: rev-80@yandex.ru

Zabavko Roman A., Candidate in Laws (Research doctorate), Associate Professor of Criminal Law Department, the Law Institute of the Irkutsk State University, email: zra1985@gmail.com

© Рогова Е.В., 2021

© Забавко Р.А., 2021

Заявленный вклад авторов

Рогова Евгения Викторовна – концептуальный подход к проблеме исследования, окончательное научное редактирование

Забавко Роман Алексеевич – идеи исследования, подготовка первоначального варианта статьи, аналитическая работа, оформление статьи согласно установленным требованиям

Статья получена: 28.01.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript

УДК 343.92

DOI: 10.37973/KUI.2021.97.97.011

Е.А. Родина

КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

CYBERSPACE AS A CRIMINOLOGICAL CATEGORY

Введение: статья посвящена определению понятия и криминологически значимых свойств киберпространства как новой области общественных отношений.

Материалы и методы: методология исследования основана на системном комплексном подходе и включает в себя методы анализа, синтеза, логико-юридический, семантического и сравнительно-правового анализа, обобщения. Материалами исследования послужили теоретические работы отечественных и зарубежных авторов, в которых анализируются существенные признаки киберпространства, сообщения средств массовой информации о посягательствах, совершаемых посредством компьютерных сетей, положения закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Результаты исследования: в статье осуществлен критический анализ достоинств и недостатков понятия «киберпространство» и сходных понятий, применяемых для обозначения специфических общественных отношений, возникающих в компьютерных сетях, и криминологически значимых свойств киберпространства. На основе сделанных выводов сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Обсуждение и заключения: автор раскрывает понятие термина «киберпространство», его особенности, имеющие важное криминологическое и виктимологическое значение. К ним следует отнести отдельные признаки сходства обычного и физического пространства, формирующие в некоторых случаях единство мотивации обычных и киберпреступников; анонимность пользователей в сети Интернет, выступающую криминогенным фактором и фактором повышенной виктимности интернет-пользователей; повышенное значение для киберпространства фактора преступного профессионализма, значительно повышающего общественную опасность совершаемых преступлений. Также в статье обосновывается необходимость учета в качестве криминообразующего признака ряда преступлений, связанных с распространением информации.

Ключевые слова: киберпреступность, сеть Интернет, информационная сфера, киберпространство, виктимность пользователей сети Интернет.

Для цитирования: Родина Е.А. Киберпространство как криминологическая категория // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 66-71. DOI: 10.37973/KUI.2021.97.97.011

Introduction: the article deals with the definition and criminologically meaningful features of cyberspace as a new area of public relations.

Materials and Methods: the methodology is based on the system complex way and includes the methods of analysis, synthesis, logical and judicial, semantic and comparative legal analysis, generalization. The materials of the study was the theoretical works of Russian and foreign authors. The authors analyzed essential features of cyberspace, media reports on abuses committed through computer systems, the Law of the Russian Federation "On information, Informational Technologies and on Protection of Information, Principle of Informational Security of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation.

Result: the article provides a critical analysis of the advantages and disadvantages of the concept of "cyberspace" and similar concepts used to denote specific social relations that arise in computer networks, and criminologically significant properties of cyberspace. Based on the conclusions made, the author formulated proposals for improving the criminal legislation.

Discussion and Conclusions: the author defines the term "cyberspace", its features that are of criminological and victimologic meaning. The features include certain similarities between usual and physical space that formulate in some cases the same inducement of cyber and non-cyber criminals; Internet-user anonymity as a criminal factor and a factor to criminal growth; criminal competencies that dramatically rise public danger of the committed crimes. The author justifies the need to consider as a criminogenic sign of a number of crimes related to the dissemination of information.

Keywords: cybercrime, Internet, information sphere, cyberspace, victimization of Internet users

For citation: Rodina E.A. Cyberspace as a Criminological Category // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 66-71. DOI: 10.37973/KUI.2021.97.97.011

Введение

Научно-технический прогресс в сфере компьютеризации, компьютерной связи привел к значительным изменениям в общественной жизни: появляются новые модели поведения граждан и способы взаимоотношений. С криминологической точки зрения особый интерес представляет появление новых видов преступлений и возникновение новых факторов, предопределяющих виктимность пользователей всемирной сети. Однако до настоящего времени отсутствует единообразие в терминологии, обозначающей сетевую часть общественных отношений, не систематизированы криминогенные свойства этой среды.

Материалы и методы

Работа основывается на анализе Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», работ Ю.В. Бородакия, А.Ю. Добродеева, Б.П. Пальчун, М.Н. Болдина, И.Е. Моториной, С.Н. Гриняева, Д.И. Правикова, П.С. Хмель, Н.С. Егорова, В.Г. Туркиной и Л.И. Бутусовой. Кроме того, в анализ включены сообщения средств массовой информации о преступлениях в сети Интернет.

Результаты исследования

В настоящее время отсутствует общепринятый термин, характеризующий сферу отношений, возникающих при использовании компьютерных сетей. В литературе встречается термин «инфосфера» (компьютерная инфосфера), понимаемый как «совокупность общих и специальных программных средств создания, обработки и хранения компьютерных данных, и собственно компьютеризированные данные на любых типах носителей информации» [1, с. 55-64].

Это понятие семантически является наследником таких сущностей, как биосфера, ноосфера, техносфера. При этом инфосфера имеет, кроме технологической, и социально-культурную со-

ставляющую, когда «главными становятся информация, творчество и интеллектуальные технологии, а субъектом мыследеятельности является интеллектуальный работник, обладающий мастерством ... работать со все более сложной и разнообразной информацией...» [2, с. 134-137].

В Российской Федерации в нормативных актах используются сходные понятия – «информационная сфера», «информационная инфраструктура».

В Доктрине информационной безопасности под «информационной сферой» предлагается понимать «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений»¹. Информационная сфера – это сфера, в которой главенствуют процессы обработки информации. В свою очередь последняя, в соответствии со ст. 2 закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», означает сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления)².

В этом определении информация не привязана к способу ее обработки. Поэтому круг отношений, складывающихся в информационной сфере, выходит далеко за рамки интересующих нас компьютерных сетей.

Для характеристики криминогенных процессов термин «информационная сфера» не вполне приемлем, так как, во-первых, это определение является узкофункциональным, во главу угла в нем ставятся процессы обработки информации, в то время как социально значимые процессы, интересующие криминолога, порождаются, прежде всего, не обработкой информации, а возможно-

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

стями удаленного взаимодействия людей. Во-вторых, информационная сфера понимается не просто как всемирная компьютерная сеть, но как информационная среда, в которой Российская Федерация осуществляет свои суверенные полномочия по обеспечению безопасности. Это следует, в частности, из характеристики внешних угроз, перечисленных в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, указания на трансграничность обмена информацией для достижения целей, противоречащих интересам Российской Федерации. Трансграничность – термин, означающий пересечение границ. Трансграничность информации, таким образом, – перемещение информации через границы информационного пространства Российской Федерации. В-третьих, понятие информационной сферы не включает в себя неформальные компьютерные сети, которые не являются частью Интернета. Здесь мы имеем в виду сети, которые не обладают общей с Интернетом системой адресации ресурсов, а иногда и физически не связаны с ним: Tor, DarkNet (Скрытая сеть), DeepWeb (глубинная сеть – сайты, которые не индексируются поисковыми системами), FidoNet (компьютерная сеть, поддерживаемая энтузиастами) и т.д.

Другим термином, обозначающим взаимодействие людей посредством компьютеров, является «киберпространство». Данное слово является калькой с английского «cyberspace», появившегося впервые в фантастических романах американско-канадского писателя Уильяма Гибсона в начале 80-х годов XX века.

Постепенно это понятие стало активно использоваться социологами и юристами как удобная социально-философская абстракция. При изучении теоретической литературы нам встретились упоминания киберпространства в связи с изучением морально-этических аспектов виртуальной свободы [3, с.1], отдельных аспектов боевых действий [4, с.40], трансформаций медицинских технологий [5, с. 147-149], сложных взаимодействий людей в социальных сетях [6, с. 196-198], преступного поведения [7, с.48-52] и т.д.

Какие свойства киберпространства характеризуют его как действительно некое самостоятельное явление, представляющее криминологический интерес? На наш взгляд, к их числу можно отнести следующие:

- киберпространство в некоторой степени сходно с обычным физическим пространством: в нем есть аналоги перемещения (например, при переходе по гиперссылкам от одного сайта к другому). Оно, с точки зрения пользователя компьютерной сети, является бесконечным и раскрывается ему

постепенно с возрастанием опыта. Увлеченные пользователи могут найти здесь любую интересующую их информацию, в том числе, недоступную другим, имеют возможности для неограниченного профессионального роста в части понимания устройства сети, программирования и т.п. Неудивительно, что завсегдагаи киберпространства обретают чувство превосходства над обычными пользователями и пытаются проверить свои возрастающие навыки, в том числе и преступным путем;

- киберпространство, как и обычное пространство, имеет как зоны общего доступа (например, общедоступная часть сети Интернет, так называемый WWW, World Wide Web или «всемирная паутина»), так и части, не доступные не только для непосвященных, но и для контроля со стороны государства. Здесь концентрируется киберпреступность – торговля наркотиками, порнографией, оружием, контрафактной продукцией, незаконные денежные переводы и т.д.;

- в киберпространстве, как и в физическом пространстве, информация имеет привязку к определенному месту (например, она хранится на винчестере определенного компьютера или в сети компьютеров). Таким образом, возникает аналогия между «своей» и «чужой» информацией, проникновением на чужую территорию. Полагаем, что это обуславливает и сходство психических механизмов, лежащих в основе мотивации преступников, совершающих традиционные общеуголовные преступления, и злоумышленников, действующих в киберпространстве. Проводится разделение киберпространства и на межгосударственном уровне. Например, в Российской Федерации владельцы социальных сетей обязываются размещать учетные данные пользователей на серверах, которые территориально расположены на территории нашей страны. Распространение государственного суверенитета на информационные ресурсы предопределяет и возникновение враждебной деятельности иностранных государств и отдельных лиц по поводу этих ресурсов. Впрочем, здесь есть и существенные отличия, которые мы рассмотрим далее.

Деятельность преступников в киберпространстве оставляет следы, по которым их можно обнаружить. Впрочем, компьютерные преступники, как и обычные, обладают целым арсеналом средств, затрудняющих обнаружение следов своей деятельности, идентификацию и обнаружение.

Одним из важных факторов, провоцирующих людей на несвойственное им поведение, является анонимность пользователей. В реальном мире

они опасаются совершать некоторые действия из-за контроля со стороны родственников, супругов, знакомых, страха причинения ущерба репутации и т.п. Полагая, что в киберпространстве они останутся незамеченными, такие «путешественники» быстро превращаются в жертв преступлений при посещении различных сайтов, на которых реализуется запрещенный контент, предлагаются незаконные услуги и т.д.

Еще одним важным последствием анонимности является возможность нахождения партнеров для реализации самых экзотических фантазий. Здесь формируются группы, реализующие самые изощренные варианты: совместные самоубийства, причинение себе увечий (порезов, прижиганий кожи), убийства и даже каннибализм по совместной договоренности с жертвой¹.

Сообщества в киберпространстве формируют специфическое мировоззрение, систему ценностей, вырабатывают собственные регламенты поведения. Здесь стоит упомянуть о таком немалом ранее явлении, как Wikileaks, публикующем секретную информацию от сочувствующих идеям цифровой свободы служащих государственных организаций и т.п. Таким образом, одной из отличительных особенностей киберпространства является то, что в нем одиночки или небольшие группы могут какое-то время противостоять мощи государственных спецслужб, как это было с Джулианом Ассанжем или Эдвардом Сноуденом, опубликовавшим информацию о преступлениях американской армии в Ираке.

Еще одна особенность киберпространства связана с временными характеристиками совершаемых в нем деяний. Если в обычном физическом пространстве экстремистское высказывание существует лишь в момент его произнесения, то, размещенное в сети, оно может остаться там навсегда. Это касается и вредоносных программ: попав в сеть, они копируются и продолжают свою деятельность неопределенное количество времени. С уголовно-правовой точки зрения мы имеем дело с аналогом длящихся преступлений, при этом продолжительность их осуществления в киберпространстве не зависит от воли злоумышленника.

В киберпространстве огромна разница между специалистом (программистом, системным администратором, специалистом по кибербезопасности) и обычным пользователем компьютера. Знание особенностей функционирования сети,

как правило, неинтересно рядовым пользователям, что не оставляет им шансов на соблюдение своих прав при столкновении с киберпреступником-профессионалом.

Проводя аналогию между границами информации и границами в реальном мире, следует отметить еще одно существенное качество киберпространства. В последнее время в связи с увеличением попыток всех государств усилить контроль над информационными ресурсами появились и новые средства противодействию, например, децентрализация информации: определенный контент не хранится в одном месте, а разбивается на мелкие фрагменты, которые шифруются и размещаются на множестве сайтов.

Пример Китайской Народной Республики свидетельствует, что государство при наличии политической воли и технологического потенциала может в значительной степени контролировать информационные потоки в национальном киберпространстве, принуждать иностранные компании подчиняться внутреннему законодательству, ограничивать выдаваемую гражданам страны информацию и т.п.²

Наконец, завершая обзор особенностей киберпространства, обуславливающих криминологический интерес к его изучению, полагаем, следует обратить внимание на то, какое значение имеет «произнесенное» в нем слово. Самые популярные блоггеры, видеоблоггеры, авторы страниц в популярных сетях имеют аудиторию, сравнимую с аудиторией традиционных средств массовой информации (телевидение, печать, радио). Эта ситуация вызывает естественное беспокойство у государств, утрачивающих монополию на формирование мировоззрения своих граждан. В действующем УК РФ предусматривается ответственность за размещение некоторых видов высказываний: оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 345.1 УК РФ) и др. Общественная опасность тех или иных деяний определяется и масштабом их воздействия на общественные отношения. В киберпространстве эти масштабы определяются популярностью автора соответствующих текстов. Очевидно, что огромное влияние на умы, оказываемое популярными авторами, страницы которых имеют миллионы просмотров, несравнимо с влиянием подавляющего большинства обычных пользователей сети (по большей части уголовные дела возбуждаются в отношении

¹ Речь идет об Арвине Майвесе, убившем, а затем съевшем немецкого программиста Юргена Брандеса с его добровольного согласия. См.: Interview mit dem Kannibalen von Rotenburghttps. URL: www.welt.de/fernsehen/article1269371/Interview-mit-dem-Kannibalen-von-Rotenburg.html

² В Китае вступает в силу резонансный закон о кибербезопасности. URL: <https://ria.ru/20170601/1495523455.html> (дата обращения 21.07.2020)

пользователей сети «ВКонтакте»), чья аудитория исчисляется десятками или сотнями человек. Например, в случае с привлечением граждан к ответственности за экстремистские высказывания их аудитория ограничивается небольшим кругом единомышленников. Поэтому и общественное значение соответствующих заявлений ничтожно – они распространяются внутри среды, уже имеющей соответствующее мировоззрение. Зачастую общество узнает о таких экстремистских материалах лишь после возбуждения уголовных дел по соответствующим статьям. Полагаем, что складывающаяся практика, формально соответствуя букве уголовного закона, противоречит его духу, идее, заложенной законодателем. Предупредительный эффект таких мер ничтожен и даже имеет негативную окраску – внимание граждан привлекается к той информации, от которой их государство хотело бы оградить.

Чтобы избежать подобного нежелательного эффекта, мы предлагаем учесть количество просмотров соответствующих текстов и популярность в киберпространстве их авторов в качестве кри-

минообразующих или квалифицирующих признаков по статьям УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм, терроризм, реабилитацию нацизма и т. п.

По результатам сделанного анализа можно сделать ряд выводов:

- по нашему мнению, термин «киберпространство» можно использовать в криминологических исследованиях. Он по своему содержанию отличается от используемых в литературе понятий «информационное пространство», сеть Интернет и т. п.;

- киберпространство обладает целым набором характеристик, которые в значительной степени отличают его от обычного, физического, пространства, определяют специфику его криминогенных и виктимогенных свойств;

- действующее уголовное законодательство должно учитывать в качестве криминообразующего признака ряда преступлений, связанных с распространением отдельных видов информации, объема аудитории, на которую она транслируется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Пальчун Б.П., Болдина М.Н. Инсайдерология - наука о нелегитимности в компьютерной инфосфере // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 8. С. 55-64.
2. Моторина И.Е. Позитивные и негативные аспекты становления инфосферы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-4. С. 134-137.
3. Кот Я.И. Нравственные аспекты свободы в киберпространстве // Гуманитарный вестник. 2018. № 11. С. 1.
4. Гриняев С.Н., Правиков Д.И. Основы общей теории киберпространства. теория боя в киберпространстве. М.: АНО ЦСОиП, 2018. С. 40.
5. Хмель П.С. Правовое регулирование медицинского киберпространства // Актуальные вопросы современной медицины: материалы II Дальневосточного медицинского молодежного форума / под ред. Е.Н. Сазоновой. Владивосток, 2018. С. 147-149.
6. Егоров Н.С., Туркина В.Г. Человек в социальных сетях киберпространства // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1. № 4 (21). С. 196-198.
7. Бутусова Л.И. К вопросу о киберпреступности в международном праве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 48-52.

REFERENCES

1. Borodakij YU.V., Dobrodeev A.YU., Pal'chun B.P., Boldina M.N. Insajderologiya - nauka o nelegitimnosti v komp'yuternoj infosfere // Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. 2008. № 8. S. 55-64.
2. Motorina I.E. Pozitivnye i negativnye aspekty stanovleniya infosfery // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 8-4. S. 134-137.
3. Kot YA.I. Nravstvennye aspekty svobody v kiberprostranstve // Gumanitarnyj vestnik. 2018. № 11. S. 1.
4. Grinyaev S.N., Pravikov D.I. Osnovy obshchej teorii kiberprostranstva. teoriya boya v kiberprostranstve. M.: ANO CSOiP, 2018. S. 40.
5. Hmel' P.S. Pravovoe regulirovanie medicinskogo kiberprostranstva // Aktual'nye voprosy sovremennoj mediciny: materialy II Dal'nevostochnogo medicinskogo molodezhnogo foruma / pod red. E.N. Sazonovoj. Vladivostok, 2018. S. 147-149.
6. Egorov N.S., Turkina V.G. SChelovek v social'nyh setyah kiberprostranstva // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. T. 1. № 4 (21). S. 196-198.

7. Butusova L.I. K voprosu o kiberprestupnosti v mezhdunarodnom prave // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 2. S. 48-52.

Об авторе: Родина Екатерина Анатольевна, аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, помощник Урюпинского межрайонного прокурора Волгоградской области
e-mail: rodina-caterina2010@yandex.ru

About the author: Rodina Ekaterina A., post-graduate student of the Department of prosecutor's supervision and criminology of the Saratov State Law Academy, assistant of the Uryupinsky Interdistrict Prosecutor of the Volgograd region
e-mail: rodina.caterina2010@yandex.ru

Статья получена: 26.10.2020

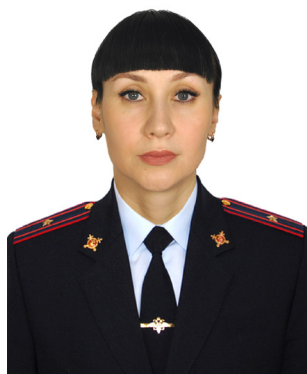
Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Р.Р. Уматкулова

УСМОТРЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
КАК ФАКТОР КОРРУПЦИИ

DISCRETION IN THE ACTIVITIES
OF PENAL INSTITUTIONS AS A FACTOR OF CORRUPTION

Введение: в статье рассмотрены особенности усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы как фактор коррупции.

Материалы и методы: в работе особое внимание было уделено исследованию норм Конституции РФ, уголовно-исполнительного и административного законодательства. Методологическую основу исследования представляет диалектический метод познания, в пределах которого использованы такие частнонаучные методы, как системно-структурный, метод анализа, синтеза и обобщения.

Результаты исследования: позволили сделать вывод, что конкретизация пределов усмотрения в деятельности исправительных учреждений будет способствовать обеспечению гарантии прав и интересов осужденных.

Обсуждение и заключения: автор считает, что на законодательном уровне необходимо четкое определение границ административного усмотрения. Важно установить пределы усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Кроме того, субъективизм при принятии решений должен быть сведен к минимуму, что снизит вероятность влияния коррупционных факторов на данную сферу.

Ключевые слова: административное усмотрение, наказание, уголовно-исполнительная система, коррупция, исправительное учреждение.

Для цитирования: Уматкулова Р.Р. Усмотрение в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы как фактор коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 72-75. DOI: 10.37973/KUI.2021.37.35.002

Introduction: the author considers features the peculiarities of discretion in the activities of institutions of the penal and correctional system as a factor of corruption.

Materials and Methods: special attention was paid to the study of the norms of the Constitution of the Russian Federation, criminal executive and administrative legislation. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition, special scientific methods as historical, system-structural, method of analysis, synthesis and generalization.

Results: the results of the study led to the conclusion that specifying the limits of discretion in the activities of correctional institutions will help guarantee the rights and interests of convicts.

Discussion and Conclusions: the author believes that at the legislative level, it is necessary to clearly define the boundaries of administrative discretion. It is important to establish the limits of discretion in the activities of penal institutions. In addition, subjectivity in decision-making should be minimized, which will reduce the likelihood of corruption factors affecting this area.

Keywords: administrative discretion, the punishment, the penitentiary system, corruption, a correctional facility

For citation: Umatkulova R.R. Discretion in the Activities of Penal Institutions as a Factor of Corruption // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 72-75. DOI: 10.37973/KUI.2021.37.35.002

Введение

В деятельности учреждений пенитенциарной системы носителями административного

усмотрения выступают их руководители, наделенные определенными властными полномочиями.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) включает статьи, в соответствии с которыми принятие некоторых решений зависит от усмотрения администрации пенитенциарного учреждения. Например, статья 78 УИК РФ предусматривает возможность изменения вида исправительного учреждения, статья 89 УИК РФ определяет, что осужденным при определенных условиях могут быть предоставлены свидания до пяти суток, при этом во всех случаях решение принимается администрацией органа, исполняющего наказание, и ставится в зависимость от таких факторов как поведение осужденного, его отношение к труду¹.

При решении некоторых вопросов административное усмотрение представляется особо важным, например, при решении вопроса применения поощрительных мер или назначения мер взыскания, при предоставлении администрации исправительного учреждения возможности выезда за пределы места, где лицо отбывает наказание, при отнесении лица к категории злостных нарушителей порядка пребывания в исправительном учреждении [1, с. 72-77].

При проведении прокурорских проверок нередко обнаруживаются факты наличия жалоб на действия руководителей исправительных учреждений, связанные с отказом в предоставлении свиданий, телефонных разговоров. Кроме того, отмечаются случаи необоснованного отказа в переводе осужденного в места отбывания наказания поближе к месту жительства, нарушения сроков предоставления администрацией пенитенциарного учреждения необходимых документов для рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении либо помиловании лица.

Руководители учреждений уголовно-исполнительной системы, как правило, единолично решают вопросы, затрагивающие права и законные интересы осужденных. Должностному лицу предоставляется определенная свобода принятия решения, в связи с этим здесь не исключен субъективный интерес правоприменителя, в том числе корыстный, а также вероятность злоупотребления правом.

Обзор литературы

Некоторые статьи УИК РФ напрямую ставят возможность удовлетворения интересов осужденных в зависимость от решения администрации

учреждений уголовно-исполнительной системы. В данной ситуации можно согласиться с мнением П.Н. Нестерова, который утверждает, что если правовой нормой установлено, что правоприменитель «может», а не обязан, то здесь велика вероятность влияния коррупционных факторов при принятии решений. Должностное лицо вправе применить норму по своему усмотрению, а значит, возникает возможность его подкупа [2, с. 87-90].

Помимо Уголовно-исполнительного кодекса РФ, нормы, предусматривающие административное усмотрение, содержатся в ведомственных правовых актах.

Например, в приказе Министерства юстиции РФ от 20 мая 2009 г. № 142 отмечено, что уголовно-исполнительная инспекция наделена полномочиями по представлению в суд материалов для решения вопроса об освобождении осужденного от выполняемых обязанностей. При этом, принимая решение о внесении в суд представления, инспекция руководствуется субъективным мнением, опираясь на поведение осужденного, его личные характеристики, добросовестность соблюдения обязанностей, а также иные факторы, связанные с невозможностью дальнейшего исполнения обязанностей (болезнь, беременность, сложность совмещения с работой и т.д.)².

Также можно отметить приказ Министерства юстиции РФ от 26 января 2018 г. № 17, который наделяет уголовно-исполнительные инспекции полномочиями по решению вопросов перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое³.

В вышеуказанных актах встречаются такие неопределенные понятия, как «хорошее поведение», «добросовестность исполнения обязанностей», «исключительные обстоятельства», «заинтересованные лица», что также подтверждает факт зависимости положения осужденного от субъективного мнения уполномоченного лица, поскольку при принятии решения понимание данных терминов у каждого субъекта может быть различным.

Как справедливо отмечает О.К. Хотькина, отсутствие конкретной регламентации деятельности руководителей уголовно-исполнительных органов при принятии решений о переводе осужденного, о применении к нему мер поощрения, а также недостаточный контроль за принятием

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Министерства юстиции РФ от 20 мая 2009 г. № 142. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067922/> (дата обращения: 03.11.2020).

³ Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое: приказ Министерства юстиции РФ от 26 января 2018 г. № 17. URL: <https://base.garant.ru/71874860/> (дата обращения: 03.11.2020).

таких решений порождает возможность возникновения корыстной заинтересованности у должностных лиц [3, с. 45].

Материалы и методы

При проведении исследования использовались диалектический и системно-структурный методы, а также метод анализа и синтеза, что позволило обобщить данные, связанные с предметом исследования, сделать выводы и сформулировать предложения по совершенствованию рассматриваемого вопроса.

Результаты исследования

Усмотрение в учреждениях уголовно-исполнительной системы – это эффективный инструмент гибкого реагирования на различные изменения в управленческих ситуациях сотрудниками пенитенциарной системы. Его использование должно основываться на принципе законности, без допущения злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Уголовно-исполнительное законодательство включает в себя ряд норм, в соответствии с которыми удовлетворение интересов осужденных зависит от усмотрения администрации исправительного учреждения. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 77 УИК РФ решение об оставлении осужденного к лишению свободы в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения хозяйственных работ принимается начальником следственного изолятора или тюрьмы.

Для соблюдения прав и законных интересов осужденных необходимо принятие мер, связанных с модернизацией законодательства в уголовно-исполнительной сфере. Пределы усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы должны быть уточнены и более детально определены в правовых нормах. Реализуя полномочия, предусматривающие административное усмотрение, руководители исправительных учреждений должны принимать решения в рамках установленных норм.

В нормативных правовых актах нередко встречаются такие понятия, как «хорошее поведение», «исключительные обстоятельства», «иные лица», «добросовестное исполнение обязанностей» и другие. Они носят оценочный характер, и их понимание может быть различным у каждого субъекта. Кроме того, зачастую нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ содержат понятия, предполагающие двусмысленность: «может», «могут быть», «возможно». Например, осужденным, отбывающим наказание в льготных условиях, по постановлению начальника воспитательной колонии может быть разрешено проживание в общежитии за пределами воспитательной колонии без охраны (ч.4

ст. 133 УИК РФ).

Необходимо из уголовно-исполнительного законодательства исключить фразы, которые носят оценочный характер и предполагают двусмысленность, поскольку принимаемые в отношении осужденных решения не должны зависеть от субъективного мнения уполномоченного лица.

Необходимо свести к минимуму субъективизм при принятии решений, касающихся прав и интересов осужденных, вся процедура усмотрения должна быть четко регламентирована на законодательном уровне.

Поскольку права осужденных законодательно более защищены, нежели интересы, некоторые законные интересы было бы более корректно перевести в категорию прав.

Административное управление является необходимым юридическим средством, которое позволяет достичь целей уголовно-исполнительного законодательства. При этом оно должно применяться исключительно при условии, когда его невозможно исключить, и с учетом всех объективных факторов.

Обсуждение и заключения

Таким образом, административное усмотрение является необходимым юридическим средством, которое позволяет достичь целей уголовно-исполнительного законодательства. При этом оно должно применяться исключительно при условии, когда его невозможно исключить и с учетом всех объективных факторов.

Законодателю следует уточнить пределы административного усмотрения в уголовно-исправительных учреждениях. Важно четко определять границы усмотрения, оно должно быть максимально ограничено правовой нормой, а там, где это нежелательно, его пределы необходимо сузить. Реализуя полномочия, предусматривающие административное усмотрение, руководители исправительных учреждений должны принимать решения в рамках установленных норм.

Кроме того, необходимо свести к минимуму субъективизм администрации при принятии решений: из уголовно-исполнительного законодательства следует исключить фразы, которые носят оценочный характер («хорошее поведение», «исключительные обстоятельства», «иные лица», «добросовестное исполнение обязанностей») и предполагают двусмысленность («может», «могут быть», «возможно»), поскольку принимаемые в отношении осужденных решения не должны зависеть от субъективного мнения уполномоченного лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зырянов С. М. Пределы усмотрения в правоприменительной деятельности органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 72–77.
2. Нестеров П.Н. Административное усмотрение как детерминанта коррупции при исполнении наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 87-90.
3. Хотькина О. К. Личность преступника – сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего коррупционное преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2011. 201 с.

REFERENCES

1. Zyryanov S.M. Predely usmotreniya v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 7. S. 72 – 77.
2. Nesterov P.N. Administrativnoe usmotrenie kak determinanta korrupcii pri ispolnenii nakazanij // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 3 (21). S. 87 – 90.
3. Hot'kina O.K. Lichnost' prestupnika – sotrudnika ugovovno-ispolnitel'noj sistemy, sovershivshogo korrupcionnoe prestuplenie: dis. ... kand. yurid. nauk:12.00.08. Ryazan', 2011. 201 s.

Сведения об авторе: Уматкулова Регина Радиковна, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России.

e-mail: reginaum@mail.ru

About the author: Umatkulova Regina R., Postgraduate, the Ufa Law Institute of the MIF of Russia.

e-mail: reginaum@mail.ru

Статья получена: 06.11.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

343.2/7

DOI: 10.37973/KUI.2021.73.56.012

Л.Р. Хабибуллин

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С МАССОВЫМИ БЕСПОРЯДКАМИ

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF THE CRIMINAL JUSTICE RESPONSE TO MASS RIOTS

Введение: в статье рассматриваются вопросы повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками.

Материалы и методы: материалом исследования послужило современное уголовное законодательство России, в работе использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение и др.

Результаты исследования: автором проанализированы основные пути возможного повышения эффективности уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам, в том числе законодательное закрепление трактовки самого понятия «массовые беспорядки».

Обсуждение и заключения: сформулированы рекомендации по наиболее эффективному применению уголовно-правовой нормы, связанной с противодействием массовым беспорядкам.

Ключевые слова: массовые беспорядки, применение огнестрельного оружия, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, сопряженность с убийством.

Для цитирования: Хабибуллин Л.Р. Повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 76-80. DOI: 10.37973/KUI.2021.73.56.012

Introduction: the author discusses improving the effectiveness of the criminal justice response to mass riots.

Materials and Methods: the material was current criminal law of Russia, the author used general methods of research: analysis, synthesis, comparison etc.

Results: the author analyzed main ways of the possible upgrading of the improving the effectiveness of the criminal justice response to mass riots including the legal establishment of the interpretations of the concept "mass riots".

Discussion and Conclusions: the article presents recommendations for the effective usage of criminal law standards to combat mass riots.

Keywords: mass riots, use of firearms, differentiation of criminal responsibility, qualifying characteristics, conjunction with murder

For citation: Habibullin L.R. Improving the Effectiveness of the Criminal Justice Response to Mass Riots // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 76-80. DOI: 10.37973/KUI.2021.73.56.012

Введение

Проблемы борьбы с таким преступлением, как массовые беспорядки, являются весьма актуальными для российской социально-правовой и политической действительности, в которой имеют место как отдельные проявления религиозного экстремизма и национальной вражды, так и стихийные акции протеста в ответ на действия руководства страны по отношению к отдельным личностям. Все эти явления создают благоприят-

ную почву для массовых беспорядков, которые способны причинить существенный ущерб интересам государства и общества. Это обуславливает необходимость борьбы с данным преступлением. На наш взгляд, при разработке методик и направлений такой борьбы необходимо уделять особенное внимание уголовно-правовым механизмам, поскольку от того, насколько корректно сформулированы положения закона, зависит эффективность и правильность его применения.

Результаты исследования

Уголовная ответственность за массовые беспорядки в настоящее время установлена статьей 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹. Данная норма появилась в УК РФ не впервые, советское законодательство также считало массовые беспорядки преступными, но раньше это деяние считалось направленным против государственной власти, признавалось тяжким преступлением и, соответственно, каралось достаточно строго. При этом, как отмечает А.М. Багмет, отношение правоприменителей к массовым беспорядкам в СССР зачастую было продиктовано текущей политической ситуацией в стране [1]. В настоящее время подход законодателя изменился, и данное преступление входит в группу деяний против общественной безопасности вне зависимости от того, по какой причине такие беспорядки возникли. При этом как данная норма, так и практика ее применения вызывают многочисленные дискуссии в науке и практике по причине наличия ряда проблемных вопросов, которые однозначно нуждаются в решении с целью повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с анализируемым преступлением.

Одним из наиболее часто обсуждаемых недостатков законодательного регулирования уголовной ответственности за массовые беспорядки является фактическое отсутствие в УК РФ определения данного деяния. При ближайшем рассмотрении текста статьи 212 УК РФ видно, что речь идет о перечне действий (насилие, поджоги, погромы, применение оружия и т.д.), но не о раскрытии самой сущности массовых беспорядков, что может создать проблемы при применении нормы. В литературе встречаются самые разные точки зрения: так, А.И. Марцева считает, что массовые беспорядки имеют место, когда общественный порядок нарушен многими людьми [2], В.Н. Петрашев – что это преступление толпы людей [3], а В.Н. Кудрявцев полагает, что под таковым следует понимать нарушение толпой общественного порядка [4]. Встречаются также мнения, согласно которым массовые беспорядки – это посягательство на общественную безопасность, которое совершила большая группа людей [5], преступление массы людей, нарушающее общественную безопасность и могущее причинить тяжкие последствия [6]. А. Соловьев указывает, что массовыми беспорядками необходимо считать согласованные действия группы людей, которые грубо нарушают установленные законом правила поведения на определенной территории [7].

Как мы видим, все эти определения разными словами описывают практически одно и то же. Считаем, что необходимо разработать и ввести в УК РФ некую общую трактовку, позволяющую четко разграничить признаки массовых беспорядков от признаков иных преступлений и неправоприменения. За основу можно взять одно из расширенных определений массовых беспорядков, предлагаемое, например, А.И. Рарогом: нарушение основ общественной безопасности, которое совершается большой группой людей и может повлечь остановку нормальной работы государственных органов, связи, транспорта, уничтожение или повреждение имущества, а также причинить существенный ущерб правам и законным интересам граждан [8]. Заслуживает внимания и точка зрения А.М. Багмета, согласно которой в статью 212 УК РФ следует внести изменение, а именно после слов «организация массовых беспорядков» в диспозиции добавить слова «то есть незаконной деятельности большого количества людей» [9].

Интересны также мнения, высказываемые в научной литературе по поводу дополнения текста статьи 212 УК РФ рядом иных действий. Так, Ю.Н. Демидов считает, что в перечень действий, совершаемых при массовых беспорядках, необходимо включить также незаконное вторжение в чужое жилище или иное помещение [10], а Ю.И. Жих – принудительную остановку работы учреждений, предприятий, транспорта, а также организацию и осуществление массовых побегов лиц, заключенных под стражу или осужденных к лишению свободы [11]. Обе эти позиции, на наш взгляд, являются спорными, так как влекут необоснованное расширение текста статьи 212 УК РФ и, как следствие, ее усложнение для восприятия правоприменителем. При этом, как верно отмечают А.И. Якунин и С.В. Векленко, вторжение в помещение, а также принудительная остановка работы государственных учреждений, предприятий и транспорта сами по себе не являются преступными деяниями, хотя могут содержать в себе признаки административного правонарушения (например, если участники митинга заблокировали железнодорожные пути), а незаконное освобождение лиц, заключенных под стражу или находящихся в местах лишения свободы, напротив, является самостоятельным уголовно-наказуемым деянием, ответственность за которое установлена в статье 313 УК РФ [12]. Кроме этого, если следовать подобной логике, в вышеуказанный перечень

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

следует включить и многие другие преступления, которые также могут сопутствовать массовым беспорядкам, например, кражи, грабежи, разбои, убийства и т.д. Разумеется, мы понимаем, что такая ситуация на практике возможна, однако данные преступления не отражают суть массовых беспорядков как таковых, поэтому их включение в диспозицию статьи 212 УК РФ излишне.

В научной среде высказывается обоснованное мнение по поводу нелогичности наличия в статье 212 УК РФ таких действий, как уничтожение имущества при отсутствии упоминания повреждения имущества, а также неуказание его принадлежности, хотя речь должна идти только о чужом имуществе, поскольку российское законодательство не содержит ответственности за действия, связанные с уничтожением или повреждением лицом своего имущества.

Следует привести также верную, по нашему мнению, точку зрения А.И. Якунина и С.В. Векленко по поводу необходимости изменения наименования статьи 212 УК РФ по причине ее несоответствия содержанию, поскольку, как считают авторы, уголовная ответственность должна наступать не за сами массовые беспорядки, а за конкретные действия: их организацию, участие в них, призывы к таковым, и это должно быть отражено в норме УК РФ [12]. Кроме этого, отметим, что в части 3 статьи 212 УК РФ говорится об ответственности за призывы к насилию над гражданами, что не совсем подпадает под признаки массовых беспорядков, поскольку из текста буквально следует, что такие призывы может осуществлять и один гражданин. В связи с этим высказывается предложение изменить наименование статьи 212 УК РФ, изложив его в следующей редакции: «Организация массовых беспорядков, участие в них, а также призывы к массовым беспорядкам или к массовому насилию над гражданами», при этом подчеркнув массовый характер преступления, то есть причастность к нему многих людей.

Споры в науке и практике также ведутся по поводу обоснованности существующей в УК РФ дифференциации уголовной ответственности за массовые беспорядки. В уголовном праве общепринятой является точка зрения, согласно которой такая дифференциация может осуществляться на основании степени и характера общественной опасности, а также личности виновного, но основополагающим признаком должна стать именно степень общественной опасности, которая определяется признаками субъекта преступления, а также его объективной и субъективной стороны.

Статья 212 УК РФ разбита на части исходя из содержания деяний: организация массовых

беспорядков, вербовка, склонение и вовлечение лиц в такие действия, участие в массовых беспорядках или призывы к ним, прохождение лицом обучения в целях организации или участия в массовых беспорядках. При этом, анализируя законодательный опыт других стран, в частности, Молдовы, Литвы, Армении и Украины, можно отметить в их уголовных законах такие квалифицирующие признаки массовых беспорядков, как наступление последствий в виде гибели людей или других тяжких последствий и сопряженность с убийством. Включение их в российское уголовное законодательство представляется спорным, поскольку в этом случае возникнет вопрос об отношении виновного к таким последствиям (умысел или неосторожность), а также потребуются на уровне постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации закрепить правила о квалификации действий виновного по совокупности статей 212 и иных статей УК РФ. Кроме этого, вопрос о сопряженности преступлений в российском уголовном праве в целом является достаточно дискуссионным, многие авторы высказываются против употребления этого слова вообще, особенно применительно к такому особо тяжкому преступлению, как убийство, так как, по их мнению, формулировка «сопряженное с убийством» искусственно уменьшает общественную опасность последнего, а также создает сомнения в необходимости квалификации преступлений по совокупности, хотя в данном случае такой вариант является самым корректным [13].

Некоторые споры появляются в научной среде также по поводу придания признаку применения огнестрельного оружия, взрывных устройств или взрывчатых веществ статуса квалифицирующего, то есть отягчающего уголовную ответственность. Сейчас по ч. 1 ст. 212 УК РФ этот признак является альтернативным насилию, поджогам, уничтожению имущества и если он присутствует в действиях участника массовых беспорядков, однако с его стороны нет насилия или поджогов, то они все равно должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 212 УК РФ. Между тем мы согласимся с позицией С.В. Векленко и А.И. Якунина, согласно которой применение огнестрельного оружия при массовых беспорядках явно повышает их общественную опасность [12], однако если данный признак станет квалифицирующим, то вышеуказанные действия вообще не будут считаться преступными, так как квалифицирующий состав обязательно должен повторять и признаки основного (в данном случае поджог, насилие и т.д.). Получается, что предлагаемые изменения не будут способствовать повышению эффективности

уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками. Вместе с тем из сложившейся ситуации есть выход: учет наличия признака применения огнестрельного оружия уже в рамках судебного разбирательства и назначения наказания, тем более что санкции частей 1 и 2 статьи 212 УК РФ имеют достаточно широкий диапазон.

Обсуждение и заключения

Таким образом, нами проанализированы основные пути возможного повышения эффективности уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам. Среди них можно выделить законодательное закрепление трактовки самого понятия «массовые беспорядки», дополнение статьи 212 УК РФ таким действием, как повреждение имущества, и указание на принадлежность

имущества (чужое), указание в наименовании статьи 212 УК РФ на уголовную наказуемость организации массовых беспорядков, участия в них, а также призывов к массовым беспорядкам или к массовому насилию над гражданами. Спорными являются предложения по поводу дифференциации уголовной ответственности за массовые беспорядки путем введения таких квалифицирующих признаков, как сопряженность с убийством, наступление последствий в виде гибели людей или других тяжких последствий, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств. В целом все изменения должны вноситься с учетом текущей криминальной ситуации, а также только при условии детальной проработки их содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багмет А.М. Ретроспективный анализ уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам в Российской Федерации// Российский психологический журнал. 2012. № 3. С.7-12.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / подред. А. И. Марцева. Омск, 2000. 292 с.
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. 318 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М., 2005. 496 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. В. М. Лебедева. М., 2001. 736 с.
6. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Особенная часть. М., 2002. 946 с.
7. Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 8-12.
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2004. 722 с.
9. Багмет А.М. Массовые беспорядки как уголовно-правовое понятие// Власть и управление на востоке России. 2012. № 3(60). 124 с.
10. Демидов Ю.Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 1994. 84 с.
11. Жих Ю.И. Уголовная ответственность за групповое хулиганство: автореф. дис...канд. наук: 12.00.08. Волгоград, 1998. 28 с
12. Векленко С.В., Якунин А.И. Совершенствование уголовного законодательства в сфере регламентации ответственности за массовые беспорядки// Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. №1(27). 2012. С.7-12.
13. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. 100 с.

REFERENCES

1. Bagmet A.M. Retrospektivnyj analiz ugolovno-pravovogo protivodejstviya massovym besporyadkam v Rossijskoj Federacii// Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S.7-12.
2. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast': uchebnik / podred. A. I. Marceva. Omsk, 2000. 292 s.
3. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. V.N. Petrasheva. M., 1999. 318 s.
4. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' : uchebnik / pod red. V.N. Kudryavceva, V.V. Luneva, A.V. Naumova. M., 2005. 496 s.
5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskij kommentarij / pod red. V. M. Lebedeva. M., 2001. 736 s.
6. Ignatov A.N., Krasikov YU.A. Kurs rossijskogo ugolovnogo prava: v 2 t. Osobennaya chast'. M., 2002. 946 s.
7. Solov'ev A. Massovye besporyadki: organizaciya, uchastie, prizvyvy k nepodchineniyu // Rossijskaya yusticiya. 2000. № 7. S. 8-12.

8. Uголовное право России. СНасті Obshchaya і Osobennaya: uchebnik / pod red. A.I. Raroga. M., 2004. 722 s.
9. A.M. Bagmet. Massovye besporyadki kak ugovolno-pravovoe ponyatie// Vlast' і upravlenie na vostoке Rossiі. 2012. № 3 (60). 124 s.
10. Demidov YU.N. Massovye besporyadki: ugovolno-pravovoj і kriminologicheskij aspekty. M., 1994. 84 s.
11. ZHih YU.I. Ugovolnaya otvetstvennost' za gruppovoe huliganstvo: avtoref. dis...kand. nauk: 12.00.08. Volgograd, 1998. 28 s
12. S.V. Veklenko, A.I. YAkunin. Sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatel'stva v sfere reglamentacii otvetstvennosti za massovye besporyadki// Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossiі. № 1 (27). 2012. S.7-12.
13. Kruglikov L.L., Vasil'evskij A.V. Differenciaciya otvetstvennosti v ugovolnom prave. SPb., 2003. 100 s.

Сведения об авторе: Хабибуллин Линар Ринатович, старший преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России
e-mail: linar-7771@mail.ru

About the author: Habibullin Linar R., Senior Lecturer at the Department of Tactical and Weapons Practice of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: linar-7771@mail.ru

Статья получена: 09.02.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

А.З. Шерпеева

**НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**SOME SOCIAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS
OF CRIMINALS WHO COMMIT TRAFFIC CRIMES**

Введение: в статье рассматриваются социально-демографические характеристики лиц, совершающих дорожно-транспортные происшествия: пол, возраст, образовательный уровень, род деятельности, водительский стаж, гражданство и некоторые иные. Подчеркивается значимость таких характеристик для организации предупредительной работы по рассматриваемым преступлениям.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический и социологический методы. Также применялись специально-криминологические методы исследования: анализ уголовно-правовой статистики, изучение уголовных дел, опрос преступников. В частности, основу исследования составляют результаты изучения автором уголовных дел по дорожно-транспортным преступлениям и результаты проведенного анкетирования лиц, совершивших названные преступления, за период с 2016 по 2020 гг.

Результаты исследования: проведен анализ социально-демографических характеристик преступников, совершивших дорожно-транспортные преступления, в том числе в сравнении с социально-демографическими характеристиками других категорий преступников и законопослушных граждан (водителей транспортных средств); выявлены их отличительные особенности.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что в последние годы социально-демографические характеристики дорожно-транспортных преступников меняются: увеличивается количество женщин, лиц молодого возраста, лиц с высшим образованием, иностранных граждан.

Ключевые слова: личность преступника; дорожно-транспортные преступления; криминологическая характеристика личности дорожно-транспортного преступника; социально-демографические свойства и качества личности дорожно-транспортного преступника.

Для цитирования: Шерпеева А.З. Некоторые социально-демографические характеристики преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1. С. 81-85. DOI: 10.37973/KUI.2021.19.52.013

Introduction: the article examines the social and demographic characteristics and qualities of persons who commit road traffic crimes, such as gender, age, educational level, occupation, driving experience, etc. The importance of such properties and qualities for the organization of preventive work on the considered crimes is emphasized.

Materials and Methods: in the course of the work on the article, comparative legal, system-structural, statistical and concrete sociological methods were used. The materials were the results of the study of criminal cases on road traffic crimes and the results of the survey of persons who committed these crimes for the period from 2016 to 2020.

Results: the analysis of the socio-demographic characteristics and qualities of criminals who have committed road traffic crimes, including in comparison with the socio-demographic characteristics of other categories of criminals and law-abiding citizens (drivers of vehicles); their distinctive features are revealed.

Discussion and Conclusions: the study shows that in recent years, the socio-demographic characteristics of road traffic criminals have changed in a certain way, in particular, the number of women, young people, people with higher education, and foreign citizens increase traffic crimes.

Keywords: criminal personality; road transport crimes; criminological characteristics of the road transport criminal personality; socio-demographic properties and qualities of the road transport criminal personality

For citation: Sherpeeva A.Z. Some Social and Demographic Characteristics of Criminals who Commit Traffic Crimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. V.12, No 1. P. 81-85. DOI 10.37973/KUI.2021.19.52.013

Введение

Изучая любой вид преступности, криминолог всегда сталкивается с проблемой личности тех, кто совершает преступления. Не зная особенностей личности преступника, невозможно эффективно осуществлять предупреждение преступности и профилактическое воздействие на лиц, совершающих преступления (как их совершивших, так и потенциальных преступников). Е.Б. Кургузкина справедливо отмечает, что изучение личности преступника – не самоцель. Для криминологии оно необходимо в целях разработки возможных путей, форм, способов воздействия на этих людей для изменения их негативных социальных ориентаций, правосознания, интересов и устремлений [1, с. 5].

Обзор литературы

Проблема личности преступника в теории криминологии изучена достаточно полно и глубоко. Следует назвать работы таких ученых, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, В.Н. Бурлаков, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев, Е.Б. Кургузкина, В.В. Лунеев, В.Э. Эминов и многих других. При этом следует отметить, что работ, посвященных изучению особенностей личности дорожно-транспортных преступников, в криминологии сравнительно мало, что и явилось основанием для выбора темы статьи.

Материалы и методы

В целях изучения личности дорожно-транспортных преступников нами изучались уголовные дела по преступлениям, предусмотренным статьями 264, 261.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), рассмотренным судами Ставропольского, Краснодарского края, Московской, Саратовской и других областей страны за период 2016-2020 гг.; проводился опрос осужденных за указанные преступления, отбывающих наказание в исправительных учреждениях в названных субъектах РФ.

Результаты исследования

В рамках криминологического исследования личности преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления, рассмотрим более подробно социально-демографические характеристики.

Ученые-социологи к социально-демографическим показателям населения страны относят пол, возраст, национальность, уровень образования,

занятость, профессию, брачный состав (семейное положение) [2, с. 32]. В криминологии также определяют социально-демографические свойства и качества, или характеристики личности преступника. Как отмечал Н.Н. Кондрашков, по этим признакам можно сравнивать состав населения с составом преступников или состав преступников с отдельными (в том числе контрольными) группами населения страны, устанавливать определенные связи, зависимости изменений состава преступников от социально-демографических изменений в обществе, использовать результаты исследований для криминологического прогнозирования и разработки мер предупреждения преступности [3, с. 147].

Следует также отметить еще один, на наш взгляд, немаловажный аспект, связанный с изучением социально-демографических характеристик личности преступников. Он заключается в том, что именно социально-демографические свойства и качества демонстрируют «вклад» отдельных групп населения страны в преступность, то есть дают основания предположить, какие категории населения более подвержены совершению преступлений. Кроме того, социально-демографические признаки личности преступника являются более объективными и легче выявляемыми, в отличие от «внутренних», субъективных (мотивов, целей преступного поведения), истинность которых преступник нередко пытается скрыть или завуалировать. Поэтому такие признаки личности преступника и изучаются в первую очередь.

Важнейшей социально-демографической характеристикой личности является ее пол. На протяжении последних лет статистические данные свидетельствуют о преобладании в структуре населения страны лиц женского пола. Среди преступников ситуация иная, что подтверждается статистическими данными. Например, в 2020 году среди выявленных преступников доля женщин составила всего 16,0% [4, с. 55].

По лицам, совершающим дорожно-транспортные преступления, ситуация несколько отличается. Как отмечает И.А. Гумеров, доля женщин среди дорожно-транспортных преступников всего 2% [5, с. 13]. Но с момента исследования И.А. Гумерова прошло более пятнадцати лет и ситуация в стране изменилась, в том числе увеличилось

количество женщин-водителей. Так, согласно отдельным данным, в 2019 году количество водителей женщин составило 3 млн человек, хотя количество мужчин традиционно во много раз больше и составило почти 32 млн¹. Таким образом, по нашим подсчетам удельный вес водителей мужчин и женщин в стране в настоящее время составляет 90,6% и 9,4% соответственно.

Согласно результатам нашего исследования, женщины, совершившие дорожно-транспортные преступления, составляют 5%, по сравнению с 95% мужчин, являющихся дорожно-транспортными преступниками. Женщины-водители более осторожны, осмотрительны, реже употребляют спиртные напитки и управляют транспортными средствами в состоянии опьянения.

Не менее важной социально-демографической характеристикой личности преступника является его возраст. Важность возраста объясняется тем, что, во-первых, лишь с определенного возраста возможна уголовная ответственность для индивида, во-вторых, именно возраст определяет многие иные свойства и качества преступника, например, его образование, род деятельности, психологические особенности и, конечно же, характер преступного поведения.

Возраст преступника, как отмечает В.О. Касимов, – это криминологически значимая количественно-качественная характеристика преступника, определяющая уровень его физического, социально-психологического развития и иные личностные свойства и качества, влияющая на его криминальную активность, характер и направленность преступного поведения и, как следствие, на выбор мер предупредительного воздействия на него [6, с.10].

Криминологические исследования на протяжении многих лет фиксируют устойчивую статистическую зависимость характера совершаемых преступлений от возраста преступника: большую часть преступников составляют лица молодого и среднего возраста, то есть наиболее активная и работоспособная часть населения страны; каждой (или почти каждой) возрастной группе соответствуют определенные показатели распространенности и направленности посягательств, степени устойчивости преступного поведения и другие особенности преступных проявлений [3, с.158].

Если обратиться к официальным статистическим данным, то они дают основание утверждать,

что основную массу лиц, совершивших преступления, составляют преступники в возрасте 30-49 лет (53,6%), а несовершеннолетние всего 4,3%².

Исследователи, занимавшиеся изучением дорожно-транспортных преступлений, также отмечают, что чаще всего их совершают лица молодого возраста, так как они часто проявляют склонность к риску, азарту, лихачеству, управлению транспортным средством в состоянии опьянения [7, с. 356]. Наше исследование частично это подтверждает. Так, опрошенные нами лица, совершившие дорожно-транспортные преступления, по возрасту распределились следующим образом: несовершеннолетние (16-17 лет) – 1,0%; 18-24 г – 14,0%; 25-35 л – 29,5%; 36-45 л – 24,0%; 46-55 л – 16,0%; 56-64 г – 10,5%; лица старше 65 лет – 5,0%. Таким образом, наиболее криминогенно активны (в плане совершения дорожно-транспортных преступлений) лица в возрасте 25-35 лет и 36-45 лет, то есть лица наиболее активного и трудоспособного возраста. Их удельный вес в совокупности составил 53,5%.

Наши данные в целом коррелируют с результатами других исследований. Так, согласно данным А.А. Смирнова, наибольшая доля дорожно-транспортных преступников (45%) – это лица в возрасте от 26 до 40 лет [8, с. 138]. Небольшой удельный вес среди изученных лиц несовершеннолетних преступников (1,0%) объясняется тем, что ответственность за дорожно-транспортные преступления предусмотрена с 16 лет, а также тем, что право управления автотранспортным средством предоставлено гражданам с 18 лет.

Для изучения личности преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления, необходимы сведения о роде деятельности таких лиц. Можно отметить характерную особенность, заключающуюся в том, что среди преступников в последние годы преобладают лица, которые на момент совершения преступления не работали или не учились, или, как фиксирует официальная уголовно-правовая статистика, не имеют постоянного источника дохода. В 2020 году удельный вес таких лиц составил 63,9%, из них 0,9% – официальные безработные [4, с.55].

По лицам, совершающим дорожно-транспортные преступления, ситуация иная. Так, согласно результатам нашего исследования, лица, не занятые никакой общественно полезной деятельностью (которые официально не работали и не учились), составили всего 20%; лица, которые

¹ Путилин В. Женщины за рулем. Немного статистики и опровержений их аккуратности // <https://www.masculist.ru/blogs/post-2530.html> (дата обращения 2.05.2020).

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения 14.10.2020).

трудилась, составили основную массу опрошенных, то есть 67%, из них 35 % являлись профессиональными водителями. Пенсионеры составили 7% опрошенных, учащиеся и студенты – 6%.

Интересными с точки зрения предупреждения дорожно-транспортных преступлений являются данные о водительском стаже лиц, совершивших такие преступления. Основная масса водителей, совершивших дорожно-транспортные преступления (из числа опрошенных нами), имели значительный стаж вождения транспортного средства (54,5%): 19,5% – от 5 до 10 лет, а 36,0% – более 10 лет. Это обстоятельство может свидетельствовать, что многие лица, совершающие указанные преступления, имея опыт и стаж вождения, иногда сознательно игнорируют правила дорожного движения в силу завышения своих водительских возможностей или по причине того, что не желают анализировать дорожную ситуацию и предвидеть возможные негативные последствия нарушения правил дорожного движения.

Не менее интересны также сведения о преступниках-водителях и транспортных средствах. Установлено, что основная масса (67,5%) преступников управляла легковым автомобилем; 9,5% – грузовым; 10,0% – мотоциклом; 8% – автобусом; 3,5% – трамваем или троллейбусом; 1,5% – иным транспортным средством.

Важнейшей характеристикой любой личности является ее образовательный уровень. Это связано с тем, что более высокий уровень образования способствует формированию такого круга интересов, потребностей, правил поведения, привычек, которые не противостоят общественным, помогают вырабатывать правомерные формы и способы реагирования на конфликтные ситуации и неблагоприятную обстановку. И наоборот, низкий уровень образования, как правило, не способствует, а иногда и препятствует формированию общественно полезных интересов, привычек, правил поведения, облегчает возникновение конфликтных ситуаций [3, с.166].

Согласно результатам нашего исследования, только 20,0 % лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, имели высшее образование. Основная же масса изучаемых

преступников характеризовались средним образовательным уровнем (64,0 %).

В ходе исследования были выявлены лица, имеющие достаточно низкий образовательный уровень. Так, 16,0 % преступников имели неполное среднее образование.

Следует также рассмотреть еще один социально-демографический признак личности преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления, – их гражданство. На протяжении многих лет среди преступников преобладают граждане России. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. Так, в 2020 году иностранными гражданами было совершено лишь 3,3% всех зарегистрированных в стране преступлений, основная масса преступников – граждане из стран СНГ [4, с. 57]. Согласно официальным данным, количество иностранных граждан, совершивших ДТП в России, составляет более 6%, причем с каждым годом их количество увеличивается [9, с. 6].

Согласно результатам нашего исследования, иностранные граждане среди изученных преступников составили всего 2,1%. Большую часть составляют граждане стран СНГ, работающие водителями пассажирских и грузопассажирских такси.

Обсуждение и заключения

Таким образом, проведенное исследование социально-демографических характеристик лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, свидетельствует, что среди них преобладают лица мужского пола в возрасте 25-35 лет, работающие, со средним образовательным уровнем, в большинстве случаев управляющие легковым автомобилем, являющиеся гражданами Российской Федерации. Следует отметить, что на протяжении времени социально-демографические характеристики дорожно-транспортных преступников меняются: в частности, среди них увеличивается количество женщин, лиц с высшим образованием, иностранных граждан.

Знание социально-демографических характеристик изучаемых преступников необходимо для организации и осуществления предупредительной работы по указанной категории преступлений, осуществления индивидуально-профилактического воздействия на лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. 59 с.
2. Антонова Н.Л. Демография: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. 154 с.
3. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М.: Юридическая литература, 1971. 181 с.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года: стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. 66 с.

5. Гумеров И.А. Криминологическая характеристика преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и его предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2004. 31 с.
6. Касимов В.О. Возраст преступника как криминологическая проблема: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2018. 231 с.
7. Юрпалова Д.Н. Криминологическая характеристика личности женщины, совершившей дорожно-транспортное преступление // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 355-358.
8. Смирнов А.А. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия дорожно-транспортным преступлениям: ст. 264 УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2004. 152 с.
9. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2018 год. М.: НЦ БДД МВД России, 2018. 18 с.

REFERENCES

1. Kurguzkina E.B. Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individual'noj profilaktiki prestuplenij: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. M., 2003. 59 s.
2. Antonova N.L. Demografiya: ucheb. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2014. 154 s.
3. Kondrashkov N.N. Kolichestvennyye metody v kriminologii. M.: YUridicheskaya literatura, 1971. 181 s.
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2020 goda: stat. sb. M.: GIAC MVD Rossii, 2021. 66 s.
5. Gumerov I.A. Kriminologicheskaya harakteristika prestupnogo narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatacii transportnyh sredstv i ego preduprezhdenie: avtoref. dis ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Kazan', 2004. 31 s.
6. Kasimov V.O. Vozrast prestupnika kak kriminologicheskaya problema: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Saratov, 2018. 231 s.
7. YUrpalova D.N. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti zhenshchiny, sovershivshej dorozhno-transportnoe prestuplenie // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 5. S. 355-358.
8. Smirnov A.A. Kriminologicheskaya harakteristika i ugolovno-pravovye mery protivodejstviya dorozhno-transportnym prestupleniyam: st. 264 UK RF: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. SPb., 2004. 152 s.
9. Dorozhno-transportnaya avarijnost' v Rossijskoj Federacii za 2018 god. M.: NC BDD MVD Rossii, 2018. 18 s.

Данные об авторе: Шерпеева Алина Заурбековна, аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии.

e-mail: alinasherpeeva@gmail.com

About the author: SHerpeeva Alina Z., post-graduate student of the Department of prosecutorial supervision and criminology of the Saratov state law Academy.

e-mail: alinasherpeeva@gmail.com

Статья получена: 20.02.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

УДК 351.741

DOI: 10.37973/KUI.2021.89.96.014

Р.Р. Алиуллов

**О ВНЕДРЕНИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ЭЛЕКТРОННОГО
ФОРМАТА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

**ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN CONDUCTING INVESTIGATIONS
IN ELECTRONIC FORMAT**

Введение: статья посвящена рассмотрению организационных и правовых аспектов деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан, осуществляющих расследование уголовных дел в электронном формате.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составила правовая база Республики Казахстан, регламентирующая деятельность правоохранительных органов, осуществляющих расследование уголовных дел в электронном формате (государственные программы, законы, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, ведомственные акты). Методологическую основу исследования составляет общенаучный диалектический метод познания закономерностей объективных явлений и процессов реальной действительности, имеющих место в сфере деятельности правоохранительных органов, в том числе по вопросам расследования уголовных дел. Вместе с тем в процессе исследования использовалась совокупность общенаучных и частнонаучных методов, таких как сравнение, анализ, синтез, формально-логический, структурно-функциональный методы.

Результаты исследования: проведено исследование деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан, осуществляющих расследование уголовных дел в электронном формате; сформулирован ряд предложений по совершенствованию правового механизма указанной деятельности.

Обсуждение и заключения: автор пришел к выводу, что механизм, алгоритм и специфика деятельности правоохранительных органов в рамках досудебного расследования уголовных дел в электронном формате представляют интерес для России и могут быть внедрены в практику деятельности российских правоохранительных органов.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, Республика Казахстан, расследование преступлений, правовой механизм, электронный формат расследования, электронное уголовное дело.

Для цитирования: Алиуллов Р.Р. Деятельность правоохранительных органов республики казахстан, осуществляющих расследование уголовных дел в электронном формате // // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 86-91. DOI: 10.37973/KUI.2021.89.96.014

Introduction: the article is devoted to the review of the activities of the law enforcement agencies of the Republic of Kazakhstan that investigate criminal cases in electronic format.

Materials and Methods: the material basis of the study was normative legal base of the Republic of Kazakhstan, regulating the activities of law enforcement authorities conducting an investigation in electronic format (government programs, laws, Criminal Procedure Code of Kazakhstan, acts).

The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method of cognition of the laws of objective phenomena and processes of reality. In the course of the study, a set of general scientific and specific scientific methods was used, such as comparison, analysis, synthesis, formal-logical, structural-functional.

Results: a study of the activities of law enforcement agencies of the Republic of Kazakhstan that investigate criminal cases in electronic format was conducted; a number of proposals for improvement the legal mechanism of this activity was formulated.

Discussion and Conclusions: the author came to the conclusion that the mechanism, algorithm and specifics of the activities of law enforcement agencies in pre-trial investigation of criminal cases in electronic format is of interest to Russia and might be put into police practice.

Key words: law enforcement activity, Republic of Kazakhstan, investigation of crimes, legal mechanism, electronic format of investigation, electronic criminal case

For citation: Aliullov R.R. Activities of Law Enforcement Agencies of the Republic of Kazakhstan Conducting Investigations In Electronic Format // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 86-91. DOI: 10.37973/KUI.2021.89.96.014

Введение

В последние годы Республика Казахстан динамично и устойчиво развивается по всем направлениям общественной и государственной сферы деятельности, что способствует повышению уровня и качества жизни жителей республики. Наиболее ощутимых результатов, по сравнению с постсоветскими республиками, Республика Казахстан добилась в сфере внедрения современных информационно-телекоммуникационных систем.

Нельзя также не отметить, что существенно преобразилась и правоохранительная сфера данной страны, и особенно в результате внедрения цифровых технологий, позволяющих выйти на принципиально иной качественный уровень реализации многих правоохранительных задач в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, предупреждения преступлений и правонарушений, а также расследования уголовных дел.

В настоящее время в Республике Казахстан оптимизирована система регистрации заявлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях, функционирует Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР)¹.

В 2015 г. в деятельность правоохранительных органов Республики Казахстан была внедрена Система информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов², позволяющая в режиме реального времени в соответствии с законодательством получать информацию для уголовного и административного производства. Указанная Система информационного обмена формируется за счет свободного обмена необходимой информацией между всеми правоохранительными органами, в том числе органами внутренних дел, прокуратуры, иными органами правоохранительной на-

правленности; органами исполнительной власти Республики Казахстан, а также органами государственной власти и управления на муниципальном уровне.

В декабре 2017 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан³ (далее – УПК РК) внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате⁴; также приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 утверждена «Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» (далее – Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан)⁵.

При этом перспективы перевода стадии расследования преступлений в электронно-цифровой формат на протяжении последнего десятилетия являются одними из наиболее обсуждаемых, в том числе и на страницах научных публикаций.

Обзор литературы

Вопросы организации деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан, осуществляющих расследование уголовных дел в электронном формате, получили устойчивую правовую базу и закрепились в нормативных правовых актах: приказе Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате», приказе Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» и др.

Результаты исследования

В ходе анализа правовых основ, принципов, форм и методов внедрения электронного формата расследования уголовных дел в деятельность пра-

¹ Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19.09.2014 № 89 (ред. от 02.07.2020) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 12.01.2021).

² Об утверждении правил использования системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 22.12.2015 № 151 // Казахстанская правда. 2016. № 138 (28264).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 07.07.2020) // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

⁴ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности: закон Республики Казахстан от 21.12.2017 № 118-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. № 245 (28624).

⁵ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 03.01.2018 № 2 // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2018. (дата обращения: 12.01.2021).

воохранительных органов Республики Казахстан мы уделили особое внимание вопросам использования электронных технологий в сфере расследования преступлений на самом раннем этапе получения первоначальной информации о совершенных уголовных правонарушениях.

Система электронной регистрации информации об уголовных правонарушениях была призвана, во-первых, перейти к практике тотальной регистрации всей информации об уголовных правонарушениях, во-вторых, заметно сократить сроки между фактом совершенного уголовного правонарушения и началом производства по нему досудебного расследования; в-третьих, существенно снизить риски укрытия фактов уголовных правонарушений от учета. Действительно, как справедливо отмечается в юридической литературе, регистрационная дисциплина в сфере правоохранительной деятельности является значимым фактором, поскольку «нее начинается соблюдение законности, реализация прав граждан на доступ к правосудию, она является одним из правовых средств разрешения проблемы укрытия преступлений от учета [1]. Так, согласно подпункту 4 пункту 1 приказа Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований (далее – Приказ Генпрокурора РК № 89), укрытое уголовное правонарушение – это уголовный проступок или преступление, по которому, несмотря на наличие поводов к началу досудебного расследования, предусмотренных статьей 180 УПК РК, не приняты меры к регистрации его в ЕРДР¹.

Данное определение имеет расхождение с текстом Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), где в ст. 433 регламентируется уголовная ответственность за укрытие уголовного правонарушения, при этом не только указывается факт укрытия от регистрации, но и упоминаются и случаи уничтожения или сокрытия любым иным способом обращения об уголовном правонарушении².

Таким образом, наблюдается ограничительная конструкция в ведомственной инструкции, которая не соответствует положениям кодифицированного закона, имеющего большую юридическую силу. Однако в данном случае имеет место,

скорее, «отставание» уголовного закона от изменений, связанных с учетно-регистрационной дисциплиной в системе досудебного производства по уголовным делам.

В данном контексте следует рассмотреть электронное расследование в совокупности с уголовно-процессуальной формой, так как электронное расследование преступлений входит в объединяющее понятие уголовно-процессуальной формы. В данном контексте уголовно-процессуальная форма представляет собой процесс эволюции уголовного судопроизводства, в рамках которого происходит постепенное «отмирание» менее эффективных процедур, апробация и внедрение оптимальных вариантов регламентации и осуществления. Таким образом, теоретическая конструкция «уголовно-процессуальная форма» может быть должным образом определена исключительно в рамках тех законодательных предписаний, которые имеют место к настоящему моменту. В данном случае следует отталкиваться от такой своеобразной практической гипотезы (которая, безусловно, относительна, но на текущий период времени должна составлять аксиому уголовного процесса), что закон концентрирует в себе наиболее эффективные сочетания процессуальных действий, решений и сроков, имеющихся к данному времени. Назначение электронного формата досудебного расследования в первую очередь должно служить более эффективной реализации существующих уголовно-процессуальных форм.

Отдельное внимание стоит уделить правовому механизму данной правоохранительной деятельности, и прежде чем перейти к оценке правового механизма деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, необходимо обратиться к общетеоретическому понятию «правовой механизм». Следует признать, что термин «правовой механизм» не получил широкого распространения и не является устоявшимся применительно к анализируемому явлению. В юридической литературе преимущественно исследуются правовые механизмы в той или иной сфере общественных отношений, нежели общее понятие данного явления. По мнению М.В. Пономарева, правовой механизм представляет собой сложную, отлаженную систему [2], то же самое можно сказать и про правовой механизм деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате.

¹ Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 (ред. от 02.07.2020) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 12.01.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 07.07.2020 г.) // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

Однако проведенный анализ нормативной правовой базы, связанной с цифровизацией правоохранительной деятельности в Республике Казахстан¹, свидетельствует, что в настоящее время отсутствует легальное указание на полное электронно-цифровое оформление стадии досудебного расследования, а фрагментарность упоминания понятия «электронный документ» в настоящее время не дает полного представления обо всех особенностях досудебного расследования в электронном формате, что в конечном итоге может негативно отразиться на всей стадии досудебного расследования уголовных дел в электронном формате.

Как указывают исследователи специфических признаков уголовно-процессуальных норм, «процесс применения уголовно-процессуальных норм подразделяется на этапы (стадии): а) установления обстоятельств уголовного дела, вызывающих необходимость применения тех или иных уголовно-процессуальных норм (их групп); б) выбора основанных на правильном уяснении содержания применительно к установленным обстоятельствам уголовного дела уголовно-процессуальных норм (их групп) и в) принятия процессуальных решений с их процессуальным оформлением и доведением их содержания до конкретных адресатов-участников соответствующих уголовно-процессуальных отношений» [3]. Таким образом, правоохранительная деятельность (в контексте уголовно-процессуальной деятельности) в необходимом порядке требует высокой степени упорядоченности, последовательности совершаемых действий, а также оснований для их совершения и принятия соответствующих организационных решений.

Очевидно, именно по причине того, что нередко в законодательстве имеет место интерпретационный характер уяснения его сущности и применения, исследователи приводят перечень случаев, когда ограничительное и расширительное толкование норм следует признать недопустимым: «распространительное толкование норм, регламентирующих основания применения мер процессуального принуждения; распространительное толкование положений, составляющих исключения из общего правила, касающи-

ся как ограничений прав и свобод участников уголовного судопроизводства, так и их дополнительных гарантий; распространительное и ограничительное толкование норм, формирующих процессуальную форму (порядок) собирания доказательств; ограничительное толкование конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства» [4]. Присоединяясь к мнению процитированного автора, необходимо обратить внимание на тот факт, что, как минимум, в вопросах сбора доказательств в ранее приведенных примерах несоответствия предписаний законодательства введенному в оборот электронному формату досудебного расследования имеет место применение аналогии (то есть фактически расширительного толкования уголовно-процессуальных норм).

Так, в частности, протоколы следственных действий являются одним из наиболее значимых источников доказательств по уголовному делу. Соответственно, учитывая то, что традиционно к протоколу предъявляются достаточно жесткие требования относительно реквизитов, правил и порядка составления, ознакомления, подписания (ст. 199 УПК РК), указание на возможную электронную форму данного процессуального документа непосредственно в ст. 199 УПК РК представляется обязательным.

В отношении сроков досудебного расследования, принципа «разумного срока» следует отметить, что электронный формат досудебного расследования в деятельности правоохранительных органов в актуальном варианте правовой регламентации представляет собой существенный ресурс, состоящий из связанных между собой элементов технической оптимизации процедур, которые ускорить при производстве расследования в бумажном формате было затруднительно.

Несколько сложнее обстоит дело с обеспечением принципа состязательности сторон в ходе досудебного расследования, предусмотренного ст. 23 УПК РК «Осуществление производства на основе состязательности и равноправия сторон», в соответствии с которой гарантируются равные возможности сторон отстаивать свою позицию в суде. При этом указывается, что стороны избирают в ходе уголовного судопроизводства свою

1 См.: Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых Указов Президента Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636 // Казахстанская правда. 2018. № 35 (28664); Об утверждении Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019 – 2021 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2018 г. № 897 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000897/> (дата обращения 06.06.2019); Государственная программа «Цифровой Казахстан»: постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827/info> (дата обращения: 02.06.2020); Об информатизации: закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V // Казахстанская правда. 2015. № 227 (28103); Об электронном документе и электронной цифровой подписи: закон Республики Казахстан от 7 января 2003 г. № 370-II // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 1–2 Ст. 1 и др.

позицию, способы и средства ее отстаивания самостоятельно и независимо от суда, других органов и лиц.

Принцип состязательности, как и принцип «разумного срока», является одним из наиболее исследуемых (закономерно предположить, что функционирование электронного формата досудебного расследования приведет к появлению новых изысканий в рамках данного вопроса). Так, в частности, исследователи данного принципа указывают, что «содержание принципа состязательности сторон составляет совокупность следующих основных элементов: наличие независимого суда, наличие сторон обвинения и защиты, процессуальное равноправие (равенство) сторон перед судом, соперничество сторон в правовом споре по уголовному делу... следователь и дознаватель в рамках обеспечения реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса выполняют не только функцию обвинения, но и функцию предварительного расследования» [5]. Также исследователи указывают, что, несмотря на то, что принцип состязательности фактически имеет «сквозной» характер для всех стадий судопроизводства, на стадиях досудебного и судебного производства по уголовному делу реализован не в одинаковом объеме. На досудебных стадиях он носит ограниченный характер и наиболее полно проявляет себя в процедуре судебного обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц стороны обвинения, а также при осуществлении судом контрольных полномочий за производством процессуальных действий, наиболее существенным образом затрагивающих конституционные права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [6].

Следует отметить, что принцип состязательности требует усиления гарантий в связи с тем, что, во-первых, следует признать его более слабую выраженность в досудебных стадиях; во-вторых, ресурсы для получения доказательств по делу у стороны обвинения являются более обширными, чем у стороны защиты, и в связи с этим в ходе досудебного расследования должностные лица органов уголовного преследования должны не только формировать позицию обвинения, но и обеспечивать всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств. Однако данные вопросы относятся к «материальной части» обеспечения принципа состязательности сторон. По мнению автора, введенный электронный формат досудебного расследования в действующем варианте регламентации создает дополнительные сложности в обеспечении данного принципа, причем изначально «технический» характер неравенства в итоге будет отражаться и на неравенстве в процессуальном выражении.

Обсуждение и заключения

Таким образом, механизм, алгоритм и специфика деятельности правоохранительных органов в рамках досудебного расследования уголовных дел в электронном формате, безусловно, представляют интерес для России. Передовой опыт использования цифровых технологий в деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан в настоящее время может быть использован в России в рамках отдельных пилотных проектов на базе субъектов РФ. В случае получения положительных результатов можно будет рассмотреть вопрос о повсеместном внедрении данных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сиверская Л.А. Регистрация сообщения о преступлении: новеллы нормативно-правового регулирования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 349 – 350.
2. Пономарев М.В. Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 106–110.
3. Шушанова Т.В. Применение уголовно-процессуальных норм: концептуальные основы: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2011. С. 9
4. Румянцева Ю.Е. Официальное толкование норм уголовно-процессуального права: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2008. С. 9
5. Сардарян Н.Т. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2010. С. 8.
6. Дадонов С.В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2003. С. 9.

REFERENCES

1. Siverskaya L.A. Registraciya soobshcheniya o prestuplenii: novelty normativno-pravovogo regulirovaniya // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2011. № 3. S. 349 – 350.
2. Ponomarev M.V. Pravovoj mekhanizm ekologicheskogo audita // ZHurnal rossijskogo prava. 2010. № 8. S. 106 – 110.

3. SHushanova T.V. Primenenie ugovovno-processual'nyh norm: konceptual'nye osnovy: avtoref. dis... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2011. S. 9.
4. Romyanceva YU.E. Oficial'noe tolkovanie norm ugovovno-processual'nogo prava: avtoref. dis...kand. yurid nauk: 12.00.09. Ekaterinburg, 2008. S. 9.
5. Sardaryan N.T. Realizaciya principa sostyazatel'nosti na dosudebnyh stadiyah ugovovnogo processa: avtoref. dis...kand. yurid nauk: 12.00.09. M., 2010. S. 8.
6. Dadonov S.V. Realizaciya principa sostyazatel'nosti na dosudebnyh stadiyah ugovovnogo processa Rossii: avtoref. dis... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2003. S. 9.

Об авторе: Алиуллов Рашид Рахимуллович, доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России,
e-mail: vestnikkui@mail.ru

About the authors: Aliullov Rashid R., Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia,
e-mail: vestnikkui@mail.ru

Статья получена: 10.02.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

УДК - 343.985

DOI: 10.37973/KUI.2021.60.74.015

Р.Г. Амиров

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ
МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ**

**METHODS OF INVESTIGATION
OF GRIEVOUS BODILY HARM BY MEDICAL PERSONNEL**

Введение: статья посвящена анализу методики расследования причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного медицинскими работниками.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет общенаучный диалектический метод познания закономерностей объективных явлений и процессов реальной действительности, имеющих место в сфере деятельности правоохранительных органов, в том числе по вопросам расследования уголовных дел. В процессе исследования использовалась совокупность общенаучных и частнонаучных методов, таких как сравнение, анализ, синтез, формально-логический, структурно-функциональный.

Результаты исследования: выявлены типичные следственные ситуации при расследовании причинения тяжкого вреда здоровью медицинскими работниками.

Обсуждение и заключения: предложен алгоритм следственных действий для расследования причинения тяжкого вреда здоровью медицинскими работниками.

Ключевые слова: расследование, тяжкий вред здоровью, медицинские работники, алгоритм расследования, следственные ситуации.

Для цитирования: Амиров Р.Г. Проблемные вопросы расследования причинения тяжкого вреда здоровью медицинскими работниками // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 92-97. DOI: 10.37973/KUI.2021.60.74.015

Introduction: the article deals with the analysis of the methods of investigation of infliction of grievous bodily harm committed by medical workers.

Materials and Methods: the methodology of the study was general scientific method of cognition of laws of objective phenomena and reality that come around in law enforcement agency activity including crime investigation. The author used general and specific research methods such as comparison, analysis, synthesis, special logical, structural and functional.

Results: the author figured out typical investigational situations when investigating infliction of grievous bodily harm committed by medical workers.

Discussion and Conclusions: the author worked out algorithm to investigate infliction of grievous bodily harm committed by medical workers.

Keywords: investigation, grievous bodily harm, medical workers, investigational algorithm, investigational situations

For citation: Amirov R.G. Infliction of Grievous Bodily Harm Committed by Medical Workers: Issues of Concern // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 92-97. DOI: 10.37973/KUI.2021.60.74.015

Введение

В Российской Федерации установлен строгий надзор за деятельностью медицинских работников. Существует множество нормативных правовых актов, регулирующих деятельность меди-

цинских учреждений, основными среди которых являются федеральные законы от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹; от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан

¹ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326 // Российская газета. 2010. № 274 (5353).

в Российской Федерации»; от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Регулируют деятельность медицинских учреждений приказы Минздравсоцразвития России, Минздрава России, ФОМС, постановления Правительства РФ и иные нормативные правовые акты.

Медицинские работники, не соблюдающие вышеуказанные правовые акты, подлежат юри-

2) объективные обстоятельства (отсутствие транспорта, отсутствие необходимых лекарственных препаратов и другое);

3) субъективные факторы (болезнь самого врача, неспособность медика провести необходимые действия вследствие психотравмирующей или экстремальной обстановки).

В случае если заявитель указал на факт неоказания ему помощи сотрудником медицинского учреждения, следователю важно уточнить, какая именно помощь не была оказана. Возможно, не была оказана психологическая, материальная или другая иная помощь.

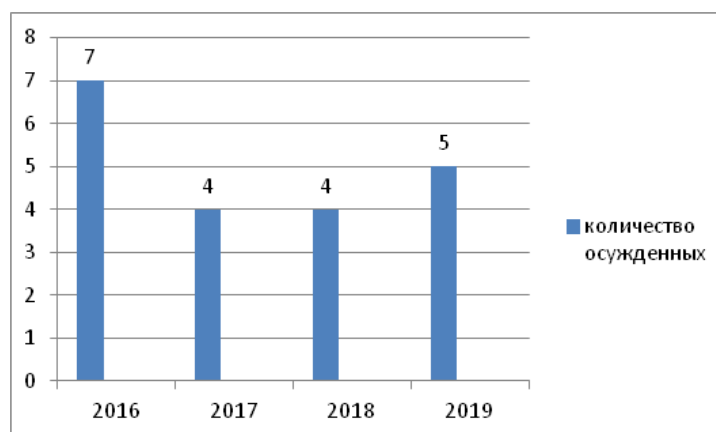

Рисунок 1

дической, в том числе и уголовной ответственности, в частности, по ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) за неоказание помощи больному. В правоприменительной практике статья 124 УК РФ применяется нечасто. Обычно действия врачей квалифицируются по ст. 293 (халатность), однако существуют прецеденты, в ходе которых врачей привлекают к ответственности по ч. 2 ст. 124 УК РФ за неоказание помощи больному, повлекшее смерть по неосторожности. Ниже представлена судебная статистика осужденных по данной статье в России в период с 2016 по 2019 гг.²

Следователю при расследовании необходимо, в числе прочего, выяснить обстоятельства, исключаящие ответственность медицинского работника за совершение преступлений [1]. Среди вышеуказанных обстоятельств необходимо отметить:

1) обстоятельства, исключаящие преступность деяния. К ним относятся крайняя необходимость, исполнение приказа или распоряжения, принуждение и другое;

Расследование преступления, предусмотренного статьей 124 УК РФ, вызывает определенные сложности. Во-первых, деяние медицинского работника может состоять в бездействии. Это означает, что медицинский работник проигнорировал просьбу больного, не явился на процедуру, не вызвал специалиста вследствие своей некомпетентности. Во-вторых, отсутствуют следы преступления, которые могли бы указать на факт самого преступления. В данном случае могут отсутствовать записи видеорекамер (если речь идет о лечебном учреждении), медицинская документация, в которой указывается факт неоказания помощи.

Обзор литературы

Исследованием проблемы методики расследования причинения тяжкого вреда здоровью медицинскими работниками занимались А.М. Багмет [1], П.М. Николаев [2], М.Н. Яковлев [3], Д.А. Венев [4], К.Ю. Комбаров [5], Ф.З. Хасанов [6].

Вместе с тем до настоящего времени проблема методики расследования причинения вреда меди-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.11.2013 № 317 // Российская газета - Федеральный выпуск. 2013. № 267 (6243).

² <http://stat.apn-npesc.pf/stats/ug/t/14/s/17>

цинскими работниками остается актуальной и недостаточно разработанной.

Данная статья призвана пополнить знания об этой проблеме путем классификации типичных следственных ситуаций и создания алгоритмов расследования.

Результаты исследования

В ходе расследования причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного сотрудниками медицинских учреждений, следователь должен установить ряд обстоятельств, круг которых в значительной степени определяется спецификой этих преступлений: точное время и место совершения преступления; наличие причинной связи между действиями преступника и наступившими последствиями; цели и мотивы преступления; личность виновного, характеризующие его данные; групповой характер преступления.

Время совершения преступления играет значительную роль при расследовании преступлений и влияет на формирование картины следов совершенного преступления. Вследствие этого следователю необходимо установить давность события: а) произошло несколько часов назад; б) произошло со значительным промежутком времени.

Место, как и время совершения преступления, является необходимой информацией, которая может помочь следствию. Для начала необходимо установить общее место совершения преступления: 1) лечебное учреждение; 2) вне лечебного учреждения. Если преступление совершено в лечебном учреждении, то в каком именно отделении, палате, кабинете. В случае если событие имело место вне лечебного учреждения, то в каком доме, общественном месте и т.д. По статистике Следственного комитета РФ¹, в государственных клиниках совершается около 73% всех медицинских преступлений, в то время как в частных клиниках – 23%. Причинно-следственная связь совершения преступлений и наступления преступного результата, как правило, является главной в доказывании виновности или невиновности медицинского работника. Сам следователь не может с точностью установить эту связь, поэтому необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы.

Медицинские работники чаще всего совершают преступления по неосторожности, то есть у них нет цели причинить вред пациенту, хотя при должной предусмотрительности они могли предотвратить наступление последствий. В отдельных же случаях можно говорить об умышленном причинении вреда здоровью или смерти. Это происходит вследствие корыстных побуждений либо личной неприязни [3].

Необходимо отметить, что групповой характер врачебных преступлений составляет примерно половину всех случаев. В этом случае зачастую выявляется факт сокрытия преступления на различном уровне, начиная с младшего медицинского звена и заканчивая руководителями медицинских учреждений.

Главным фактором преступления, предусмотренного ст.124 УК РФ, является отсутствие обстоятельств, указанных выше, исключающих вину медицинского работника. Таковыми не являются ссылки на нерабочее время, усталость, ведомственный или частный (негосударственный) характер лечебного учреждения и т.д.

При выявлении факта совершения врачом преступления необходимо установить наличие профессиональной компетенции данного сотрудника на проведение различных мероприятий. Для более точного определения обстоятельств совершенного преступления необходимо установить, имеет ли виновное лицо соответствующее медицинское образование [6]. В некоторых ситуациях данное образование может отсутствовать, что, несомненно, образует новый состав преступления, предусмотренный ст.238 УК РФ, – производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

В методике расследования типичные следственные ситуации занимают особое место. Они являются отправной точкой, которая помогает следователю развивать цепь событий, одновременно выявляя новые обстоятельства происшествия.

Вследствие особенностей преступлений, совершенных медицинскими работниками, типичные следственные ситуации также отличаются от распространенных преступлений. Например, при изнасиловании жертва может не знать никакой информации о преступнике (нападение произошло неожиданно, и она не смогла увидеть и рассмотреть лицо), а при медицинском преступлении потерпевший, как правило, знает своего лечащего врача и может предоставить документацию с его рекомендациями, являющуюся своего рода следами преступления.

При выстраивании типичной следственной ситуации необходимо выделить три критерия: от кого поступила информация (заявитель); место совершения преступления; время совершения преступления.

В научной практике принято выделять три ключевые следственные ситуации, характерные для данных преступлений.

1. Первая типичная следственная ситуация: при

¹ <https://sledcom.ru/activities/statistic>

оказании помощи в лечебном учреждении был причинен тяжкий вред либо наступила смерть. Информацию в правоохранительные органы предоставил родственник потерпевшего/погибшего. Событие произошло за несколько часов до обращения родственника.

В ходе получения информации от родственника пострадавшего/погибшего следователю необходимо изначально рассмотреть несколько вариантов:

1. Присутствует ли в деянии медицинского работника состав преступления, предусмотренного конкретной статьей УК РФ.

2. Действовал ли врач умышленно, скрывая данное деяние.

3. Существовали ли условия для оказания медицинской помощи.

4. Существуют ли обстоятельства, исключющие преступность деяния [4].

В ходе рассмотрения следователь может изучить подобные дела, которые, возможно, поступали в его рассмотрение ранее. Необходимо провести анализ аналогичных заявлений в отношении данного лечебного учреждения, оказывающего помощь больному. Проверка всех вариантов, которые были выдвинуты следователем, должна иметь определенный алгоритм. Данный алгоритм включает:

- опрос заявителя. Опрос позволяет следователю узнать, на основании чего заявитель (родственник) решил, что было совершено преступление, какие обстоятельства могут указать на этот факт. Также необходимо установить предшествующие события: а) как протекало лечение пациента; б) какие симптомы были у пациента и когда они были обнаружены; в) как в последнее время себя чувствовал пациент; г) какие действия врачей вызывают недоверие у заявителя. В случае если у заявителя присутствуют медицинские документы, то следователь может организовать проведение выемки;

- опрос эксперта в области медицины. В ходе опроса эксперта необходимо уточнить характеристику болезни, которой болел пострадавший/погибший, какие процедуры рекомендуется проводить при данном заболевании, какое образование необходимо иметь врачу для проведения терапии, какие осложнения могут возникнуть в ходе лечения, какова вероятность летального исхода;

- осмотр места происшествия. Данное мероприятие следует осуществлять с целью выявления и изъятия следов преступления [2]. К данным следам относятся документы медицинских сотрудников, которые записывали протекание и лечение болезни потерпевшего/погибшего пациента, а также документы, которые медицинская организация не предоставила следователю;

- опрос сотрудников медицинского учреждения, которые осуществляли лечение умершего. Первоначально нужно провести опрос медицинских сотрудников, которые являются младшим или средним звеном в данном учреждении. Опрос начинается с них с целью предотвращения возможности сокрытия информации о произошедшем событии. Дело в том, что врачи, обладающие специальными знаниями, могут для сокрытия преступления фальсифицировать информацию для ухода от наказания. Поэтому лечащий врач должен быть допрошен после медицинских работников младшего и среднего звена [5].

В ходе опроса медицинских работников необходимо выяснить обстоятельства, связанные с пребыванием потерпевшего в лечебном учреждении: время, диагноз поступления, как протекало лечение, какие были особенности в ходе лечения, каково было поведение заявителя. Опрос следует проводить совместно с судебно-медицинским экспертом;

- потребовать медицинские документы об оказанной потерпевшему услуге, а равно биологический материал, полученный с целью исследования состояния потерпевшего – гистологические блоки и препараты;

- осмотр медицинской документации с экспертом. Изначально нужно удостовериться, что в соответствии с документацией был сам факт лечения потерпевшего/погибшего. Далее нужно проверить документы на предмет фальсификации. Поводом могут послужить расхождения в показаниях опрошенных медицинских работников;

- назначить судебно-медицинскую экспертизу трупа.

Все данные следственные действия необходимо производить незамедлительно после получения заявления о преступлении. Следователь должен собрать как можно больше информации, которая будет полезной для расследования происшествия. Если этого сделано не будет, то существует высокая вероятность сокрытия следов преступления. Для того чтобы более объективно рассмотреть данное событие, необходимо привлечь эксперта, который обладает специальными познаниями в медицине.

Далее следователь осматривает место происшествия с целью минимизации сокрытия следов преступления и выявления предметов, носителей информации, которые позволят получить информацию о протекании болезни, о лечении, о самочувствии больного и т.д.

В последующем следователь совместно с экспертом исследует всю медицинскую документацию, необходимую для расследования и установ-

ления новых фактов произошедшего. Стоит подчеркнуть, что без предварительного рассмотрения медицинских документов следователь не должен отправлять их на судебно-медицинскую экспертизу. Связано это с тем, что он должен самостоятельно понять обстоятельства дела. Как только следователь ознакомился со всей информацией, которая помогла ему разобраться в данной ситуации, он отправляет собранные материалы на экспертизу. Когда результаты экспертизы будут готовы, следователь должен принять одно из двух решений: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Если было принято решение о возбуждении уголовного дела, то следователю необходимо: а) собранные материалы отправить на другие экспертизы (почерковедческую, автороведческую, биологическую и другие). Их необходимо произвести как можно быстрее, так как они могут занять много времени. Как только результаты получены, следователь должен принять решение о признании их доказательствами по делу; б) провести допрос лиц, которые ранее давали показания; в) установить иных свидетелей, которые обладают полезной информацией; г) при необходимости произвести эксгумацию тела пациента; д) назначить судебно-медицинскую экспертизу в другом субъекте Российской Федерации для меньшего сопротивления со стороны защиты (в ходе данного действия следователь получает все необходимые результаты, а также допрашивает экспертов, проводивших эту экспертизу).

Когда все результаты экспертиз получены, свидетели допрошены, следователю необходимо собрать в единое целое все материалы и решить вопрос о привлечении лица в качестве обвиняемого. Данное действие предполагает ситуацию, когда известен врач, который непосредственно виновен в совершении преступления и его виновность не вызывает у следователя сомнений. Последним пунктом можно считать действия следователя по признанию всех полученных данных доказательствами по делу.

2. Вторая типичная следственная ситуация: при оказании помощи в лечебном учреждении был причинен тяжкий вред здоровью пациента. Информацию в правоохранительные органы предоставил сам потерпевший. Событие произошло со значительным промежутком времени.

Одновременно с производством всех вышеука-

занных действий следователь должен проанализировать варианты, при которых потерпевший мог, вследствие конфликта или неприязненных отношений с лечащим врачом, оговорить медицинского работника. Примером может служить решение Таштагольского городского суда Кемеровской области в отношении Ковалевой Нины Олеговны¹. Гражданка Ковалева была привлечена к гражданско-правовой ответственности за клевету и распространение порочащих недостоверных сведений о медицинском работнике или медицинской организации. Такого пациента ожидает и привлечение к уголовной ответственности по статье 128.1 УК РФ за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство медицинского работника или подрывающих его репутацию.

3. Третья типичная следственная ситуация: при оказании помощи в лечебном учреждении был причинен тяжкий вред здоровью пациента либо наступила смерть. Информация о преступлении поступила из органов государственной власти или государственных учреждений. Событие произошло со значительным промежутком времени.

Обсуждение и заключения

Причинение тяжкого вреда здоровью медицинскими работниками – это преступление, которое совершено сотрудниками медицинских учреждений умышленно либо по неосторожности, причинившее тяжкий вред здоровью в силу неисполнения или ненадлежащего выполнения своих обязанностей.

Подводя итог исследованию, говоря о методике расследования причинения тяжкого вреда здоровью, совершённого медицинскими работниками, необходимо акцентировать внимание на следующем алгоритме действий следователя:

1. Осуществить опрос заявителя, эксперта в области медицины, а также сотрудников медицинского учреждения с целью получения необходимой информации для расследования.

2. Осмотреть место происшествия.

3. Изъять медицинские документы.

4. Назначить судебно-медицинскую экспертизу.

Несмотря на то, что в соответствии с УПК РФ следователь вправе действовать по своему усмотрению, разработанные методические рекомендации помогут ему более эффективно расследовать данную категорию преступлений.

¹ Приговор Таштагольского городского суда от 16.06.2015 по делу № 01-949/2015 (<https://tashtagolsky--kmr.sudrf.ru>) (дата обращения 22.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багмет А.М. Некоторые аспекты расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Выявление и расследование преступлений в сфере оказания медицинских услуг: материалы всероссийского научно-практического круглого стола. М., 2016. С. 3-8.
2. Николаев П.М., Спиридонов В.А., Массалимов И.Г. Судебная медицина. Осмотр трупа на месте происшествия: учебное пособие для вузов. 2-е изд., исправленное и доп. М.: Юрайт, 2018. 159 с.
3. Яковлев М.М. Расследование отдельных категорий преступлений, связанных с профессиональной деятельностью. М.: Юрлитинформ, 2006. 122 с.
4. Венев Д.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг: автореф. дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.12. М., 2016. 30 с.
5. Комбаров К.Ю. Актуальные проблемы раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Российский следователь. 2016. № 2. С. 16-19.
6. Хасанов Ф.З. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных работниками здравоохранения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С.78-84.

REFERENCES

1. Bagmet A.M. Nekotorye aspekty rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh medicinskimi rabotnikami // Vyuyavlenie i rassledovanie prestuplenij v sfere okazaniya medicinskih uslug: materialy vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola. M., 2016. S. 3-8.
2. Nikolaev P.M., Spiridonov V.A., Massalimov I.G. Sudebnaya medicina. Osmotr trupa na meste proisshestviya: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispravlennoe i dop. M.: YUrajt, 2018. 159 s.
3. YAkovlev M.M. Rassledovanie otdel'nyh kategorij prestuplenij, svyazannyh s professional'noj deyatel'nost'yu. M.: YUrlitinform, 2006. 122 s.
4. Venev D.A. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya, sovershaemyh pri okazanii medicinskih uslug: avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk: 12.00.12. M., 2016. 30 s.
5. Kombarov K.YU. Aktual'nye problemy raskrytiya i rassledovaniya korrupcionnyh prestuplenij, sovershaemyh medicinskimi rabotnikami // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 2. S. 16-19.
6. Hasanov F.Z. Raskrytie i rassledovanie prestuplenij, sovershennyh rabotnikami zdavoohraneniya // Sibirskie ugovovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2016. № 2 (10). S.78-84.

Об авторе: Амиров Равиль Гайсович, преподаватель кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России
e-mail: mailbox_expert@mail.ru

About the author: Amirov Ravil' G., Lecturer, Departments of Criminology the Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: mailbox_expert@mail.ru

Статья получена: 10.02.2021

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

УДК

DOI: 10.37973/KUI.2021.28.93.016

Ф.Н. Багаутдинов

ВОПРОСЫ ОТВОДА СУДЬИ В ПРАКТИКЕ НОВЫХ КАССАЦИОННЫХ СУДОВ

RECUSAL OF A JUDGE IN COURTS OF CASSATION

Введение: в статье рассматриваются позиции новых кассационных судов общей юрисдикции по вопросам отвода судьи при рассмотрении уголовных дел, исследуются различные ситуации, при наличии которых судья должен устраниваться от участия в рассмотрении дела.

Материалы и методы: при исследовании использованы методы научного анализа, обобщения судебной практики, сравнительно-правовой метод. Эмпирической базой исследования послужили судебные решения по уголовным делам, вынесенные новыми кассационными судами при пересмотре приговоров судов общей юрисдикции различных регионов Российской Федерации за период с 2019 по 2020 гг.

Результаты исследования: по результатам проведенного исследования выдвинуты предложения о расширении оснований для отвода судьи при рассмотрении уголовных дел; также предлагается допустить возможность обжалования решения судьи об отказе в удовлетворении ходатайства об отводе.

Обсуждение и заключения: в результате исследования выявлены типичные ошибки судей при рассмотрении уголовных дел, связанные с нарушением положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) об отводе судьи.

Ключевые слова: отвод судьи; беспристрастность и объективность судьи; личная заинтересованность судьи; отмена приговора

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. Вопросы отвода судьи в практике новых кассационных судов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 98-102. DOI: 10.37973/KUI.2021.28.93.016

Introduction: the author considers attitudes of new general jurisdiction courts of cassation on recusal in criminal proceedings, studies situations when the judge should be disposed of the examination of the case.

Materials and Methods: the author used methods of scientific analysis, generalization, comparative method of legal study. The empirical base were of court practice, court decisions on criminal cases made by new courts of cassation in sentences of general jurisdiction courts of various regions of the Russian Federation from 2019 to 2020.

Results: according to the study results the author suggests to expand the grounds to recusal in criminal trials; allow appeal of a decision of the judge on refusal to satisfy petition on recusal.

Discussion and Conclusions: the survey helped identify typical mistakes of judges when considering criminal cases related to violations of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Keywords: recusal of a judge; impartiality and objectivity of a judge; personal interest of a judge; cancellation of a sentence

For citation: Bagautdinov F.N. Recusal of a Judge in Courts of Cassation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 98-102. DOI: 10.37973/KUI.2021.28.93.016

Введение

В силу требований статьи 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, в случае если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела. При наличии оснований для отвода судья обязан устрани-

ться от участия в производстве по уголовному делу.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 17 июня 2008 г. № 733-0-П, участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследованных с его участием обстоятельств по

делу, является недопустимым. Судья не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела, если он ранее принимал решение по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания и послужившим основанием для постановления приговора.

Результаты исследования

В соответствии с практикой Европейского суда по правам человека предыдущее участие судьи в рассмотрении дела дает достаточные основания для обоснованного сомнения в его беспристрастности. В частности, это касается случаев, когда судья ранее выносил решение об избрании меры пресечения подозреваемому, обвиняемому. Повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела указанного лица становится невозможным.

В Российской Федерации достаточно продолжительное время не придавали значения подобным решениям Европейского суда. В последние годы практика российских судов по данному вопросу меняется. Новые кассационные суды взяли за основу подход признания нарушения закона в тех случаях, когда меру пресечения избрал и затем осудил человека один и тот же судья.

Например, Второй кассационный суд общей юрисдикции по указанному основанию отменил приговор Ржевского городского суда Тверской области, который в 2012 году осудил А. по ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Осужденный обратился с кассационной жалобой, указывая на нарушение ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека о праве каждого на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом.

Второй кассационный суд указал, что ходатайство следователя об избрании А. меры пресечения в виде заключения под стражу было рассмотрено и удовлетворено судьей В. При этом судья в постановлении об аресте указала, что причастность А. к совершению преступления подтверждается доказательствами, перечислила их. Впоследствии эта же судья рассмотрела уголовное дело и осудила А.

Таким образом, судья В., высказавшая свою позицию о наличии события преступления и доказанности причастности к нему А. в ходе досудебного производства, вновь рассмотрела эти же вопросы по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением в отношении А., что с учетом позиции Конституционного Суда РФ, практики Европейского Суда по правам человека является недопустимым. В результате состоявши-

еся судебные решения были отменены с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции¹.

Другой аналогичный пример. Приговором Михайловского районного суда Алтайского края от 6 сентября 2019 г. Р. осужден по ч. 1 ст. 158, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 1 ноября 2019 г. приговор изменен с исключением из числа доказательств заключения судебно-медицинской экспертизы, а также в части назначенного наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции отменила указанные судебные решения по следующим основаниям. Согласно ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14 УПК РФ каждый обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. При отсутствии приговора судья не вправе делать выводы о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица в совершении преступления. Эти выводы могут содержаться только в приговоре или ином итоговом решении, постановленном по результатам непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства всех обстоятельств уголовного дела.

Как следует из материалов данного уголовного дела, 9 июля 2019 г. судья М., в производстве которой находилось дело, рассмотрела вопрос о мере пресечения в отношении Р. и продлила срок его содержания под стражей, при этом установив в постановлении, что Р. совершил инкриминируемые преступления в период условного осуждения.

Таким образом, до принятия итогового решения по делу судья высказала позицию относительно наличия событий преступлений и сделала вывод о виновности Р., тем самым ограничив свободу и независимость суда при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора.

Вместе с тем в нарушение требований ч. 1 ст. 62 УПК РФ судья М. не устранилась от рассмотрения дела, рассмотрела его по существу и постановила в отношении Р. обвинительный приговор, допустив нарушение фундаментальных основ уголовного судопроизводства².

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной, в частности, в постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П и от 23 марта 1999 г. № 5-П, определении

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2020 № 77-168/2020.

² Определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 77-1313/2020.

от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достоверности и достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих итоговых решений. Поэтому судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в дальнейшем производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность решения, которое будет принято по этому делу.

В прежней судебной практике имели место случаи, когда судья по каким-либо основаниям возвращал уголовное дело для дополнительного расследования. В последующем, после проведения дополнительного расследования, дело снова поступало в суд и, как правило, его рассматривал тот же судья, и это считалось возможным, допустимым. Сегодня в этом вопросе практика также изменилась.

Приговором Турочакского районного суда Республики Алтай от 29 марта 2019 г. Д. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Апелляционным постановлением Верховного суда Республики Алтай от 30 мая 2019 г. приговор оставлен без изменения.

Проверив материалы уголовного дела, судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции пришла к следующим выводам. Постановлением судьи Турочакского районного суда Республики Алтай Б. от 28 февраля 2018 г. уголовное дело, по которому постановлен обжалуемый приговор, было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. В постановлении о возвращении дела прокурору судом была дана оценка показаниям потерпевшего, свидетелей, алиби осужденного Д. Фактически суд в косвенной форме указал на доказанность вины подсудимого в краже, совершенной во время, отличное от того, которое указано в обвинительном заключении, так как Д. предоставил алиби. Изложенные выше обстоятельства и высказанные судом первой инстанции суждения свидетельствовали о предрешении им вопросов, предусмотренных ст. 299 УПК РФ и подлежащих разрешению при постановлении приговора.

С учетом этого судья Б. должен был устранить от дальнейшего участия в производстве по уголовному делу, однако 29 марта 2019 г. уголовное дело по существу предъявленного Д. обвинения рассмотрено тем же судьей с вынесением приговора.

Указанные обстоятельства ставят под сомнение независимость и беспристрастность судьи, постановившего обвинительный приговор в отношении Д., а, следовательно, и справедливость судебного разбирательства по делу. С учетом изложенного приговор и апелляционное постановление были отменены с передачей дела на новое судебное рассмотрение¹.

Судья также должен устранить от участия в рассмотрении взаимосвязанных между собой уголовных дел. Например, О. был осужден 15 ноября 2019 г. приговором мирового судьи судебного участка № 2 Ишимского судебного района Ишимского района Тюменской области по ч. 1 ст. 119 УК РФ за угрозу убийством. Преступление было совершено 2 июля 2019 г. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения.

При этом из обстоятельств дела следовало, что сам О. также подавал заявление на потерпевшего и его родственников – о том, что они сами избили О., что и послужило причиной его угрозы убийством. По данному заявлению А. также было возбуждено уголовное дело, которое постановлением мирового судьи от 9 октября 2019 г. прекращено в связи с примирением сторон.

О. обжаловал приговор и апелляционное определение в суде кассационной инстанции, ссылаясь на то, что он действовал в состоянии необходимой обороны.

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции состоявшиеся судебные решения отменил. Кассационный суд обратил внимание на то, что оба уголовных дела – по обвинению О. в угрозе убийством и по заявлению О. на потерпевшего Р. и его родных об избиении – рассмотрел и принял решение один и тот же мировой судья К.

При этом О. сначала проходил по уголовному делу в качестве потерпевшего, по которому виновным был признан Р. Затем О. стал обвиняемым, а Р. потерпевшим. Причем оба преступления совершены 2 июля 2019 г. одно за другим, через небольшой промежуток времени.

Первоначально судья К. 9 октября 2019 г. принял решение о прекращении уголовного дела в отношении потерпевшего Р. и его родственников на основании ст. 25 УПК РФ по факту причинения ими 2 июля 2019 г. легкого вреда здоровью О.

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 77-431/2020.

Этот же судья 15 ноября 2019 г. постановил приговор в отношении О., который 2 июля 2019 г. высказал угрозу убийством потерпевшему Р.

Таким образом, несмотря на то, что при принятии решения о прекращении уголовного дела за примирением сторон суд не исследовал представленные сторонами обвинения и защиты обвинительные и оправдательные доказательства, однако выводы суда были связаны с оценкой фактических обстоятельств, что может породить сомнения в объективности и беспристрастности судьи при разрешении дела по обвинению О¹.

Отвод судьи возможен и в тех случаях, когда одно и то же лицо проходит по одному делу в качестве подсудимого, а по другому делу – в качестве свидетеля, при том, что указанные уголовные дела имеют общий или совпадающий в какой-то части предмет исследования.

Например, приговором мирового судьи судебного участка № 25 Фрунзенского судебного района г. Владивостока Приморского края от 25 июня 2019 г. В. осуждена за использование заведомо подложного документа – медицинской книжки по ч. 3 ст. 327 УК РФ. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения. В кассационной жалобе В. утверждала, что не знала о подложности медицинской книжки, которую она приобрела у неустановленного лица.

Из обстоятельств дела следовало, что В. получила подложную медицинскую книжку у неустановленного лица, которую впоследствии использовала – представила по месту работы. Одновременно В. получила у неустановленного лица и вторую поддельную медицинскую книжку – для Д. И В., и Д. параллельно привлекались к уголовной ответственности по разным уголовным делам. При рассмотрении в судебном заседании уголовного дела по обвинению Д. 10 июня 2019 г. мировой судья по ходатайству защиты допросила в качестве свидетеля со стороны защиты В. об обстоятельствах получения ею медицинской книжки и передачи книжки Д. При этом В. утверждала, что ни она, ни Д. не знали о подложности полученных у неустановленного лица медицинских книжек.

Мировой судья постановила в отношении Д. обвинительный приговор, признав ее виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ. При этом в приговоре в отношении Д. была дана оценка и свидетельским показаниям В. как надуманным, опровергающимся показаниями свидетелей и исследованными письменными

доказательствами. Напомним, приговор в отношении Д. был постановлен 10 июня 2019 г.

25 июня 2019 г. (через 15 дней) эта же мировая судья рассматривает уголовное дело по обвинению В. В ходе судебного заседания В. в качестве подсудимой дала те же показания об обстоятельствах получения медицинской книжки (как на свое имя, так и на имя Д.), что и в качестве свидетеля защиты по уголовному делу в отношении Д.

Как указал кассационный суд, рассмотрение мировым судьей уголовного дела неизбежно было связано с повторной оценкой обстоятельств, ранее являвшихся предметом исследования судьей в рамках уголовного дела в отношении Д. Таким образом, в целях обеспечения беспристрастности и объективности суда, было недопустимым участие судьи в рассмотрении уголовного дела, так как ранее им было принято решение, предопределяющее в той или иной мере выводы, которые должны были быть сделаны по результатам находящегося в ее производстве уголовного дела. Указанные обстоятельства исключали участие мирового судьи в рассмотрении данного уголовного дела.

В связи с указанным существенным нарушением Девятый кассационный суд общей юрисдикции отменил состоявшиеся судебные решения и дело направил на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции².

В то же время предыдущее участие судьи по другому уголовному делу лица в качестве государственного обвинителя не расценивается кассационными судами как безусловное основание для отмены приговора. Например, осужденный А. указывал, что судья, вынесший приговор по его уголовному делу, ранее участвовал в рассмотрении другого его дела в качестве государственного обвинителя, поэтому был заинтересован в исходе дела.

Однако кассационный суд отклонил эти доводы, указав, что данное обстоятельство не свидетельствует о личной прямой или косвенной заинтересованности судьи в исходе дела, а также о наличии иных обстоятельств, которые могли бы вызвать сомнения по поводу беспристрастности судьи. Кассационный суд также обратил внимание на то, что, согласно протоколу судебного заседания, после разъяснения участникам уголовного судопроизводства права заявить отвод, в том числе председательствующему по делу, осужденный сообщил, что отводов не имеет³.

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 № 77-750/2020.

² Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2020 № 7у-2712/2020.

³ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 № 77-297/2020.

Обсуждение и заключения

В российском уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрена возможность обжалования отказа в удовлетворении ходатайства об отводе судьи. По этому поводу России была сделана соответствующая рекомендация со стороны ГРЕКО (Группа государств по борьбе с коррупцией) о необходимости допустить такое обжалование.

Подготовленные в связи с этим поправки в УПК РФ предусматривают, что отказ в удовлетворении ходатайства об отводе судьи может быть обжалован в течение трех дней со дня принятия

соответствующего решения.

Кроме этого, необходимо повышать ответственность самих судей за незаявление отвода при наличии соответствующих оснований для этого (повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела, родственные, близкие отношения с участником процесса и другие). При этом положения уголовно-процессуального закона об отводе судьи следует трактовать максимально широко в целях исключения малейших сомнений в его объективности и беспристрастности.

Об авторе: Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: fler5858@mail.ru

About the author: Bagautdinov Fleur N. Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor, Head of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Investigation Activity and the Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Russian Federation
e-mail: fler5858@mail.ru

Статья получена: 16.11.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Н.В. Пьянкова

**ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

**THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE ESSENCE
OF THE PRINCIPLE OF AUTONOMY AND INDEPENDENCE
OF THE INVESTIGATOR**

Введение: статья посвящена изложению доминирующих научных подходов, затрудняющих понимание сущности принципа самостоятельности и независимости следователя.

Материалы и методы: доктринальные позиции, опубликованные в научных источниках. Общие и специальные методы научного познания.

Результаты исследования: в результате исследования установлено, что в современной науке доминирует аксиолого-прагматический подход к пониманию принципа процессуальной независимости следователя, предполагающий его трактовку исключительно в контексте ограничений, которые на следователя накладывают субъекты контрольно-процессуальных полномочий. Определено, что для выявления сути принципа необходимы теоретические обобщения до уровня универсальной идеи процессуальной автономии органов и лиц, ведущих уголовное судопроизводство, более полно отражающей идеологию, технологию и типологические особенности современного уголовного судопроизводства.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что отсутствие глубоких представлений о сути идеи процессуальной автономии ограничивает и горизонт представлений о задачах реализации принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Аксиолого-прагматический подход не отменяет разработки и внедрения иных научных подходов к самостоятельности и независимости следователя, не исключает поиска иных концептуальных инструментов. Одним из таких инструментов является концептуально-типологический подход.

Ключевые слова: принцип самостоятельности и независимости следователя, идея процессуальной автономии, предварительное расследование, уголовно-процессуальная концептология.

Для цитирования: Н.В. Пьянкова Проблемы понимания сущности принципа самостоятельности и независимости следователя // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 103-108. DOI: 10.37973/KUI.2021.39.41.001

Introduction: the author enunciates dominant scientific approaches that obscure the essence of the independence and autonomy of an investigator.

Materials and Methods: the author used the doctrinal position published in the scientific sources. General and special methods of scientific knowledge were used while working on the article.

Results: the essence of the idea of procedural independence of the investigator is traditionally tried to understand in the context of restrictions that are imposed on this activity by subjects of control and procedural powers. This methodological setting closes the deep essence of the principle. Science prefers an axiological and pragmatic approach to understand the principle. The approach is a simple statement of the theoretical and practical value of the principle of procedural independence and independence of the investigator. It does not explain the reasons for this value. An in-depth understanding implies a transition from practical exceptions to theoretical generalizations, and an ascent to the level of a unified idea of the procedural autonomy of bodies and persons conducting criminal proceedings. The idea of procedural autonomy has a universal character and reflects the essence of the ideology and technology of criminal proceedings, its typological features.

Discussion and Conclusions: the lack of deep ideas about the essence of procedural autonomy limited the horizon of ideas about the tasks of implementing the principle of procedural independence and independence of the investigator. The axiological and pragmatic approach did not cancel the development and implementation of other scientific approaches to the independence and independence of the investigator, and did not exclude the search for other conceptual tools. The axiological and pragmatic approach did not cancel the development and

implementation of other scientific approaches to the independence and independence of the investigator, and did not exclude the search for other conceptual tools. One of these tools was the conceptual-typological approach.

Keywords: the principle of independence and independence of the investigator, the idea of procedural autonomy, preliminary investigation, criminal procedure conceptology

For citation: Pyankova N.V. The Issues of Understanding the Essence of the Principle of Autonomy and Independence of the Investigator // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12. № 1. P. 103-108. DOI 10.37973/KUI.2021.39.41.001

Введение

Научно обоснованные предложения по оптимизации механизма реализации принципа независимости и самостоятельности следователя требуют тщательного и всестороннего научного подхода к осмыслению сущности идеи, составляющей основу вышеуказанного принципа. Современные исследователи пытаются обнаружить в этом принципе преимущественно признаки зависимости следователя, а не его независимости. Эта методологическая установка, на наш взгляд, скрывает глубинную суть принципа организации следственной деятельности и воплощения миссии следователя. Этот подход не отражает сущности самой идеи процессуальной самостоятельности и независимости следователя и не дает ответа на вопрос, почему термины «самостоятельность» и «независимость» оказываются тесно связанными. По нашему мнению, в сущностном смысле здесь имеют место разные оттенки какого-то единого (двуетного, триединного...) термина, выражающего квинтэссенцию идеи, в которой закодированы источник особого статуса и специфическая процессуальная миссия субъектов, ведущих уголовное судопроизводство. Эта идея еще не в полной мере проанализирована исследователями. Поэтому наука не прекращает обращаться к феномену самостоятельности, независимости, обособленности, ответственности (и т.д.) следователя.

Обзор литературы

Наиболее распространен в юридической литературе пользуется термин «процессуальная самостоятельность следователя» [1], второе место занимает «процессуальная независимость следователя» [2], значительно реже идея маркируется формулой «ответственность следователя» [3]. Нередко ключевые слова объединяются и в других сочетаниях; идеи именуют, к примеру, принципом «процессуальной независимости и самостоятельности следователя» или же принципом «процессуальной самостоятельности и ответственности следователя». Мы считаем возможным говорить о принципе независимости и самостоятельности следователя, опуская определитель «процессуальная» как нечто само собой разумеющееся.

Анализ публикаций (А.В. Бабич, Н.В. Бабич, Х.Б. Бегиев, А.А. Белавин, В.Н. Григорьев, В.Н. Калинин, А.В. Победкин и др.) позволяет уловить доминирующую научную тенденцию: сущность идеи процессуальной самостоятельности и независимости следователя наука пытается понять в контексте ограничений, которые на эту деятельность накладываются субъектами контрольно-процессуальных полномочий.

Материалы и методы

Для формирования гипотез и подтверждения выводов использовались научные статьи и диссертации последних лет. Диссертации интересны, в том числе, и потому, что в них в силу установленных требований рельефно обозначается актуальность исследования (намерения автора, опирающиеся на аксиому ценности самостоятельности и независимости следователя). Исследование опиралось на общенаучные методы анализа, синтеза, наблюдения, сравнения, а также на специальный метод уголовно-процессуальной науки – уголовно-процессуальную концептологию.

Результаты исследования

Предмет нашего интереса заключается в том, чтобы уловить, каким образом в рамках аксиолого-прагматического подхода осознается и формулируется ценность принципа самостоятельности и независимости следователя. Для нас имеют значение не только результаты научных поисков наших предшественников, но и те намерения, с которыми они подошли к этой теме. В качестве примера можем привести название диссертации Д.В. Наметкина «Процессуальная самостоятельность, органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование» [4]. Легко заметить, что в самом названии отражено намерение автора предельно широко обозначить субъекта судопроизводства, предрасположенного к процессуальной самостоятельности и независимости. Дифференцированный подход к процессуальной самостоятельности, примененный названным автором, стал прологом к унифицированной сущности самой идеи, в которой концепты независимости и самостоятельности обитают в универсальном виде, игнорирующем специфику субъекта.

Идея унифицированной трактовки самостоятельности и независимости субъекта, ведущего

уголовное судопроизводство, наиболее значима для современной уголовно-процессуальной науки и практики. Для понимания главное, чтобы сама идея и совокупный субъект самостоятельности и независимости были обозначены предельно широко. Мы считаем возможным назвать эту исконную идею идеей процессуальной автономии органов и лиц, ведущих уголовное судопроизводство.

Постижение идеи процессуальной автономии является идеологической предпосылкой всякого научного исследования, нацеленного на глубокое и всестороннее познание сущности принципа самостоятельности, независимости и ответственности следователя и руководителя следственного органа, равно как и всех других государственных органов и лиц, причастных к досудебному и судебному производству. Для познания сущности идеи процессуальной автономии должен быть применен идеологический подход, выражающийся, по мнению его разработчиков, в поиске некоей «материнской идеи», из которой вырастают принципы и институты уголовного судопроизводства [5]. Идеологический подход дает нам определенную установку, специфический угол зрения, заряд рационального сомнения.

Большинство современных исследований отличаются практической направленностью исследований, перемещающей теорию на факультативный план, и достаточно узким сектором научного интереса. Но это не недостаток, а специфика современных исследований, предпочитающих прагматический уровень научных задач. Ученые, проявляющие интерес к принципу процессуальной самостоятельности и независимости следователя, опираются преимущественно на априорную аксиоматическую ценность идеи процессуальной автономии и сосредотачиваются на явных проблемах ее ограничения и ущемления, возникающих по воле законодателя или в связи с недоразумениями практики. Одних исследователей эта ценность вдохновляет на борьбу за эту автономию (независимость) в рамках действующей уголовно-процессуальной формы; других, что гораздо чаще, на поиск компромисса и оптимальных пропорций самостоятельности и независимости в системе органов, ведущих уголовное судопроизводство.

Таким образом, разные авторские взгляды, имеющие место в современной науке, могут быть сведены к подходу, который можно назвать аксиолого-прагматическим. В свою очередь, этот доминирующий подход к пониманию и реализации принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя может быть выражен через сравнительно небольшое число установок и положений.

Ключевое положение может быть сформулировано следующим образом – аксиоматическая констатация теоретической и практической ценности принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Указанное положение выражается в том, что этот принцип в самом начале исследования объявляется некоей незыблемой ценностью (аксиомой), которая не нуждается в развернутом научном обосновании. Принцип процессуальной самостоятельности и независимости следователя преподносится как некая эволюционно-историческая данность, имманентная часть уголовно-процессуальной идеологии и даже технологии. Поэтому интерес современных исследователей стартует не в направлении сущности этого принципа (приближение к идее процессуальной автономии), а уже от нее к практической оптимизации технологии воплощения идеи и сразу же переносится в прагматическую плоскость на вопрос о «справедливых» пропорциях этой самостоятельности и независимости при распределении ее между участниками процесса.

Именно в связи с вышеизложенным мы склоняемся к тому, чтобы назвать преобладающий сегодня научный подход к пониманию принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя аксиолого-прагматическим. Теория указанного принципа в рамках рассматриваемого подхода сводится к необходимому минимуму и заменяется аксиологической (аксиоматической) констатацией. Эта ценность преподносится в форме некоей «заповеди», согласно которой процессуальной самостоятельности и независимости следователя надлежит в уголовном судопроизводстве быть. Просто – быть. Причем «заповедь» эта, как правило, не провозглашается конкретно, а проявляется как бы исподволь, через контекст изложения и намерения автора, заявленных в преамбулах научных работ.

Нельзя сказать, что все работы, освещающие анализируемую нами тематику, четко и внятно формулировали признаки ценности самостоятельности и независимости следователя. Однако можно говорить о том, что в том или ином виде эта аксиологическая линия присутствует почти везде. Кто-то подчеркивает, как много всего вмещает в себя феномен самостоятельности и независимости следователя [6, с. 14–15]. Кто-то делает это более четко и избирательно [7, с. 3–5]. Признают ценность данного принципа и те, кто считает его фантомом [6, с. 3–5]

Проблемы самостоятельности и независимости следователя (скорее виртуальный, чем реальный характер этой самостоятельности и независимо-

сти) были предельно ясны еще тридцать лет назад. Однако ясность проблем не всегда предполагает ясность нормативных решений. Современное отечественное уголовно-процессуальное право идею самостоятельности и независимости следователя должным образом не ценит. Но этот упрек адресуется не только праву и законодателю.

В рамках аксиолого-прагматического подхода важно отметить еще одно обстоятельство. С одной стороны, констатируя «номинальную» ценность процессуальной самостоятельности и независимости следователя, авторы демонстрируют доводы, согласно которым этот феномен очень уязвим и фактически беззащитен перед волюнтаризмом законодателя.

Не случайно анализируемому подходу свойственна нормативная (в том числе компартиvistская) аргументация недостаточного понимания (а то и просто отрицания) ценности принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя законодателем, выражающаяся в констатации факта сокращения и ущемления самостоятельности и независимости следователя, необоснованного и нецелесообразного изменения пропорций этой самостоятельности и независимости между различными участниками уголовного судопроизводства.

Сделаем акцент на том, что с самого начала своего применения Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) критически оценивался с точки зрения самостоятельности и независимости следователя. В качестве иллюстрации приведем цитату из диссертации А.А. Белавина. «Нормы нового уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации значительно расширили процессуальные полномочия прокурора и начальника следственного отдела по надзору и процессуальному контролю за деятельностью следователя по возбуждению и расследованию уголовных дел. Все это, безусловно, привело к ограничению процессуальной самостоятельности следователя, который лишился даже тех прав, которые ему предоставлял ранее действовавший УПК РСФСР 1960 г. (например, право на самостоятельное возбуждение уголовного дела)» [8, с. 10].

Само собой, что это не открытие А.А. Белавина, а факт, который находится на поверхности и обозначает вполне определенную тенденцию, – самостоятельность и независимость следователя не особо укладывается в «русло прогресса». При этом часть процессуалистов оценила реформу 2007 года как действие, посягающее на ценность самостоятельности и независимости следователя. Вместе с тем оценка законодательной трансфор-

мации самостоятельности и независимости следователя, произошедшей летом 2007 года, не является столь однозначной. Немалое число процессуалистов, напротив, увидели в этих переменах новое признание ценности этой идеи и предпосылку ее технологического укрепления [4, с. 4]. Были нейтральные (и даже ироничные) оценки указанных нововведений.

Если в целом законодательные изменения 2007 года оценивались как существенная реформа следственного аппарата, то коренных преобразований самостоятельности и независимости следователя в поле этой реформы не провозглашалось, поскольку этот принцип, по мнению отдельных исследователей, является фантомом. Так, В.Н. Григорьев, А.В. Победкин и В.Н. Калинин отмечают: «Следователь в отечественном уголовном судопроизводстве традиционно рассматривается как лицо процессуально самостоятельное, но вместе с тем такое определение статуса следователя в последние годы использовалось большей частью как привычный штамп» [9, с. 49].

В этой цитате отражается своеобразный подход к оценке эволюции идеи самостоятельности и независимости следователя. В.Н. Григорьев, А.В. Победкин и В.Н. Калинин дают понять, что сама сущность этой идеи потерялась где-то на задворках истории, а в современном уголовном процессе ощущается лишь невнятное «эхо» этой идеи. Эта мысль косвенно проявляется в следующем полном иронии суждении: «Наряду с понятием «процессуальная самостоятельность» следователя в юридической литературе нередко используется понятие «процессуальной независимости» следователя. Представляется, что эти понятия могут использоваться как тождественные, учитывая, что ни то, ни другое не соответствует реальному положению дел» [9, с. 49].

При этом следует заметить, что это реальное положение дел трактуется не как какое-то временное недоразумение, а как некое подобие объективных идеологических предпосылок [9, с. 49].

Обсуждение и заключения

Констатация низкой практической реализации идеи процессуальной автономии субъектов расследования, имеющая место в юридической науке, не рассматривается научной общественностью как повод отказаться от признания принципиальной ценности самостоятельности и независимости следователя. Аксиолого-прагматический подход к самостоятельности и независимости следователя по праву занимает свою методологическую нишу. Подобный подход продемонстрировал свою инструментальную ценность и в рамках исследо-

вания самостоятельности и независимости следователя. Действительно, трудно возражать против ценности этой идеи для уголовного судопроизводства. И мы эту ценность целиком поддерживаем. В рамках этого подхода нас смущает только то, что сама эта ценность, ее идеологические и методологические предпосылки учеными, как правило, не доказываются, а просто констатируются.

Этот подход не ставит амбициозных научных задач. Казалось бы, аксиоматическая констатация ценности самостоятельности и независимости следователя должна была вести к теоретико-эмпирическому обоснованию необходимости максимального расширения самостоятельности и независимости следователя, содержать призывы к возвращению в «золотой век» идеи процессуальной автономии. Но гораздо чаще мы видим более скромные усилия, направленные на перераспределение пропорций

этой самостоятельности и независимости между «исследователями» и «контролерами».

Недостаток теоретико-аксиологического подхода заключается в отсутствии глубоких представлений о сути идеи процессуальной автономии, ограничивает и горизонт представлений о задачах реализации принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя. В связи с этим аксиолого-прагматический подход не отменяет разработки и внедрения иных научных подходов к самостоятельности и независимости следователя, не исключает поиска иных концептуальных инструментов. В качестве одного из таких инструментов мы предлагаем концептуально-типологический подход к сущности и наименованию принципа, выражающего идею процессуальной автономии органов, ведущих предварительное расследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеева С.В. Процессуальная самостоятельность следователя как принцип уголовно-процессуальной деятельности и базовая составляющая его процессуального статуса // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 5 (32). С. 674-681.
2. Телятников А.А. Проблемы реализации процессуальной независимости следователей в Российской Федерации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 126-129.
3. Тутынин И.Б. Процессуальная ответственность следователя // Оптимизация предварительного следствия: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 412-416.
4. Наметкин Д.В. Процессуальная самостоятельность органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 27 с.
5. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45) С. 43–47.
6. Бегиев Х.Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2015. 28 с.
7. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов. 2012. 28 с.
8. Белавин А.А. Процессуальные и организационные аспекты правового положения органов предварительного расследования России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Красноярск, 2003. 26 с.
9. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 48-58.

REFERENCES

1. Matveeva S.V. Processual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya kak princip ugovolno-processual'noj deyatel'nosti i bazovaya sostavlyayushchaya ego processual'nogo statusa // Alleya nauki. 2019. T. 3. № 5 (32). S. 674-681.
2. Telyatnikov A.A. Problemy realizacii processual'noj nezavisimosti sledovatelej v Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2018. № 3 (17). S. 126-129.
3. Tutynin I.B. Processual'naya otvetstvennost' sledovatelya // Optimizaciya predvaritel'nogo sledstviya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2016. S. 412-416.
4. Nametkin D.V. Processual'naya samostoyatel'nost' organov i lic, osushchestvlyayushchih predvaritel'noe rassledovanie: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2007. 27 s.
5. Polyakov M.P. Ideologicheskij podhod i ugovolno-processual'naya konceptologiya kak instrumenty poznaniya sushchnosti otechestvennogo ugovolnogo sudoproizvodstva // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1 (45) S. 43–47.

6. Begiev H.B. Realizaciya v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve Rossii norm processual'noj samostoyatel'nosti sledovatelya: avtoref. dis... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Volgograd, 2015. 28 s.
7. Babich A.V. Processual'naya samostoyatel'nost' i nezavisimost' sledovatelya kak osnova ego statusa v ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Saratov. 2012. 28 s.
8. Belavin A.A. Processual'nye i organizacionnye aspekty pravovogo polozheniya organov predvaritel'nogo rassledovaniya Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnoyarsk: 12.00.09, 2003. 26 s.
9. Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., Kalinin V.N. Processual'naya reglamentaciya predvaritel'nogo rassledovaniya v rezul'tate reformy 2007 g. // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 6. S. 48-58.

Об авторе: Пьянкова Наталья Викторовна, заместитель начальника Управления – начальник следственного отдела Казанского линейного управления МВД России на транспорте
e-mail: py-nataly@yandex.ru

About the author: Pyankova, Natalya V – Deputy head of the Department – head of the investigation Department of the Kazan linear Department Ministry of internal Affairs of Russia on transport
e-mail: py-nataly@yandex.ru

Статья получена: 25.11.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Н.И. Старостенко

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

SOCIAL ENGINEERING AS AN OBJECT OF FORENSIC STUDY

Введение: статья посвящена рассмотрению понятия социальной инженерии, используемой мошенниками в корыстных целях.

Материалы и методы: материальную базу статьи составили нормы действующего российского законодательства, научные труды авторов, рассматривающих вопросы социальной инженерии, и статистические данные о состоянии преступности в России, в частности, тенденции роста количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В ходе исследования применялись следующие общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция и частнонаучные методы: формально-юридический, статистический.

Результаты исследования: подробно рассматриваются цели, сущность, а также причины, в связи с которыми злоумышленник применяет психологические техники социальной инженерии в преступной деятельности, анализируются различные точки зрения понятия рассматриваемого явления.

Обсуждение и заключения: предлагается авторское определение мошенничества с использованием методов социальной инженерии, а также криминалистическое понимание прямой и обратной социальной инженерии. В работе также обращается внимание на значимость изучения особенностей обозначенного вида преступности для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений правоохранительными органами.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, объект криминалистического изучения, мошенничество, социальная инженерия, методы социальной инженерии, прямая социальная инженерия, обратная социальная инженерия

Для цитирования: Старостенко Н.И. Социальная инженерия как объект криминалистического изучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 109-114. DOI: 10.37973/KUI.2021.45.18.017

Introduction: the article is devoted to the consideration of the concept of social engineering used by fraudsters for their own ends.

Materials and Methods: the resource base of the article was made up of the norms of the current Russian legislation, scientific works of authors considered the issues of social engineering, and statistical data on the state of crime in Russia, in particular, the growth trend in the number of crimes committed using information and telecommunication technologies. In the course of the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, deduction and special scientific methods: formal legal, statistical.

Results: the goals, essence, and also the reasons for which the attacker uses psychological techniques of social engineering in criminal activity are examined in detail, various points of view of the concept of the phenomenon under consideration are analyzed.

Discussion and Conclusions: the author's definition of fraud using social engineering methods is proposed, as well as a forensic understanding of forward and reverse social engineering. The work also draws attention to the importance of studying the characteristics of the designated type of crime to increase the efficiency of disclosing and investigating crimes by law enforcement agencies.

Keywords: forensic science, crime investigation, subject of forensic study, fraud, social engineering, social engineering methods, forward social engineering, reverse social engineering

For citation: Starostenko N.I. Social Engineering as an Object of Forensic Study // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 109-114. DOI: 10.37973/KUI.2021.45.18.017

Введение

Начиная с 2016 года, мошенничество в сфере информационно-телекоммуникационных технологий с использованием методов социальной инженерии, подразумевающее под собой кражу личных данных и применение разнообразных психологических техник манипулирования людьми для достижения корыстных результатов, демонстрирует тенденцию к увеличению. Преступные действия направлены на то, чтобы обманом заставить отдельных лиц или организации выполнить действия по предоставлению им конфиденциальной информации, такой как паспортные данные, номер социального страхования, записи о состоянии здоровья, пароли, секретные сведения банковских карт и др. Социальная инженерия – одна из самых серьезных проблем, стоящих перед сетевой и компьютерной безопасностью, поскольку она использует естественную склонность человека к доверию и манипулированию.

Обзор литературы

Необходимо акцентировать внимание на том, что в наши дни значительно увеличилось количество научных работ, посвященных рассмотрению обозначенной проблемы, и это является достаточным доказательством того, что социальная инженерия приобрела глобальные масштабы и ее тщательное исследование имеет значение для обеспечения информационной безопасности всего общества.

Актуальные вопросы применения социальной инженерии в преступных целях интересовали таких авторов, как Ю.Н. Жданов, В.С. Овчинский, А.Л. Осипенко, А.В. Черемушкин, П.В. Ревенков, А.А. Бердюгин и др. Проведенное исследование призвано не только обобщить мнения названных авторов, но и конкретизировать понимание мошенничества, совершенного с использованием методов социальной инженерии.

Материалы и методы

Материалами исследования являются нормы действующего российского законодательства, научные труды авторов, рассматривающих вопросы социальной инженерии, и статистические данные о количестве преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В статистических данных о состоянии преступности в России за период с января по октябрь 2020 года обращается внимание на рост преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, где неправомерное завладение персональ-

ными данными является основным мотивом мошенников для атак¹.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе совершения мошеннических действий с использованием методов социальной инженерии.

В ходе исследования применялись следующие общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция и др.

Результаты исследования

Скомпрометированные личные, медицинские и финансовые данные являются основными ресурсами, востребованными киберпреступностью, а еще в большей степени преступностью, связанной с использованием киберпространства, а также мошенничества с использованием социальной инженерии. Именно указанные данные лежат в основе таких преступных технологий, как фишинг, финансовые мошенничества и т.п. [1].

В связи с этим необходимо более детально рассмотреть смысловое содержание мошенничества с использованием социальной инженерии. Прежде чем ответить на вопрос, что собой представляет данное преступное явление, а также каковы его сущность и цель, следует провести анализ общих положений о понятии социальной инженерии.

Общеизвестно, что понятие социальной инженерии содержится в научных положениях социологии и обозначает совокупность подходов прикладных социальных наук, направленных на модификацию организационных структур, поведение человека и отвечающих за его контроль.

Словарь толкует слово «социальный» (образовано от лат. *socialis* общий, общественный) как понятие всего межчеловеческого, т.е. того, что имеет связь с коллективной жизнью общества, разнообразными формами общения людей и обладает общественным и общностным характером², а слово «инженерия» (образовано от лат. *ingenium* – «искусность» и лат. *ingeniare* – «изловчиться, разработать», «изобретательность») как сфера деятельности, включающая в себя множество специальных отраслей и дисциплин, которые преимущественно направлены на прагматичное использование и употребление научных, практических, социальных и экономических сведений на пользу человека³.

Истории возникновения понятия социальной инженерии известны случаи впервые использования ее приемов в правомерных целях в Древней Греции и Древнем Риме. В те времена ценились ораторские способности выступающих, имеющих

¹ Официальный сайт МВД URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения 25.11.2020).

² Словарь Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 23.11.2020)

³ Словарь Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/> (дата обращения: 23.11.2020)

специальное умение убеждать в дипломатических переговорах. Термин «социальная инженерия» также находит свое применение в политической жизни начала XX века в области науки, где под этим термином понимались психологические методы, позволяющие решать социальные проблемы. С годами, особенно после Второй мировой войны, этот термин приобрел более негативный оттенок и стал ассоциироваться со стереотипами, используемыми политиками для получения электорального преимущества. Сегодня отрицательный термин все еще сохраняется, но получил распространение в области безопасности информационных систем для описания случаев, когда мошенники обманом убеждают людей предоставлять им важную конфиденциальную информацию, а также доступ к денежным средствам.

Одним из первых социальную инженерию в противозаконной деятельности стал применять известный всему миру К.Д. Митник. Успешно применяя методы социальной инженерии, К.Д. Митник осуществлял доступ к электронно-вычислительным машинам компаний, проникал в их телефонные линии, воровал корпоративную конфиденциальную информацию и даже получал доступ к национальной системе предупреждения атак. К.Д. Митник является автором известных книг в сфере киберпреступности, таких как «Искусство обмана» и «Искусство вторжения». В них детально описаны способы и мошеннические схемы злоумышленников по использованию социальной инженерии в корыстных целях в информационно-телекоммуникационной среде.

В указанных трудах социальная инженерия понимается как способ воздействия на человека без применения технических средств. В свою очередь, эти способы базируются на использовании уязвимо эмоционально-психологического состояния человека. В понимании К.Д. Митника целью социальной инженерии признается получение неправомерного доступа к секретным данным личности или отдельной организации [2].

Необходимо отметить, что социальная инженерия включает большое количество разнообразных техник и методик, взятых из практической психологии, нейролингвистического программирования, гипноза и других наук, позволяющих благополучно контролировать поведение людей в преступных целях.

Социальная инженерия представляет собой систему «различных психологических методик и мошеннических приемов, целью которых является получение конфиденциальной информации о человеке обманом путем»¹. Это своеобразный метод (атак) несанкционированного доступа к информации или системам хранения информации «с помощью техник, основанных на использовании слабостей человеческого фактора. Кроме того, данные техники являются очень эффективным оружием мошенников на сегодняшний день»². Известный ученый В.С. Овчинский в своем труде «Мафия. Новые мировые тенденции» отметил, что социальная инженерия «превратилась в один из самых распространенных векторов атак на информацию, от которых сложнее всего защититься» [3, с. 121]. Защититься от атак социальной инженерии становится непросто в связи с тем, что мошенники применяют различные способы воздействия, психологического давления на жертву. Зачастую потерпевший до последнего момента не осознает, что передает конфиденциальную информацию преступнику, способную причинить материальный ущерб, так как последний выстраивает доверительные отношения, используя определенные уловки.

Н.В. Лихачев, разделяя вышеупомянутые точки зрения, утверждает, что «введение в заблуждение – основной «компонент» социальной инженерии, который включает целый ряд разнообразных техник, таких как выдача себя за другое лицо, отвлечение внимания, нагнетание психологического напряжения и т.д.»³. Злоумышленники научились использовать свои методы воздействия на жертву, исходя из особенностей ее поведения.

А.В. Черемушкин под социальной инженерией понимает «обман информационной системы безопасности с помощью данных, получаемых от контактов с обслуживающим персоналом и пользователями на основе введения их в заблуждение за счет разных уловок, обмана и др. [4]. По мнению П.В. Ревенкова и А.А. Бердюгина, социальная инженерия – это метод хищения конфиденциальной информации пользователей [5].

Социальная инженерия часто рассматривается как манипулирование поведением человека с помощью использования социальных и психологических навыков в целях достижения корыстного результата⁴.

¹ НИЦ корпоративной безопасности в Москве - Артемов Н. Социальная инженерия – технология «взлома» человека. URL: <https://srccs.su/tag/nikita-artemov/> (дата обращения 01.02.2020).

² Официальный сайт Хабр. URL: <https://habr.com/ru/post/83415/> (дата обращения: 23.12.2019).

³ Лихачёв Н.В. (Крис Касперский) IT-журналист России, о секретном оружии социальной инженерии. URL: <https://studfile.net/preview/3073459/> (дата обращения: 11.12.2019).

⁴ Социальные инженеры: как не попасться в ловушку кибермошенников. URL: <https://www.rbc.ru/money/28/09/2017/59ca447b9a79474aabf65673> (дата обращения: 23.12.2019).

Теперь обратимся к обоснованию сущности социальной инженерии. Специфика методов социальной инженерии кроется в том, что зачастую они обходят особенности критического и аналитического мышления и направлены в первую очередь на эмоциональную сферу личности жертвы. В связи с этим так эффективны методы социальной инженерии у мошенников. Вместе с тем причины, в связи с которыми мошенники предпочитают использовать методы социальной инженерии, следующие: во-первых, манипулирование людьми в целях получения прибыли кажется для них весьма простым и быстрым способом преступной деятельности, поскольку получить доступ к технической системе безопасности, усовершенствованной новейшими средствами защиты информации, намного сложнее, чем получить ту же информацию от обычного пользователя обманным путем. Во-вторых, мошеннические схемы с использованием социальной инженерии являются более результативными, дешевыми и эффективными. Кроме того, степень вероятности быть пойманным, применяя методы психологического воздействия на жертву, для их инициаторов гораздо ниже, нежели вероятность, возникшая в связи с взломом технического средства. В качестве дополнения следует отметить, что причиной, в связи с которой мошенники совершают рассматриваемые преступления, является самонадеянная убежденность людей в том, что проблему информационной безопасности можно успешно решить с использованием технических программ и аппаратных средств.

Обсуждение и заключения

Необходимо подчеркнуть, что методы социальной инженерии оказываются весьма разнообразными и с течением времени могут совершенствоваться и развиваться в зависимости от появления новых схем мошенничества, при этом их цели всегда будут оставаться одинаковыми. К числу основных целей социальной инженерии можно отнести следующие:

1. Получение конфиденциальной информации, такой как Ф.И.О., номер телефона, номер банковской карты, секретные пароли из СМС, сведения о состоянии здоровья и другие личные данные, которые можно использовать для достижения корыстного результата.
2. Получение неправомерного доступа к мобильному банку жертв и их электронным денежным средствам.
3. Получение паролей от социальных сетей пользователей.

Отметим, что названные цели достигаются за счет использования прямой и обратной соци-

альной инженерии, которые отличаются друг от друга спецификой вступления во взаимодействие с жертвой. Прямая социальная инженерия характеризуется использованием мошенником техник непосредственно при совершении преступлений. Нами сформулировано криминалистическое понятие прямой социальной инженерии, под которой необходимо понимать совокупность действий злоумышленника по совершению с корыстной целью деяния, содержащего психологические техники и приемы воздействия, направленные на введение человека в заблуждение и побуждение его выполнять определенные действия для достижения преступного результата в виде предоставления мошеннику персональных данных и (или) конфиденциальных сведений, повлекших причинение имущественного ущерба собственнику.

Кроме того, существует и обратная социальная инженерия, представляющая совокупность действий злоумышленника, направленных на создание такой ситуации, при которой потерпевшее лицо само вынуждено обратиться к мошеннику и, не подозревая об истинности его преступных намерений, сообщить свои персональные данные и (или) конфиденциальные сведения, в результате чего причиняется имущественный ущерб собственнику. В указанной ситуации обратная социальная инженерия выражена в умышленном создании у пользователя технических проблем, для решения которых он вынужден прибегнуть к помощи преступника и обеспечить ему доступ к наиболее важной информации. А.Л. Осипенко выделяет три фазы обратной социальной инженерии: «диверсию» (создание определенной нештатной ситуации, требующей привлечения специалиста для устранения неполадок в системе), «рекламу» (информирование пользователя о том, что определенное лицо способно помочь в устранении его проблемы), «помощь» (получение полного доступа к компьютеру) [6, с. 146].

В атаке обратной социальной инженерии злоумышленник не инициирует контакт с жертвой. Ее обманом заставляют связаться с нападающим. В результате между преступником и жертвой устанавливается высокая степень доверительных отношений. Как только атака обратной социальной инженерии оказалась успешной, злоумышленник установил дружеские отношения с жертвой, он запускает широкий спектр техник социальной инженерии, таких как убеждение жертв перейти по вредоносным ссылкам, шантаж, кража личных данных, фишинг и др.

Таким образом, проанализировав эмпирический материал, разные мнения авторов, мы пришли к выводу, что мошенничество с использо-

ванием социальной инженерии – это виновное противоправное общественно опасное деяние, выраженное в совокупности психологических способов воздействия и контроля людей, побуждающих их совершать определенные действия по предоставлению мошеннику персональных данных или иных конфиденциальных сведений для достижения последним корыстного результата.

Р.С. Белкин, рассматривая функции криминалистики, в том числе прогностическую, отмечает, что последняя «является фундаментом для теории криминалистического прогнозирования, формой практического приложения данных криминалистической науки в практике борьбы с преступностью. Она способствует полезной интеграции знания в системе криминалистики. Ее роль заключается в предвидении развития действительности и, в том числе, государственно-правовых явлений» [7].

Мнение Р.С. Белкина подтверждает то, что криминалистический аспект и роль социальной инже-

нерии заключается в том, что характеристика преступлений данного вида включает в себя описание механизма их совершения, особенностей личности преступника, а также способов, используемых им при противоправном поведении. Однако криминалистика не содержит комплексной информации о социальной инженерии, что свидетельствует о низкой степени осведомленности правоохранительных органов о специфике рассматриваемого преступного явления.

Полагаем, что криминалистическая значимость изучения способов совершения описанных деяний, характеристики механизма их совершения, анализ особенностей личности мошенника и жертвы, а также алгоритма действий органов следствия по организации расследования этих преступлений на первоначальном этапе представляют особую ценность для разработки научных рекомендаций о сущности, целях и задачах социальной инженерии, позволяющих достичь эффективных результатов в борьбе с преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XXI века. Международный опыт / под ред. С.К. Кузнецова. М.: Международные отношения, 2020. 288 с.
2. Кевин К.Д., Вильям Л.С. Искусство обмана. М., 2004. 360 с.
3. Овчинский В.С. Мафия. Новые мировые тенденции «Коллекция изборского клуба». М.: Книжный мир, 2016. 369 с.
4. Черемушкин А.В. Информационная безопасность: глоссарий / под ред. С. Пазизина. М., 2013.
5. Ревенков П.В., Бердюгин А.А. Социальная инженерия как источник рисков в условиях дистанционного банковского обслуживания // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 9 (354). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-kak-istochnik-riskov-v-usloviyah-distantsionnogo-bankovskogo-obsluzhivaniya> (дата обращения: 23.12.2019).
6. Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт: монография. М.: Норма, 2004. 432 с.
7. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2001. 990 с.

REFERENCES

1. Zhdanov YU.N., Ovchinskij V.S. Kiberpoliciya XXI veka. Mezhdunarodnyj opyt / pod red. S.K. Kuznecova. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. 288 s.
2. Kevin K.D., Vil'yam L.S. Iskusstvo obmana. M., 2004. 360 s.
3. Ovchinskij V.S. Mafiya. Novye mirovye tendencii «Kollekciya izborskogo kluba». M.: Knizhnyj mir, 2016. 369 s.
4. SCheremushkin A.V. Informacionnaya bezopasnost': glossarij / pod red. S. Pazizina. M., 2013.
5. Revenkov P.V., Berdyugin A.A. Social'naya inzheneriya kak istochnik riskov v usloviyah distantsionnogo bankovskogo obsluzhivaniya // Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'. 2017. № 9 (354). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-kak-istochnik-riskov-v-usloviyah-distantsionnogo-bankovskogo-obsluzhivaniya> (data obrashcheniya: 23.12.2019).
6. Osipenko A.L. Bor'ba s prestupnost'yu v global'nyh komp'yuternyh setyah: mezhdunarodnyj opyt: monografiya. M.: Norma, 2004. 432 s.
7. Belkin R.S. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / pod red. R.S. Belkina. M., 2001. 990 s.

About the author: Starostenko N.I., Postgraduate of Krasnodar University of MIA of Russia
e-mail: nstarostenko1996@mail.ru

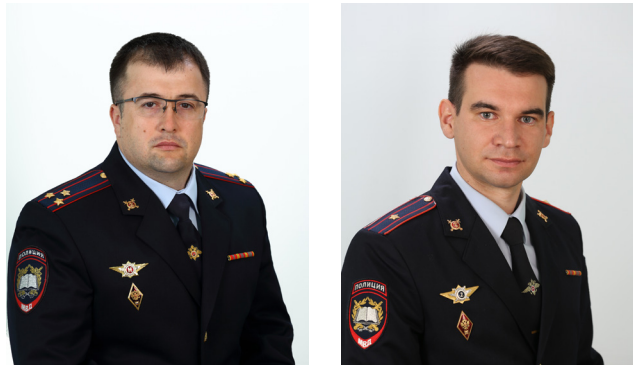
Статья получена: 09.10.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript

А. Ю. Терехов

В. С. Латыпов

**НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕПОНИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ
ПО СЛОЖНЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

**THE NEED TO DEPOSIT EVIDENCE WITNESSES AND VICTIMS
IN COMPLEX CRIMINAL CASES**

Введение: в статье авторами подвергнуты анализу уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных стран, регламентирующее порядок депонирования показаний, а также действующие нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, позволяющие оглашать показания участников процесса в суде. В работе освещены некоторые вопросы института судебного депонирования показаний и показаний «с чужих слов».

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, логический, сравнительно-правовой, статистический методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений. Материалами исследования послужили доктринальные источники, а также международное, российское законодательство различных исторических периодов и уголовно-процессуальное законодательство ряда государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Результаты исследования: в результате проведенного исследования установлено, что современное уголовное судопроизводство России не содержит норм, позволяющих депонировать показания, но правоприменительная практика по сложным уголовным делам в них нуждается. Авторы предлагают внесение соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), которые направлены на введение уголовно-процессуального института депонирования показаний.

Обсуждение и заключения: представлен авторский подход, направленный на совершенствование законодательного механизма сохранения доказательств на досудебном этапе расследования, путем внесения следующих изменений в действующий УПК РФ: 1) дополнить п. 14 ч. 2 ст. 29 УПК РФ «Полномочия суда» следующим содержанием: «п. 14) о депонировании показаний свидетеля, потерпевшего»; 2) Главу 26. Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний дополнить новой статьей 191.1 «Депонирование показаний».

Ключевые слова и словосочетания: показания свидетелей, депонирование показаний, сохранение доказательств, показания с чужих слов, уголовный процесс, судопроизводство.

Для цитирования: Терехов А.Ю., Латыпов В.С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 115-121. DOI: 10.37973/KUI.2021.20.58.018

Introduction: the authors analyzed the criminal procedural legislation of a number of foreign countries, governing the deposit of evidence and current rules of criminal procedure, which allows reading out the testimony of participants in the process in court. The article highlights some issues of the institution of judicial deposition of testimony and second hand evidence.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was the dialectical method of scientific cognition, logical, comparative legal, statistical methods, as well as observation and other special methods of studying legal phenomena. The materials of the study were doctrinal sources, international and Russian legislations of various historic periods and criminal procedure legislations of the Commonwealth of Independent States countries.

Results: as a result of the study, it was found that the modern criminal justice system in Russia does not contain norms allowing for the deposition of testimony, but law enforcement practice in complex criminal cases needs them. The authors propose the relevant amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which aimed at the introduction of the criminal procedure Institute for Deposit of evidence.

Discussion and Conclusions: the article presents the author's approach, aimed at improving the legislative mechanism to preserve evidence at the pretrial stage of the investigation, by making the following changes to the current Code of Criminal Procedure: 1) add item 14 of Part 2 of Article 29 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "The Powers of the Court" with the following contents: "clause 14) on the deposition of the witness, the victim"; 2) Chapter 26. The interrogation. Face-to-face. Identification. Verification of testimony should be supplemented with a new Article 191.1 "Deposition of Testimony".

Keywords: witness testimony, deposition of testimony, preservation of evidence, hearsay testimony, criminal proceedings, judicial proceedings

For citation: Terekhov A.Y., Latypov V.S. The Need to Deposit Witness and Victims Evidence in Complex Criminal Cases // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. V. 12, No 1. P. 115-121. DOI: 10.37973/KUI.2021.20.58.018

Введение

Разрешение любого уголовно-правового спора, расследования преступления состоит из сбора доказательств уполномоченными на то должностными лицами. С.А. Шейфер отмечал, что процесс сбора доказательств основывается на «отыскании, восприятии и закреплении доказательственной информации» [1, с. 18]. Существуют различные правовые и криминалистические способы закрепления необходимой информации для последующего их использования в рамках судопроизводства, к одному из таких способов закрепления (сохранения) информации следует относить и депонирование показаний.

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Кыргызской Республики, Эстонии, Республики Казахстан, Республики Армения, Украины, Грузии и иных нормативных актов. В ходе подготовки изучены работы по исследуемой проблематике С.А. Шейфера [1], И.А. Зинченко и А.А. Попова [2], А.С. Гамбаряна [3, 4], С.А. Симоняна [4], А.А. Темирбековой [5], Н.В. Галяшина [6], А.В. Скопинского [7], А.Н. Ахпанова [8], Л.А. Воскобитовой [9], а также учитывались ранее апробированные исследования авторов [10].

Материалы и методы

Применяемые в процессе настоящего исследования частнонаучные методы, такие как системно-структурный, формально-логический, логико-семантический, метод сравнительного

правоведения, позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения. Нормативной основой настоящего исследования послужили: Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Устав Уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР (1922, 1923, 1960 гг.), федеральное законодательство России, Уголовно-процессуальные кодексы Кыргызской Республики, Эстонии, Республики Казахстан, Республики Армения, Украины, Грузии, позволившие применить метод сравнительно-правового исследования и прийти к определенным общетеоретическим результатам и конкретным предложениям о возможности имплементации отдельных уголовно-процессуальных норм и институтов.

Результаты исследования

Правовой институт депонирования показаний участников уголовного судопроизводства не знаком современному уголовному процессу России. Вместе с тем в доктрине уголовного процесса неоднократно обращалось внимание на проблемы и процессуальный порядок депонирования показаний [2, 3, 4, 5]. Однако комплексные исследования в реалиях современного уголовно-процессуального законодательства России не проводились.

В рамках настоящего исследования предлагаем проанализировать понятие, историю происхождения депонирования, основание и необходимость его применения, дать процессуальную характери-

стику депонированных показаний как вида доказательств и определить необходимость и возможность введения данного правового института в современную правоприменительную практику.

Итак, что же следует понимать под депонированием показаний? Большой юридический словарь дает несколько толкований: 1) сдача на хранение в кредитные учреждения денежных сумм, ценных бумаг (акции, векселя, облигации, чеки) и др. ценностей. 2) сдача на хранение депозитарию подлинника международного договора, ратификационных грамот, документов о присоединении к международному договору или о его денонсации». Объединяет эти понятия основная цель депонирования – это сохранение необходимого документа. Проецируя понятие «депонирование» в уголовно-процессуальную плоскость, следует определить, что в международной практике понимают под депонированием показаний в уголовном судопроизводстве и присущ ли данный уголовно-процессуальный институт отечественному уголовному процессу.

Обратимся к уголовно-процессуальному законодательству стран постсоветского пространства. Так, процедура депонирования показаний закреплена в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, ст. 69¹ Уголовно-процессуального кодекса Эстонии, ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Схожие нормы можно обнаружить и в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения, Украины, Грузии и ряда других стран. Чем же обусловлено практически повсеместное введение данного института? Ответ закономерен: депонирование показаний позволяет на досудебном этапе расследования получать доказательства, которые могут быть приняты в суде без последующей проверки, но имеет это место в исключительных случаях, когда: 1) имеются реальные опасения за жизнь и здоровье потерпевшего и свидетеля (в случае тяжелой болезни); 2) в рамках обеспечения безопасности участника процесса; 3) отсутствует реальная возможность участия потерпевшего и свидетеля в судебном процессе ввиду постоянного проживания на территории другого государства.

Но не все так просто, как это может показаться на первый взгляд. Следует учитывать, что процедура депонирования показаний с последующей придачей ей легитимности должна соответствовать ряду требований: 1) предусмотренные за-

коном основания проведения депонирования; 2) перечень лиц, имеющих право инициировать депонирование показаний; 3) круг субъектов, имеющих право проводить депонирование показаний; 4) соблюдение процедуры депонирования.

Инициировать депонирование имеют право стороны, заинтересованные в сохранении показаний, как правило, это прокурор, обвиняемый или защитник. Ходатайство должно быть заявлено ими в суд, который, в свою очередь, либо самостоятельно, либо с участием сторон производит это самое депонирование. Предполагается, что депонирование должно быть осуществлено судом либо иным независимым должностным лицом, например, таким как помощник судьи.

Процедура депонирования заключается в необходимости получения показаний лица с соблюдением права сторон на конфронтацию (допрос лица противоположной стороной). Представляется, что обеспечение условия конфронтации является обязательным и необходимым элементом депонирования показания, в противном случае это приведет к нарушению положения, закрепленного Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод о том, что «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: ... (d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него (ст. 6 §3 (d))»².

Представляется, что анализируемый процессуальный институт весьма современен и необходим, в частности, по сложным уголовным делам.

Категория «сложных» уголовных дел рассмотрена нами ранее [10], следует лишь отметить, что законодатель, характеризуя уголовное дело и (или) материал проверки сообщения о преступлении, использует следующие термины: «фактическая сложность», «правовая и фактическая сложность», «особая сложность», «большой объем» и «множественность эпизодов».

Пояснения законодателя в тексте УПК РФ о различиях терминов отсутствуют. Какие критерии должны быть у уголовного дела (материала проверки сообщения о преступлении), чтобы отвечать вышеуказанным характеристикам, законодатель ответа не дает. Возможно, это уголовное дело или материал, где нет быстрого решения

¹ Большой юридический словарь <https://gufo.me/search?term=%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5#article>.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

(несколько обвиняемых, большое количество эпизодов, значительное количество судебных экспертиз и др.) В данном случае право решать обозначенный нами вопрос отдано на откуп лицам или государственным органам, осуществляющим предварительное расследование, а также контроль и надзор за его производством.

Полагаем, если уголовное дело отличается многоэпизодностью, осуществлением уголовного преследования организованной преступной группы, наличием посткриминального воздействия на участников уголовного судопроизводства (потерпевших и свидетелей), эти факторы с высокой долей вероятности могут привести к отказу дачи показаний ключевых свидетелей и потерпевших. Возможность применения мер государственной защиты в рамках Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ¹ не лишает необходимости присутствия в ходе судебного заседания и не снимает угрозы причинения вреда жизни и здоровью ключевых участников процесса.

Предвосхищая возможную позицию оппонентов о существующей в действующем УПК РФ возможности оглашении показаний потерпевшего и свидетеля в суде в соответствии с 281 статьей, заметим, что это не является депонированием показаний. Более того, доказательственное значение показаний, представленных в таком порядке, вызывает сомнение по той простой причине, что при их получении не было соблюдено право на конфронтацию. Это, скорее, показания «с чужих слов» – Hearsay, которые не могут быть подвергнуты проверке в ходе перекрестного допроса. Мы разделяем позицию Н.В. Галяшина о том, что «фактические данные, содержащиеся в производном доказательстве, полученном в форме озвучивания «чужих слов», могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после одновременной оценки их допустимости и достоверности с учетом того, насколько это доказательство надежно и насколько оно подтверждается другими доказательствами в деле. В случае включения производного доказательства категории «с чужих слов» в доказательственную базу суду следует устанавливать источник осведомленности лица, дающего показания, оценивать обстоятельства получения доказательства со слов другого лица, проверять, заслуживает ли источник, со слов которого озвучивается информация, доверия, оценивать достоверность озвученной информации и возможность ее искажения при переказе» [6, с. 15–16].

Действительно, депонирование показаний и получение показаний «с чужих слов» – схожие процессуальные институты, но не тождественные, их следует различать. В связи с этим достаточно емко отмечено армянским процессуалистом А.С. Гамбаряном: «При наличии оснований, предусмотренных законом, в досудебном производстве необходимо срочно депонировать показание свидетеля, а не ждать пока сложится ситуация, в которой в суде будут использоваться показания Hearsay. Другими словами, допустимые случаи использования показаний Hearsay не должны использоваться как способ уклонения от депонирования показаний» [3, с. 197]. Прекрасный совет, но воспользоваться им мы, к сожалению, не сможем по объективным причинам, поскольку в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России отсутствует возможность депонирования показаний. Значит ли это, что институт депонирования показаний никогда не был знаком отечественным процессуалистам? Ответить на это вопрос позволит анализ нормативных актов XIX–XX вв. Так, в Уставе уголовного судопроизводства (далее по тексту – УУС) 1864 года в главе 7 «О вызове и допросе свидетелей» раскрыт порядок допроса свидетелей на досудебном этапе расследования. Анализ норм данной главы позволяет выделить производство допроса свидетеля судебным следователем как под присягой, так и без нее. Считаем важным отметить, что свидетели «допрашиваются порознь и, если окажется нужным, то первоначально в отсутствии обвиняемых и прикосновенных к делу лиц» (ст. 446 УУС). То есть, рассуждая от обратного, приходим к выводу о том, что свидетели должны были допрашиваться в присутствии обвиняемого, что обеспечивало право на конфронтацию. Об этом же писал в свое время А.В. Скопинский: «По смыслу рассматриваемой статьи (ст. 446 УУС), устранение обвиняемых и участвующих лиц от присутствия при допросе свидетеля допускается только как мера исключительная...» [7, с. 78–79]. Сказанное позволяет утверждать о существовании возможности депонирования показаний в уголовном судопроизводстве Российской империи. К сожалению, произошедшие политические преобразования в стране, приведшие к свержению царской династии и смене политического курса, внесли коррективы и в уголовный процесс. Уголовно-процессуальные кодексы 1922, 1923 года не позволяли осуществлять депонирование показаний, равно как и не предусматривали конфронтацию, перекрестный допрос (очную ставку). Не

¹ См.: О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ : ред. от 07 февраля 2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

содержали такого процессуального института и последующие Уголовно-процессуальные кодексы 1960 и 2001 гг.

Является ли это недостатком современного российского уголовного процесса? Сложно дать однозначный ответ на этот вопрос. Наличие права на судебное депонирование показаний влечет за собой критическую вероятность злоупотребления этим правом и повсеместным попыткам (обоснованным и вероятностным) закрепления доказательств на досудебных этапах расследования.

Ученые-процессуалисты стран, где уголовно-процессуальное законодательство допускает депонирование показаний, заявляют о недопустимости допроса большого количества свидетелей в таком порядке и предлагают законодательно ограничить допустимое количество депонированных показаний в рамках одного дела (например, не более пяти с каждой из сторон) [8, с. 178]. В данном ключе справедливо замечание А.С. Гамбаряна о том, что «формализованный подход о закреплении законом числа свидетелей, подлежащих депонированию, ... неприемлемы, ... так как невозможно предвидеть показания скольких свидетелей объективно понадобится депонировать» [3, с. 196], «судебное депонирование показаний не должно преобразовываться в суррогат судебного следствия» [3, с. 195].

Переходя к общему выводу по проведенному исследованию, считаем необходимым констатировать следующее: во-первых, судебное депонирование показаний является важным уголовно-процессуальным институтом современности, позволяющим на этапе досудебного производства сохранить и придать легитимность показаниям ключевых участников процесса – потерпевших и свидетелей, при наличии предусмотренных законом оснований; во-вторых, действующее уголовно-процессуальное законодательство России не предусматривает право на депонирование показаний, в отличие от Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Предусмотренная ст. 281 УПК РФ возможность оглашения показаний в суде не является «депонированием показаний», поскольку не обеспечивает право на конфронтацию и представляет собой ни что иное как показание «с чужих слов» – Hearsay; в-третьих, современные правоприменители нуждаются в возможности депонирования показаний по сложным уголовным делам.

По мнению Л.А. Воскобитовой, «судебное депонирование – один из способов придания фактам, добытым защитником, законной силы. Это особенно актуально, когда защитник видит в действиях следователя незаконные методы воздей-

ствия на свидетеля в виде угроз, запугивания или подобные действия со стороны иных лиц, или особенности возраста свидетеля (например, несовершеннолетний) и понимает, что возможно не сможет обеспечить явку таких свидетелей в суд для проведения допроса там. Именно поэтому депонирование показаний предоставляет защитнику возможность добыть процессуальное доказательство и без производства дополнительных, специальных следственных действий, узаконить его» [9, с. 291].

Обсуждение и заключения

Введение института депонирования показаний повлечет необходимость внесения комплексных системных преобразований в большое количество уголовно-процессуальных институтов, в частности, сложность представляет отсутствие в системе субъектов уголовно-процессуальных отношений судебных следователей (или следственных судей). Полагаем, что при наличии ходатайства сторон о необходимости депонирования показаний процедуру допроса может осуществить в присутствии прокурора и защитника сам судья. Безусловно, многие вопросы требуют дополнительного исследования и нуждаются в детальной проработке, например, такие как возможность инициирования депонирования показаний адвокатским запросом, пределы депонирования показаний, возможность нотариального заверения депонированных показаний и много другое.

Предлагается рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений в действующий УПК РФ:

1) дополнить п. 14 ч. 2 ст. 29 УПК РФ «Полномочия суда» следующим содержанием:

«п. 14) о депонировании показаний свидетеля, потерпевшего»;

2) Главу 26. Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний дополнить новой статьей 191.1 «Депонирование показаний».

Структурно новелла должна включать в себя: цель депонирования показаний; круг лиц, чьи показания могут быть депонированы; основания и условия для допроса судьей; процедуру инициации депонирования; сроки и порядок принятия решения о проведении допроса; круг должностных лиц и участников уголовного судопроизводства, которые должны принять участие в процедуре допроса (последствия неявки); место проведения допроса; порядок оглашения депонированных показаний в суде.

Предполагается, что представленные в данной статье тезисы послужат началом серии публикаций, целью которых является научный анализ возможности и необходимости введения депонирования показаний свидетелей и потерпевших по уголовным делам, отличающимся сложностью или большим объемом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981. 127 с.
2. Зинченко И.А., Попов А.А. Структура уголовно-процессуального института депонирования показаний: цель и основания его применения // Библиотека криминалиста: науч. журнал. 2015. № 1 (18). С. 119–122.
3. Гамбарян А.С. Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 184–198.
4. Гамбарян А.С., Симонян С.А. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. С.С. Аветисяна. М.: Юрлитинформ, 2016. 160 с.
5. Темирбекова А.А. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 6. С. 72–76.
6. Галяшин Н.В. Англосаксонская модель производных доказательств (Hearsay) и возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. 237 с.
7. Скопинский А.В. Свидетели по уголовным делам: пособие для практиков. М., 1911. 194 с.
8. Ахпанов А.Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 4 (45). С. 173–179.
9. Воскобитова Л.А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании: монография // Теория уголовного процесса: состязательность / под ред. Н.А. Колоколова. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2013. 362 с.
10. Терехов А.Ю. К вопросу о терминологии, используемой законодателем для характеристики уголовного дела // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 24 сентября 2020 года / под общ. ред. А. Ю. Терехова. 2020. С. 7–9.

REFERENCES

1. Shejfer S.A. Sledstvennye dejstviya. Sistema i processual'naya forma. M.: YUrid. lit., 1981. 127 s.
2. Zinchenko I.A., Popov A.A. Struktura ugovolno-processual'nogo instituta deponirovaniya pokazanij: cel' i osnovaniya ego primeneniya // Biblioteka kriminalista: nauch. zhurnal. 2015. № 1 (18). S. 119-122.
3. Gambaryan A.S. Sudebnoe deponirovanie pokazanij: staryj processual'nyj institut pod novym nazvaniem // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. 2018. № 2. S. 184-198.
4. Gambaryan A.S., Simonyan S.A. Sudebnoe deponirovanie pokazanij v sovremennom ugovolnom processe: monografiya / pod nauch. red. dokt. jurid. nauk, prof. S.S. Avetisyana. M.: YUrlitinform, 2016. 160 s.
5. Temirbekova A.A. Sudebnoe deponirovanie pokazanij v sovremennom ugovolnom processe // Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2019. № 6. S. 72-76.
6. Galyashin N.V. Anglosaksonskaya model' proizvodnyh dokazatel'stv (Hearsay) i vozmozhnosti ee ispol'zovaniya v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2016. – 237 s.
7. Skopinskij A.V. Svideteli po ugovolnym delam: posobie dlya praktikov. M., 1911. 194 s.
8. Ahpanov A.N. Deponirovanie pokazanij poterpevshego i svidetelya v ugovolnom processe Respubliki Kazahstan // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 4 (45). S. 173-179.
9. Voskobitova L.A. Sostyazatel'nost': dve koncepcii uchastiya advokata v dokazyvanii: monografiya // Teoriya ugovolnogo processa: sostyazatel'nost' / pod red. N.A. Kolokolova. CH. I. M.: YUrlitinform, 2013. 362 s.
10. Terekhov A.YU. K voprosu o terminologii, ispol'zuemoj zakonodatelem dlya harakteristiki ugovolnogo dela // Sovremennye problemy ugovolnogo processa: puti resheniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa, 24 sentyabrya 2020 goda / pod obshch. red. A. YU. Terekhova. 2020. S. 7-9.

Об авторах: Терехов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе)

e-mail: terekhov.au@gmail.com

Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

e-mail: Vadi-latypov@yandex.ru

About the authors: Terekhov Aleksey YU., Deputy Head of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), candidate of law, associate Professor
e-mail: terekhov.au@gmail.com

Latypov Vadim S., Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, associate Professor
e-mail: Vadi-latypov@yandex.ru

© Терехов А.Ю., 2021

© Латыпов В.С., 2021

Заявленный вклад авторов

Терехов Алексей Юрьевич – поиск и исследование доктринального материала, доработка текста, анализ уголовно-процессуального законодательства, формирование выводов, оформление статьи по установленным требованиям.

Латыпов Вадим Сагитьянович – разработка и обоснование концепции исследования, определение цели и задачи, сбор и анализ эмпирического материала, подготовка первоначального варианта текста.

Статья получена: 21.10.2020

Статья принята к публикации: 29.03.2021

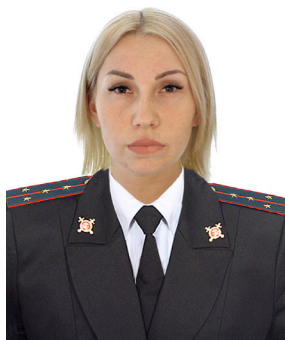
Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript

УДК 343.131

DOI: 10.37973/KUI.2021.21.10.019

И.С. Щелконогова

**К ВОПРОСУ О ПРОБЕЛАХ В НОРМАХ ГЛАВЫ 52
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА И СЛЕДОВАТЕЛЯ**

**TO THE QUESTION ABOUT GAPS IN STANDARDS OF CHAPTER 52
OF THE CODE AGAINST THE LAWYER AND INVESTIGATOR**

Введение: в статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся пробелов в нормах главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), регламентирующих особое производство в отношении следователя и адвоката.

Материалы и методы: основу исследования составили логический метод, а также метод анализа. В качестве эмпирической базы выступают примеры судебной практики привлечения к уголовной ответственности следователя и адвоката в таких городах, как Москва и Сыктывкар.

Результаты исследования: установлено, что в нормах, предусматривающих особое производство в отношении специальных субъектов – адвоката и следователя, требуется законодательное закрепление процедуры их уголовного преследования с указанием четких сроков и конкретизации процессуальных действий в отношении указанных выше лиц.

Обсуждение и заключения: автором статьи сформулировано предложение по устранению пробелов в нормах главы 52 УПК РФ с целью устранения спорных ситуаций в практической деятельности при привлечении к уголовной ответственности следователя и адвоката.

Ключевые слова: отдельная категория лиц, производство по уголовному делу, следователь, адвокат, лица с особым правовым положением.

Для цитирования: Щелконогова И.С. К вопросу о пробелах в нормах главы 52 УПК РФ в отношении адвоката и следователя // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1. С. 122-125. DOI: 10.37973/KUI.2021.21.10.019

Introduction: the article deals with topical issues related to lacunas in the norms of Chapter 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating special proceedings against an investigator and a lawyer.

Materials and Methods: the research is based on the logical method and the analysis method.

Results: it is established that the norms providing for special proceedings against special subjects – a lawyer and an investigator, require legislative consolidation of the procedure for their criminal prosecution with clear deadlines and specification of procedural actions in relation to the above-mentioned persons.

Discussion and Conclusions: the article sets out a proposal for addressing lacunas in the standards of Chapter 52 of the Code to avoid controversial situations in practical activities while bringing to criminal responsibility of persons investigator and a lawyer.

Keywords: separate category of persons, criminal proceedings, investigator, lawyer, persons with special legal status

For citation: Shchelkonogova I.S. Lacunas in Chapter 52 of the Criminal Code of the Russian Federation Against Lawyer and Investigator // Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2021. V. 12, No. 1. P. 122-125. DOI: 10.37973/KUI.2021.21.10.019

Введение

Порядок производства по уголовным делам в отношении отдельной категории лиц, в том чис-

ле следователя и адвоката, предусмотрен в главе 52 УПК РФ¹. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР правовые установления относительно

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020)// СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.10.2020).

отдельной категории лиц отсутствовали, в связи с этим в практической деятельности возникали реальные трудности при привлечении к уголовной ответственности следователя и адвоката. Появление главы 52 в УПК РФ было обусловлено необходимостью решения проблем, связанных с применением ее норм. Отметим, что институт производства по уголовным делам в отношении рассматриваемой категории является новым. Что касается норм главы 50 и главы 51, то их положения расположены систематизированно. Самостоятельный раздел в отношении специальных субъектов был закреплен на законодательном уровне, что позволяет дать положительную оценку данному обстоятельству, так как единая система кодифицированного закона будет облегчать правоприменителям использование положений этого института. Таким образом, особенности – это исключительные правовые предписания, которые регламентируют особую процедуру производства в отношении лиц. Особый порядок производства в отношении отдельной категории лиц, в том числе следователя и адвоката, содержит дополнительные процессуальные гарантии, обусловленные их должностным статусом в силу осуществления ими функций, направленных на защиту государства и общества в целом [1].

Множество вопросов в практической деятельности и следственной практике возникает именно при возбуждении уголовного дела или привлечении в качестве обвиняемых специальных субъектов. Одним из таких вопросов будет являться правильное определение правового статуса лица, так как в случае нарушений, совершенных на первой стадии, в дальнейшем возможно признание решения о возбуждении уголовного дела незаконным. Соответственно, доказательства будут являться недопустимыми.

Спорным остается вопрос о производстве по уголовным делам в отношении лиц, которые утратили особый правовой статус и были уволены с должностей. Полагаем, необходимо, чтобы данный вопрос был разрешен на законодательном уровне, поскольку особый порядок уголовного преследования уже не может быть применен к этой категории лиц. Кроме того, не регламентированы нормы, исключающие утаивание информации о специальных субъектах. Таким образом, необходимо создать правовой механизм, запрещающий укрывательство статуса лицом умышленно.

К сожалению, лица с особым правовым положением продолжают совершать преступления. Недавно был задержан следователь Главного следственного управления комитета, которому предъявлено обвинение по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹. Кроме того, привлекают к уголовной ответственности и адвокатов. К примеру, в 2020 году возбуждено уголовное дело в отношении адвоката в Сыктывкаре².

В практике при привлечении к уголовной ответственности адвоката и следователя встречаются трудности, обусловленные фрагментарностью регламентации соответствующих процедур. Полагаем, что положения главы 52 УПК РФ нуждаются в реформировании. Сложности связаны с недостаточным нормативным регулированием, а также противоречивостью судебной практики. Проблема привлечения к уголовной ответственности лиц в качестве обвиняемых, наделенных иммунитетом, актуальна, потому что положения главы 52 УПК РФ требуют внесения поправок.

Обзор литературы

Нормы, содержащиеся в разделе XVII УПК РФ, являются предметом спорных моментов в уголовно-процессуальной теории и в правоприменительной практике. Вопросы производства по уголовным делам в отношении лиц с особым правовым положением являлись предметом исследований в работах В.Н. Григорьева, А.Ф. Козусева, В.М. Лебедева, В.П. Сальникова. В России в постсоветское время особые льготы и преимущества распространялись на достаточно большую категорию лиц. В настоящее время рассматриваемый выше правовой институт существует в правовых системах таких стран, как Германия, Великобритания, Казахстан, США. В ряде других стран (Туркменистан, Таджикистан), особое производство в отношении этих лиц вообще отсутствует.

По нашему мнению, в уголовно-процессуальном законодательстве имеется еще одна проблема, нуждающаяся в более четком регулировании, связанная с предметом исследования настоящей статьи. Речь идет о пределах действия иммунитетов специальных субъектов, в отношении которых применяется особое производство по уголовному делу, представленное в нормах главы 52 УПК РФ. Предусмотренный в указанной главе порядок яв-

¹ Следователь СКР предложил взятку // Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4475226> (дата обращения 19.10.2020).

² В Сыктывкаре возбуждено уголовное дело в отношении адвоката [Электронный ресурс] // Комиинформ. - <https://komiinform.ru/news/202855/> (дата обращения 15.02.2021).

ляется неразрешенным, имеется множество мнений по этому вопросу. Что касается привлечения к уголовной ответственности отдельной категории лиц, то на данную тему ведутся дискуссии среди представителей юридической науки. Т.Р. Латыпов является сторонником того, что возбуждение уголовного дела по правилам главы 52 УПК РФ будет незаконным в том случае, если лицо в период своей публичной деятельности являлось спецсубъектом и совершило деяние, содержащее признаки преступления, но на момент принятия данного процессуального решения утратило свой особый статус [2]. Таким образом, речь идет о том, что действие иммунитета в отношении специальных субъектов имеет значение на протяжении всего времени нахождения лица в соответствующем положении. О.И. Андреева, напротив, полагает, что процедура привлечения к уголовной ответственности специальных субъектов применяется, когда преступление вне зависимости от его характера было совершено в период осуществления служебной деятельности [3].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили логический метод (при работе с изучением проблемы наличия пробелов при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных адвокатом и следователем), а также метод анализа норм на описательном этапе написания статьи.

Результаты исследования

В положениях статьи 447 УПК РФ перечислены лица, отнесенные к отдельной категории лиц. Однако в нормах статьи 449 УПК РФ, где речь идет о задержании, производство данного действия в отношении адвоката и следователя не регламентировано. Данный вопрос до конца не проработан, в положениях недостаточно полноты и определенности. Председатель Следственного комитета (СК) РФ А.И. Бастрыкин вынес предложение внедрить правовой механизм задержания с целью пресечения злоупотреблений своими статусными гарантиями специальными субъектами.

Нормы статьи 448 УПК РФ регламентируют специфику возбуждения уголовного дела в отношении отдельной категории лиц, в том числе следователя и адвоката. Указанная статья посвящена регулированию порядка возбуждения уголовного дела, основанное на различиях в статусе субъекта, в отношении которого возбуждается уголовное дело, что существенным образом влияет на выбор процедуры возбуждения уголовного дела и возложение принятия такого решения на определенных должностных лиц.

В положениях статьи 448 УПК РФ предлагаем

внести изменения по уведомлению председателя коллегии адвокатов, когда уголовное дело возбуждается в отношении адвоката. Положения ч. 10.1 ст. 448 гл. 52 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «О принятом решении о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката руководитель следственного органа, следователь в течение 24 часов уведомляют председателя адвокатской палаты соответствующего субъекта РФ». Данное предложение считаем актуальным в связи с тем, что не так давно законодатель внес изменения в нормы главы 52 УПК РФ, предусматривающие обязательное присутствие при производстве обыска у адвоката лица, обеспечивающего неприкосновенность сведений и предметов, которые составляют адвокатскую тайну. Хотелось бы, чтобы у правоприменителя было ясное определение данного лица. Кого законодатель относит к этому лицу? Возможно, следует внести представителя адвокатской палаты в нормы УПК РФ, включив его в число участников уголовного судопроизводства и предъявив ему ряд требований с правами и обязанностями. Данный вопрос беспокоит не только нас, но и адвокатское сообщество, так как лицо, производящее обыск в помещении адвоката, посягает на адвокатскую независимость. Кроме того, в статье 449 УПК РФ отсутствуют нормы с указанием лица, принимающего решение о немедленном освобождении специального субъекта при задержании. Необходимо тщательно производить сбор сведений, направленных на подтверждение или опровержение полномочий задержанного лица.

В повседневной жизни граждане должны быть уверены, что следователи и адвокаты компетентны, честны, а также беспристрастны при исполнении своих обязанностей. Государство, обеспечивая независимую деятельность лиц с особым правовым положением, в свою очередь, предъявляет ряд предписаний, одним из которых является следование высоким стандартам поведения. Отметим, что УПК РФ является прогрессивным кодексом, так как производство в отношении некоторых лиц выделено в отдельную главу. Однако, по-нашему мнению, нужно устранять частные проблемы в данной главе.

Нормы закона в этой части не обеспечивают беспрепятственного регулирования, отличаются неполнотой и неопределенностью, что диктует объективную необходимость привести их в соответствие с требованиями по нормативному обеспечению особого производства или же закрепить осуществление производства по уголовным делам в отношении адвоката и следователя в общем порядке. В положениях рассматриваемой нами выше

главы не должны содержать противоречия с жизненными реалиями. Полагаем, необходимо, чтобы законодатель проделал значительную и сложнейшую работу по корректировке уголовно-процессуальных положений, касающихся особого производства в отношении следователя и адвоката.

Обсуждение и заключения

Для устранения правовых пробелов требуется закрепление всей процедуры уголовного преследования в положениях главы 52 УПК РФ. Необходимо указать четкие сроки, а также кон-

кретизацию следственных и процессуальных действий в отношении лиц с особым правовым положением. Полагаем, если законодатель в УПК РФ выделяет специальную главу, содержащую нормы, регулирующие процедуру производства по привлечению к уголовной ответственности лиц с особым правовым статусом, то и норм должно быть значительно больше. Необходимо более подробно регламентировать действия, проводимые в отношении лиц с правом иммунитета, привлекаемых в качестве обвиняемых по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ходжалиев С. А. Категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1070-1071.
2. Латыпов Т.Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 59-65.
3. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Томск, 2006. С. 49.

REFERENCES

1. Hodzhaliev S. A. Kategorii lic, v otnoshenii kotoryh primenyetsya osobyj poryadok proizvodstva po ugovolnym delam // Molodoj uchenyj. 2016. № 10. S. 1070-1071.
2. Latypov T.R. O primenении polozhenij glavy 52 UPK RF pri vozvuzhdenii ugovolnyh del v otnoshenii ot del'nyh kategorij lic // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 8. S. 59-65.
3. Andreeva O.I. Konceptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostej gosudarstva i lichnosti v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii i ih ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugovolnogo processa: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Tomsk, 2006. S. 49.

Об авторе: Щелконогова Ирина Сергеевна, преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России
e-mail: ira-m434mm@yandex.ru

About the author: Schelkonogova Irina S.
Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Teacher of the Department of administrative activity and public order protection
E-mail address: ira-m434mm@yandex.ru

Статья получена: 25.11.2020
Статья принята к публикации: 29.03.2021
Статья опубликована онлайн: 31.03.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Зотиной Еленой Владимировной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес: vestnikkui@mail.ru).

Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Заместитель главного редактора С.Н. Миронов
Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, М.М. Надыршина
Дизайн, верстка Е.О. Смирнова, О.В. Добрыднева
Перевод Е.О. Смирнова
Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 31.03.2021. Цена свободная.
Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 14.8 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.